

Герберт Уэллс

РОССИЯ
В МГЛЕ

Герберт Уэллс

РОССИЯ

ВО МГЛЕ

Сборник

Перевод с английского

Предисловие академика *И. М. Майского*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС» МОСКВА 1970

Составитель и автор послесловия
Ю. И. Кагарлицкий
Редактор и автор примечаний
профессор С. С. Хромов

$\frac{7-3-4}{42-70}$

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЯМ

Впервые я познакомился с Гербертом Уэллсом — еще заочно — 14-летним мальчиком, прочитав его знаменитый фантастический роман «Борьба миров», повествующий о вторжении марсиан на землю. Роман произвел на меня громадное впечатление и сыграл большую роль в моем намерении стать астрономом, когда я перед окончанием гимназии выбирал свой жизненный путь. Однако ветер революции, крепчавший в России на рубеже двух столетий, увлек меня в другую сторону, и астронома из меня не вышло. Но зато глубокий интерес к Уэллсу остался.

В годы первой мировой войны, живя в Лондоне в качестве эмигранта из царской России, я хотел перевести на русский язык роман Уэллса «Мистер Брилинг пьет чашу до дна» и даже завел об этом переписку с писателем, но Февральская революция в России заставила меня спешно броситься на родину, забыв обо всех других делах.

Десять лет спустя, весной 1927 года, я встретился с Уэллсом уже лично. Я работал тогда советником

нашего посольства в Лондоне и изо дня в день вел упорную борьбу с английскими разбойниками пера, изощрявшимися во всевозможных выдумках и фальсификациях о советской стране. Уэллс был тогда одним из редких исключений в этом кипящем море антисоветской лжи, мы, естественно, сблизились и завели доброе знакомство.

С тех пор и вплоть до смерти писателя в 1946 году, в течение почти двадцати лет, мы поддерживали с Уэллсом постоянные отношения — не всегда безоблачные и гладкие, но непрерывные и устойчивые, во всяком случае такие отношения, которые, подводя им общий итог, я могу по справедливости назвать дружескими.

Что же я могу сказать об Уэллсе в предисловии к его книжке «Россия во мгле»?

Герберт Джордж Уэллс был яркой и оригинальной фигурой. Он происходил из чисто плебейских кругов. Сам он мне однажды рассказывал, что отец его был садовником у богатого английского помещика, а мать — старшей горничной у жены этого помещика. Родители писателя были люди тихие и богобоязненные. Мать боготворила «нашу дорогую королеву Викторию» и была твердо уверена, что мир, в котором она живет, вечен и неизменен. Однако ее сын был прирожденным бунтовщиком. Мать рассказывала: во время крещения

он так неистово кричал, что скандализовал всех присутствующих. В детстве Уэллс был упрямым и своевольным мальчиком. «Я вырос,— говорил писатель,— в постоянной оппозиции ко всему, чему меня учила мать. Именно поэтому я стал атеистом, ненавистником королей, республиканцем, проповедником изменчивости всего существующего».

Жалкая школа, в которой учился Уэллс, не оставила в его сознании каких-либо прочных следов, но зато бурное чтение книг, пестрое, беспорядочное, без всякого руководства со стороны старших, чрезвычайно расширило его кругозор и вместе с тем придало его духовному миру зыбкость и неустойчивость. Особенно сильное впечатление на подростка Уэллса произвела «Республика» Платона.

Потом мать устроила беспокойного сына приказчиком в мануфактурную лавку. Она считала это идеальной карьерой для него. Однако в 17 лет Уэллс сбежал из лавки, и тут случай помог ему стать на научно-педагогическую дорогу: Уэллс стал биологом.

В двадцать лет он заинтересовался идеями социализма. Постепенно эти идеи в нем крепились и развивались. Но социализм Уэллса никогда не был марксистским. Марксизм вообще был мало распространен в Англии в те годы. Это был социализм собственного, уэллсовского толка, в котором элементы науки причудливо перемешивались с горячим воображением писа-

теля-фантаста. До конца XIX века Уэллс создавал главным образом научно-фантастические романы, которые, собственно, и обеспечили ему мировую славу. Однако с начала нового века он стал все больше концентрировать свое внимание на проблемах социального и исторического характера. Первыми двумя произведениями нового типа были «Предвидения» (1901) и «Современная утопия» (1905).

В этот период Уэллс становится проповедником «всемирного государства с плановой системой», которое в конечном счете должно разрешить все трудности, излечить язвы капиталистического строя и создать общество свободы и благоденствия. Здесь Уэллс ставил точку и уклонялся от ясного ответа на два исключительно важных вопроса: что является движущей силой такой перестройки мира? И как производится эта перестройка — только ли с помощью мирного воздействия «просвещенного общественного мнения» или же с применением в случае необходимости силы, этой «повивальной бабки» истории? Учения о классовой борьбе он не признавал. Мы много спорили на эти темы с Уэллсом, были моменты, когда он приближался к марксистской точке зрения, потом отступал от нее и искал какого-то компромисса. На этот счет ясности у писателя не было. Слишком часто суждения Уэллса о всемирном государстве и особенно об условиях и путях его возникновения отдавали утопизмом и фантастикой.

Почему Уэллс в 1920 году отправился в Советскую Россию? Он сам объяснял это следующим образом:

«Меня всегда интересовало все новое, необычное... Привычное, обыденное — пресная пища... Мой ум загорается, встречаясь с какой-либо загадкой или с явлением из ряда вон выходящим. Таков уж у меня характер... Так вот, когда в 1917 году большевики сделали революцию и потом создали свое государство, я сразу почувствовал: это что-то новое, такого еще не бывало в истории. Надо посмотреть собственными глазами... Была еще одна причина, действовавшая в том же направлении: после большевистской революции мне стало казаться, что именно в России возникает кусочек того всемирного планового общества, о котором я мечтал. Меня также очень интересовала партия, созданная Лениным... И я поехал».

Так, в конце августа 1920 года Уэллс в сопровождении своего сына оказался в Советской России, еще продолжавшей борьбу против внутренней контрреволюции и иностранной интервенции. Он провел 15 дней в нашей стране (главным образом в Петрограде, где жил у своего старого друга Максима Горького), имел в Москве свою знаменитую беседу с Лениным и по возвращении в Англию опубликовал в еженедельнике «Санди экспресс» серию статей о своих впечатлениях от поездки, вышедших затем в виде небольшой книжки под заглавием «Россия во мгле». Читатель познакомит-

ся с ней на следующих страницах. Мне нет надобности поэтому пересказывать ее содержание. Мне хочется, однако, отметить одно чрезвычайно важное обстоятельство.

Уэллс никогда не был ни марксистом, ни коммунистом. Он даже избегал называть себя социалистом, предпочитая употреблять для определения своего мировоззрения более расплывчатое имя — «коллективист» или «коммуналист». Вполне понятно поэтому, что между Уэллсом и большевиками должны были быть, и действительно были, большие расхождения в теоретической и практической областях. Уэллс не только не скрывает их, но местами даже не скупится в своей книжке на острое словцо в адрес марксизма и практики военного коммунизма. И тем не менее книжка Уэллса, по существу, является глубоко дружественной Советской России, русскому народу и советскому правительству.

Писатель потрясен картиной глубокой разрухи, которую он встретил здесь в 1920 году, мучительно думает над тем, как ее преодолеть, и, не видя конкретных путей для этого, готов впасть в пессимизм. Ему кажется, что Россия тех дней являет собой «картину непоправимого краха» и что, если война продлится еще год, «крушение станет окончательным».

Но Уэллс остается другом Советской страны. Он не хочет мириться со столь мрачными перспективами. Поэтому, вернувшись в Лондон, он начинает действовать.

Он идет к лорду Керзону, тогдашнему британскому министру иностранных дел, и, используя все возможные аргументы (в особенности экономические интересы самой Англии), пытается убедить его оказать помощь советскому правительству — «единственному правительству, возможному сейчас в России» (точные слова Уэллса). Вспоминая об этом эпизоде, писатель возмущенно говорил:

«Керзон просто не мог меня понять. Для него большевистская Россия была только преступником, которого надо уничтожить. Мы говорили на разных языках».

Уэллс обратился также к печати. В своей книжке «Россия во мгле» он опять поднял вопрос о помощи Советской России. Книжка была встречена бешеным ревом в капиталистической прессе Запада (не говоря уже о белогвардейской). С «ответом» Уэллсу выступил сам Черчилль. Уэллс не остался в долгу. В статье «Антибольшевистское мышление» он дал уничтожающую отповедь главному организатору «крестового похода» против большевиков. Дружеское письмо М. Горькому из Лондона от 21 декабря 1920 года писатель закончил словами: «С приветом великой и дорогой, незабываемой России».

Известно, что главным событием визита Уэллса в Советскую Россию была его беседа с Лениным 6 октяб-

ря 1920 года. В ней речь шла в первую очередь о будущем России, и Владимир Ильич развил перед своим собеседником план электрификации нашей страны. Именно после этого разговора Уэллс назвал Ленина «кремлевским мечтателем». Меня, естественно, очень интересовали все обстоятельства их встречи, и Уэллс рассказал по этому поводу следующее:

«Когда я приехал тогда в Россию из благополучной и упорядоченной Англии, меня потрясла господствовавшая у вас разруха, особенно в Петербурге. Мне казалось просто невероятным, что Россия сама, без энергичной помощи извне, сможет встать из бездны, в которую упала. А я ведь хорошо знал, что ни английские, ни американские капиталисты денег большевистскому правительству не дадут... И когда Ленин в такой обстановке стал развивать передо мной свой план электрификации, я невольно подумал: «Вот мечтатель!» Я так и назвал его в своей книжке...»

Однако вопреки опасениям Уэллса Советская Россия не погибла, а стала быстро подниматься из бездны. Это сильно отразилось на настроениях писателя. Приведу один пример. 5 сентября 1930 года, будучи полпредом в Финляндии, я получил от Уэллса весточку. В письме, написанном его нелегко читаемым бисерным почерком, я прочитал: «Мой дорогой Майский, как необыкновенно приятно было получить Ваше дружеское

письмо... Подобно всему остальному миру, я нахожусь в состоянии напряженного ожидания результатов пятилетнего плана. До того я воздерживаюсь от вынесения приговора. Пятилетний план — это самое важное из всего, что сейчас делается в мире.

...Когда мы с Вами встретимся и побеседуем? Искренно Ваш Г. Д. Уэллс».

Встретиться нам пришлось два года спустя, когда в конце 1932 года я приехал в Лондон в качестве вновь назначенного посла СССР в Англии. К тому времени наша первая пятилетка была осуществлена и от бывшего пессимизма Уэллса в отношении России не осталось и следа. Теперь он открыто говорил мне, что в 1920 году он недооценил Ленина, что Ленин оказался не мечтателем, а пророком и одним из самых великих людей в истории человечества. Уэллс особенно ценил в Ленине то, что он был хозяином теории, а не ее рабом и умел применять отдельные положения так, чтобы они не сковывали действия, а способствовали движению вперед. Именно поэтому, говорил Уэллс, Ленин наложил такой неизгладимый отпечаток на весь ход развития России и превратил ее в быстро растущее, могущественное государство.

В 1934 году Уэллс обратился ко мне с просьбой помочь ему в оформлении его поездки в СССР. Он только что вернулся из турне по США, где имел интерес-

ную беседу с Рузвельтом, и теперь хотел вновь побывать в России. Он вспоминал, что, прощаясь с ним в 1920 году, Ленин сказал:

«Приезжайте вновь через десять лет и посмотрите, что сделано в России за это время...»

— Прошло не десять, а четырнадцать лет с тех пор, — прибавил Уэллс, — но это неважно. Я хочу собственными глазами увидеть, во что превратилась теперь Россия».

Желание писателя исполнилось. В конце июля 1934 года Уэллс вновь оказался в Советской стране и провел здесь 11 дней. Он имел большой разговор со Сталиным, виделся с Литвиновым, Бубновым, Горьким, Алексеем Толстым и другими писателями. Знакомился со школами, институтами, учреждениями, фабриками и заводами. Приглядывался к обыденной жизни. Не все, конечно, нравилось Уэллсу (ведь он оставался «коллективистом!»), но в общем и целом он был доволен.

Писатель рассказывал мне:

«Первая пятилетка, о которой я писал Вам в Финляндию, несомненно, удалась. Это чрезвычайно важно с социалистической точки зрения... А практически уровень жизни населения по сравнению с 1920 годом неизмеримо поднялся. Страна сейчас явно живет кипучей жизнью, несмотря на кое-какие болезни роста... Это постепенно изживется... Ленин, хотя и посмертно, сдержал свое обещание об электрификации... Я посетил в

Москве Мавзолей... Ленин опять произвел на меня огромное впечатление... Когда я смотрел на него, спокойного, неподвижного, меня охватило необычайное волнение, и я невольно подумал: «Как жаль, что он так рано ушел!» Но он оставил все-таки после себя Новую Россию...

Да, «России во мгле» больше не было. Теперь была Новая Россия, Союз Советских Социалистических Республик, Россия с ясной дорогой и широкими далями впереди, Россия, открывшая уже в наши дни человечеству дорогу в космос.

Когда сейчас, много лет спустя, предо мной встает образ Герберта Джорджа Уэллса, три его черты ярче всего бросаются в глаза.

Прежде всего это был большой и интересный писатель, с острой мыслью, горячим воображением и ярким художественным талантом, как-то своеобразно сочетавшим в себе ученого, публициста и беллетриста.

Далее, это был широкообразованный и передовой общественный деятель, который с ранних лет отдал свои силы на служение счастью человечества, как он его понимал. Не будучи марксистом, Уэллс делал в этой области немало ошибок, но его мотивы и стремления всегда были честны и благородны. Уэллс являлся и навсегда остался бунтарем-одиночкой в английском понимании этого слова, однако его влияние на

широкие круги английской общественности было, несомненно, велико и благотворно.

Наконец, это был большой друг нашего народа и нашего государства. Не будучи марксистом, Уэллс нередко критиковал те или иные наши взгляды, действия, оценки, но в целом и основном он глубоко сочувствовал той великой борьбе за счастье человечества, которую вела и ведет наша страна. Начиная с 1920 года и кончая днями второй мировой войны, Уэллс всегда стремился облегчить движение нашего народа к социализму. С огромным уважением и восхищением Уэллс относился к Ленину.

Каковы бы ни были отдельные ошибки и недостатки Уэллса, он, несомненно, заслуживает доброй памяти со стороны человечества.

Академик И. Майский

РОССИЯ ВО МГЛЕ

I

ПЕТРОГРАД НА КРАЮ ГИБЕЛИ

В январе 1914 года я провел в Петербурге и в Москве две недели; а в сентябре 1920 года господин Каменев *, приехавший в Лондон в составе русской торговой делегации, пригласил меня побывать там еще раз. Я тотчас же принял приглашение и в конце сентября выехал туда вместе с сыном, который немного говорит по-русски. Мы провели пятнадцать дней в России, главным образом в Петрограде, где нам предоставили полную свободу и, за редкими исключениями, показывали все, что мы желали увидеть. Мы совершили также поездку в Москву, где я имел продолжительную беседу с господином Лениным, о которой расскажу особо. В Петрограде я остановился не в отеле «Интернационал», где обыкновенно размещают иностранцев, а у своего старого друга Максима Горького. Нашим гидом и переводчицей была племянница бывшего русского посла в Лондоне, с которой я познакомился в России еще в 1914 году. Она получила образование в Нью-Йорке, ее пять раз арестовывали при большевиках, ей за-

прещено выезжать из Петрограда, так как она пыталась перейти через границу в Эстонию, где живут ее дети, и от нее менее всего приходилось ожидать пособничества любым попыткам пустить мне пыль в глаза. Я подчеркиваю это, поскольку и в Англии и в России меня со всех сторон предостерегали, что истинное положение будет ловко замаскировано и, где бы я ни побывал, мне всюду постараются втереть очки.

Однако на деле положение России столь ужасно и бедственно, что замаскировать его нет никакой возможности. Официальную делегацию, пожалуй, еще можно попытаться как-то отвлечь, оглушить приемами, громом оркестров, трескучими речами. Но едва ли мыслимо представить в розовом свете два огромных города пытливому взору двоих случайных гостей, которые к тому же часто ходят порознь. Разумеется, когда просят показать школу или тюрьму, выбирают далеко не самое худшее. В любой стране постарались бы показать что получше, и тут Советская Россия — не исключение. На это можно сделать скидку.

Самое потрясающее из впечатлений, испытанных нами в России, — это впечатление величайшего и непоправимого краха. Огромная монархия, господствовавшая здесь в 1914 году, с ее системой управления, общественных институтов, финансов и экономики, пала и разрушилась до основания, не выдержав беспрерывной шестилетней войны. История еще не видела столь чу-

довищной катастрофы. В наших глазах это крушение затмевает даже саму революцию. Под жестокими ударами империалистической агрессии насквозь прогнившая Россия, которая до 1914 года была неотъемлемой частью старого цивилизованного мира, рухнула и исчезла с лица земли. Крестьянство, которое было краеугольным камнем государственной пирамиды, все так же возделывает землю и живет без особых перемен. Все остальное разрушено или разрушается. При этих чрезвычайных обстоятельствах, среди всеобщего развала, власть взяло правительство, которое опирается на сплоченную партию — партию коммунистов, насчитывающую около 150 000 активных членов*. Ценой массовых расстрелов это правительство справилось с бандитизмом, установило относительный порядок и спокойствие в обескровленных городах, ввело предварительную систему пайков.

Должен сказать сразу, что в настоящее время это единственное правительство, возможное в России. Только оно одно воплощает в себе идею, только оно еще дает России основу для сплочения. Но главное не в этом. Для западного читателя важнее всего тот печальный и грозный факт, что общественно-экономическая система, построенная по образу и подобию нашей, а также тесно с нею связанная, потерпела крах.

Нигде в России этот крах не предстает с такой умолимой очевидностью, как в Петрограде. Петроград

создавался искусственно, по воле Петра Великого; его бронзовая конная статуя, воздвигнутая в небольшом скверике близ Адмиралтейства, и посейчас высится среди города, в котором едва теплится жизнь. Петроградские дворцы либо заброшены и пустуют, либо заняты новыми правительственными учреждениями, и так странно видеть здесь дощатые перегородки, пишущие машинки и столы, за которыми работают люди, отдающие все силы борьбе с голодом и иностранной интервенцией. Прежде в городе было множество магазинов, где шла бойкая торговля. В 1914 году мне нравилось бродить по петроградским улицам среди оживленной толпы и покупать всякие мелочи. Теперь эти магазины закрыты. Вероятно, на весь Петроград наберется не более пяти или шести торгующих магазинов. Есть один государственный посудный магазин, где я купил, кажется, за семьсот или восемьсот рублей несколько блюдец вместо сувенира, есть еще несколько цветочных ларьков. Меня поразило, что в почти обезлюдевшем городе, над которым нависла угроза голодной смерти, в городе, где едва ли не каждый носит на себе единственный костюм и единственную смену ветхого, заплатаемого белья, продают и покупают цветы. За пять тысяч рублей, что по текущему курсу составляет на наши деньги примерно шесть шиллингов восемь пенсов, можно купить букет крупных, изумительно красивых хризантем.

Не знаю, могут ли слова «все магазины закрыты» дать западному читателю хотя бы приблизительное представление о том, как выглядит сейчас улица в русском городе. Она не имеет ни малейшего сходства с Бонд-стрит или Пикадилли в воскресный день, когда магазины степенно дремлют за спущенными шторами, чтобы в понедельник снова пробудиться к жизни. У этих магазинов самый жалкий и заброшенный вид; краска облезает, витрины либо потрескались, либо выбиты вовсе и заколочены досками, уцелевшие кое-где остатки товаров засижены мухами, иные витрины сплошь заклеены объявлениями; стекла все больше мутнеют, меж рамами скопилась двухлетняя пыль. Эти магазины мертвы. Им никогда уже не воскреснуть.

Закрыты и все большие петроградские рынки, напоминающие восточные базары, так как идет отчаянная борьба за то, чтобы удержать под общественным контролем товары первой необходимости, не дать спекулянтам до невероятия взвинтить цены на последние, скудные запасы продовольствия. Когда магазины закрыты, гулять по улицам попросту нелепо. И никто уже не «гуляет». Выясняется, что современный город не что иное, как бесконечные ряды магазинов, ресторанов и тому подобных заведений. Закройте их, и улица тотчас утратит всякий смысл. Торопливо снуют редкие прохожие — помнится, в 1914 году здесь было гораздо оживленней. Трамваи, обычно переполненные,

еще ходят до шести вечера. Это единственный транспорт, доступный всем жителям, оставшимся в городе, — последнее, что было унаследовано от капиталистического предпринимательства. При нас за проезд в трамвае перестали взимать плату. Прежде билет стоил два или три рубля — за одно яйцо приходится платить раз в сто больше. Поэтому и до отмены проездной платы трамваи были ничуть не менее перегружены в те часы, когда люди возвращаются с работы. При посадке возникает давка. Если не удастся влезть в вагон, виснут на подножках и буферах. В часы пик трамваи буквально облеплены людьми, уцепившимися за что попало; сплошь и рядом кого-нибудь сталкивают, происходят несчастные случаи. Мы видели толпу, обступившую ребенка, которого трамвай перерезал пополам, и даже в том небольшом кругу людей, с которыми мы общались в Петрограде, двое сломали ноги, сорвавшись с трамвая.

Улицы, по которым ходят эти трамваи, в ужасающем состоянии. Вот уже три или четыре года их не ремонтируют; это сплошные ухабы, похожие на воронки от снарядов, глубиной нередко в два или три фута. Морозы изгрызли мостовые, водостоки обрушились, деревянные тротуары взломаны, их растащили на дрова. Лишь один-единственный раз мы видели в Петрограде попытку отремонтировать улицу. Какая-то неведомая организация привезла в тихую улочку кучу торцов и

два бочонка смолы. Для дальних поездок по городу нам обычно давали принадлежащий государству автомобиль из тех, что остались от прежних времен. Во время этих поездок нас немилосердно трясло и без конца швыряло на крутых поворотах. Эти чудом уцелевшие автомобили заправляют теперь керосином. Они чихают, окутываясь облаком голубоватого дыма, причем моторы их запускаются с пулеметным треском. Все деревянные дома минувшей зимой были разобраны на дрова, и в провалах, зияющих меж каменных зданий, видны лишь развороченные кирпичные печи и фундаменты.

Все ходят в обносках; и в Петрограде и в Москве все тащат на себе мешки. Когда идешь в сумерки по глухой улице и навстречу попадают лишь оборванные, торопящиеся люди с ношей на плечах, создается впечатление, что жители поголовно покидают город. И такое впечатление не вполне обманчиво. Я видел большевистские статистические сводки, в которых этот вопрос освещен откровенно и честно. Население Петрограда насчитывало прежде 1 200 000 человек, теперь же здесь осталось немногим более 700 000 жителей, и число их все сокращается. Многие вернулись в деревню крестьянствовать, многие эмигрировали, но главный урон нанесли суровые лишения. Смертность в Петрограде составляет более 81 на 1000 человек; в прошлом она составляла 22 на 1000 и уже тогда пре-

вышла смертность в крупных западноевропейских городах. Недоедание, полнейший упадок жизненных сил повлекли за собой падение рождаемости до 15 на 1000 человек. В прошлом она составляла 30 на 1000.

В мешках, с которыми люди не расстаются, иногда носят продовольственные пайки, выдаваемые в советских учреждениях, иногда же — что-либо предназначенное на продажу или купленное незаконным путем. Русские всегда питали пристрастие к торговле и любили поторговаться. Даже в 1914 году в редком из петроградских магазинов товары продавались по твердым ценам. Никто не признавал установленных цен; в Москве извозчики непременно торговались, сбавляя по гривеннику. Перед лицом нехватки почти всех товаров, нехватки, отчасти обусловленной бременем военных расходов — ибо Россия вот уже шесть лет непрерывно ведет войну, — отчасти же порожденной крушением всего общественного строя, а также блокадой, при совершенно неупорядоченном денежном обращении спасти города от бесконтрольной торговли из-под полы, спекуляции, голода и, наконец, от самой примитивной грызни из-за остатков продовольствия и предметов первой необходимости можно было одним лишь способом — введя какую-то форму общественного контроля и систему пайков.

Советское правительство ввело эту систему из принципиальных соображений, но всякое другое правитель-

ство в России вынуждено было бы сейчас сделать то же самое. Если бы война в Западной Европе продолжалась по сей день, в Лондоне тоже были бы введены пайки на продукты, ордера на одежду и квартиры. Но в России это пришлось осуществлять на основе стихийного крестьянского хозяйства, имея дело со своим правным и необузданным населением. Поэтому борьба неизбежно приняла жестокий характер. С пойманным спекулянтom, настоящим спекулянтom, наживающим на своей торговле значительные барыши, расправа бывает короткой: его расстреливают. Сурово карают даже за обыкновенную торговлю. Всякая торговля сейчас рассматривается как «спекуляция» и запрещена законом. Но на диковинную уличную торговлю снедью и всякими мелочами в Петрограде смотрят сквозь пальцы, в Москве же она ведется и вовсе открыто, потому что только благодаря этому крестьяне привозят в города продукты.

Широко распространена также подпольная торговля между знакомыми людьми. Всякий по мере возможности старается таким способом добавить что-нибудь к своему пайку. У каждой железнодорожной станции торгуют в открытую, как на рынке. Повсюду мы видели толпу крестьян, которые ожидают поезда и предлагают молоко, яйца, яблоки, хлеб и прочее. Пассажиры вылезают из вагонов и наполняют мешки. Яйцо или яблоко стоит 300 рублей.

Судя по виду, крестьяне вполне сыты, и я думаю, им живется не хуже, чем в 1914 году. Пожалуй, даже лучше. Теперь у них стало больше земли, и они избавились от помещиков. Никакие попытки свергнуть советское правительство не встретят у них поддержки, так как они убеждены, что, пока это правительство у власти, теперешнее положение не изменится. Это не мешает им всеми силами сопротивляться красногвардейцам, заготавливающим продовольствие по установленным ценам. Иногда им удается напасть на небольшой красногвардейский отряд и перебить его. Лондонские газеты раздувают каждый такой случай, спеша возвестить о крестьянском восстании против большевиков. В действительности ничего подобного нет. Просто крестьяне стремятся жить привольно при существующем строе.

Однако за исключением крестьян, все классы общества — в том числе и руководящие круги — испытывают сейчас крайние лишения. Кредитная система и промышленность, изготовлявшая предметы широкого потребления, пришли в полное расстройство, а все попытки создать другую форму производства оказались безуспешными. Поэтому новых товаров нет нигде. Едва ли не единственное, что имеется в изобилии, — это чай, папиросы и спички. Спичек в России сейчас больше, чем их было в Англии в 1917 году, причем спичка советского производства отличается превосходным ка-

чеством. Однако достать такие вещи, как воротнички, галстуки, ботиночные шнурки, постельное белье и одеяла, ложки и вилки, самую необходимую посуду и галантерею, попросту немислимо. Если случается разбить стакан или чашку, купить новые можно только из-под полы, после долгих поисков. Из Петрограда в Москву мы ехали в спальном вагоне люкс, но в купе не было графина, стаканов, самых простых вещей. Решительно все исчезло. Поначалу нам показалось удивительным, что почти все мужчины небрежно бреются, и мы склонны были приписать это всеобщему безразличию, но поняли, в чем дело, когда один знакомый обмолвился в разговоре с моим сыном, что вот уже год бреется одним-единственным безопасным лезвием.

Медикаменты тоже невозможно достать. Нет лекарств от простуды и от головной боли; нельзя лечь в постель с грелкой. Поэтому малейшее недомогание часто переходит в серьезную болезнь. Почти у всех, с кем нам приходилось общаться, болезненный и подавленный вид. Редко можно встретить бодрого, здорового человека в этой обстановке лишений и житейских забот.

Тех, кто тяжело заболевает, ожидает печальная судьба. Мой сын побывал в Обуховской больнице и рассказал мне, что положение там самое прискорбное. Больница испытывает ужасающую нехватку решительно во

всем, половина коек пустует, но больных не принимают ввиду невозможности обеспечить за ними уход. О дополнительном, калорийном питании не может быть и речи, разве только родственники больного каким-либо чудом сами добудут продукты и принесут передачу. Доктор Федоров рассказал мне, что операции бывают лишь раз в неделю, когда удается подготовить самое необходимое. В остальные дни об этом нечего и думать, больные вынуждены ждать.

Едва ли в Петрограде найдутся люди, имеющие вторую смену одежды, и в огромном городе, где нет много транспорта, кроме редких, переполненных трамваев¹, все носят старые, прохудившиеся сапоги, которые обычно приходится не в пору. Но изредка видишь поразительные контрасты. Директор школы, куда мы приехали без предупреждения, удивил меня своим щегольством. Он был в смокинге и голубой саржевой жилетке. Некоторые выдающиеся ученые и литераторы, с которыми я встречался, ходили без воротничков, обмотавшись шарфами. Горький носит единственный свой костюм.

В Петрограде, на встрече с литераторами, извест-

---

¹ На Неве я видел однажды набитый битком пассажирский пароходик. Обычно же река пустынна, лишь изредка проплывет принадлежащий государству буксир или покажется лодочник, вылавливающий из воды деревянные обломки. (Прим. автора).

ный писатель господин Амфитеатров¹ обратился ко мне с длинной речью, исполненной горечи. Он, подобно многим, был уверен, что я слеп и тупоумен, что мне пускают пыль в глаза. Он призывал всех присутствующих снять свои благопристойные пиджаки, дабы я собственными глазами увидел скрываемые под ними жалкие лохмотья. Слушать его было тяжело, тем более что мне он не сообщил ничего нового, но я привожу здесь этот случай, чтобы подчеркнуть, сколь велика всеобщая нищета. Полураздетые жители этого разоренного и разрушенного города, несмотря на тайную торговлю, живут впроголодь. Советское правительство при всем своем желании не может удовлетворять их насущные нужды. В районной кухне мы видели, как распределяют питание по общим нормам. Мы отметили чистоту и хорошее обслуживание, но это не может возместить нехватку продуктов. По самой низкой категории там выдавали миску жидкой похлебки и примерно столько же яблочного компота. Хлеб отпускают по карточкам, и люди подолгу выстаивают за ним в очередях, но однажды, когда не было муки, пекарни в Петрограде целых три дня совсем не выпекали хлеба. Качество

---

¹ Амфитеатров А. В. (1862—1923) — русский буржуазный фельетонист и беллетрист. Вскоре после описываемых событий эмигрировал и сотрудничал в наиболее реакционных зарубежных журналах.

хлеба не одинаково: иногда это превосходный черный хлеб из грубой муки, иногда же — сырой, вязкий, как глина, и несъедобный.

Не знаю, могут ли все эти бессвязные подробности дать западному читателю представление о том, какова сейчас повседневная жизнь Петрограда. Говорят, в Москве гораздо хуже с жильем и топливом, но внешне она выглядит далеко не так мрачно, как Петроград. Нашему взгляду все это представилось в октябре, в удивительно ясные, погожие дни. Представилось в сиянии солнца, в уборе багряной и золотой листвы. Но в один прекрасный день похолодало, жухлые листья закружились в воздухе, затем пошел снег. Впервые ощутилось дыхание близкой зимы. А потом снова вернулось осеннее великолепие.

Когда мы покидали Россию, солнце еще ярко сияло. Но при мысли о близкой зиме у меня сжимается сердце. Советское правительство не пожалело усилий, чтобы подготовить Северную коммуну¹ к предстоящим трудностям. Дрова сложены штабелями на набережных, посреди главных улиц, во дворах — всюду, где только возможно. В прошлую зиму многие жили в домах при температуре ниже нуля; водопроводные трубы замерзли, канализация не работала. Читатель легко может

---

¹ Северной коммуной в 1918 — 1920 гг. назывались Петроград и Петроградский промышленный район.

представить себе последствия. Люди ютились в едва освещенных комнатах, поддерживая силы чаем и разговорами. Придет время, и кто-нибудь из русских писателей расскажет нам, что это значило для ума и сердца русского человека. Возможно, в нынешнем году будет легче. Говорят, будто и продовольственное положение улучшилось, но мне трудно в это поверить. Железные дороги пришли почти в полную негодность; паровозные котлы топят дровами, и локомотивы все более изнашиваются; когда составы, громыхая, ползут со скоростью не свыше двадцати пяти миль в час, болты шатаются и рельсы дрожат под колесами. Но даже если бы железные дороги не были в столь безнадежном состоянии, все равно южные продовольственные районы захвачены Врангелем. Скоро холодные дожди обрушатся на 700 000 душ населения, оставшегося в Петрограде, а потом пойдут снега. Ночи становятся все длиннее, а дни убывают.

Вы скажете, что в этих бедствиях и всеобщем упадке повинна власть большевиков! Но я не верю в это. О большевистском правительстве я расскажу подробнее после того, как обрисую картину в целом. Но должен сказать сразу, что разоренная Россия отнюдь не подверглась нападению некой разрушительной и злоедейской силы. Прогнивший строй сам по себе пришел в упадок и рухнул. Не при коммунизме, а при капитализме построены нелепые громады этих городов. Не

коммунизм сверг эту гигантскую, пошатнувшуюся, обанкротившуюся империю в опустошительную шестилетнюю войну. Это сделал европейский империализм. И не коммунизм подверг истерзанную и, быть может, погибающую Россию непрерывным нападениям платных наемников, интервенции и мятежам, не коммунизм стиснул ее в кольцо жестокой блокады. Мстительный французский кредитор, тупоголовый английский журналист гораздо более ответственны за ее смертные муки, чем любой из коммунистов. Но к этому я вернусь, когда опишу несколько подробнее, какой представилась нам Россия во время нашей поездки. Лишь имея некоторое понятие о материальной и духовной подоплеке той гибели, на краю которой оказалась Россия, мы сможем понять и оценить по справедливости большевистское правительство.

II

ОСТРОВКИ СПАСЕНИЯ СРЕДИ ПОТОПА

В России, являющей собою столь грандиозную картину гибели общества, я многое хотел увидеть, и особенно меня интересовала деятельность моего старого друга Максима Горького. Об этой деятельности рассказывали члены вернувшейся из России лейбористской делегации, и рассказы их вызвали у меня горячее же-

ЛЕНИН И УЭЛЛС. 1920 г.

ление взглянуть на все своими глазами. Помимо прочего, меня очень беспокоило то, что сообщил о здоровье Горького мистер Бертран Рассел¹; но я счастлив сказать, что в этом смысле все обстоит благополучно. Я нашел Горького не менее здоровым и полным сил, чем в 1906 г., когда мы с ним познакомились. И с тех пор он неизмеримо вырос как личность. Мистер Рассел писал, что Горький при смерти и русская культура, по всей вероятности, тоже при смерти. Мне кажется, мистер Рассел, как это часто бывает с творческими людьми, не устоял перед искушением и сгустил краски ради эффектной концовки. Он застал Горького в постели, мучимого приступами кашля, и его воображение дорисовало остальное.

Горький занимает в России особенное, совершенно исключительное положение. Он не более коммунист, чем я, и мне довелось слышать, как он у себя на квартире, ничуть не скрывая своих взглядов, возражал против крайностей в споре с такими людьми, как Бакаев*, в недавнем прошлом — председатель Петроградской Чрезвычайной комиссии, и Залуцкий**, который становится сейчас одним из наиболее влиятельных ли-

---

¹ Рассел, Бертран (1872—1970) — английский математик, философ и общественный деятель. После второй мировой войны с позиций буржуазного либерализма и пацифизма выступал за мир.

дерев коммунистической партии. Это было весьма убедительное проявление свободы слова, ибо Горький не столько спорил, сколько осуждал, причем делал это в присутствии двоих глубоко заинтересованных и пытливых англичан.

Но он приобрел доверие и уважение почти всех большевистских вождей и волею необходимости стал при новом строе как бы спасателем, обладая известными официальными полномочиями. Он горячо убежден в величайшей ценности западной науки и культуры и считает необходимым в эти тяжкие годы голода, войны и общественных бедствий сохранить связь духовной жизни России с духовной жизнью всего мира. В этом его всячески поддерживает Ленин. Деятельность Горького стала средоточием многих определяющих факторов в жизни России и проливает свет на истинное положение дел, обнаруживая, до какой степени катастрофично это положение.

Такого потрясения, какое испытала Россия в конце 1917 г., еще не испытывало ни одно современное общество. После того как правительство Керенского не пожелало заключить мир, а британское военно-морское командование отказалось прийти на помощь России в Балтийском море, русские армии рассыпались и солдаты с оружием в руках хлынули назад, в Россию,—неудержимый поток крестьян в солдатской форме, рвавшихся домой, отчаявшихся, голодных, недисциплини-

рованных. Это крушение сопровождалось подрывом всех общественных устоев. То был полнейший развал общества. По России прокатилась волна крестьянских восстаний. Запылали помещичьи усадьбы, и нередко этому сопутствовала жестокая расправа. Отчаяние исторгло из человеческих душ все самое отвратительное, и в подавляющем множестве случаев большевики ответственны за эти злодеяния ничуть не более, чем, скажем, австралийское правительство. На улицах Петрограда и Москвы людей среди бела дня останавливали и раздевали до белья при полном безразличии окружающих. Трупы убитых валялись в канавах иногда по целым дням, и прохожие равнодушно шли мимо. Вооруженные люди, нередко самозванцы, объявлявшие себя красногвардейцами, врываются в дома, грабят и убивали. В начале 1918 года молодое большевистское правительство вынуждено было вести решительную борьбу не только против контрреволюции, но также против грабителей и бандитов всех мастей. Лишь летом 1918 года, после того как тысячи налетчиков и громил были расстреляны, ходить по улицам больших русских городов вновь стало безопасно. Цивилизованное общество в России на время перестало существовать, страну захлестнул ураган насилия и беззаконий, а слабому, неопытному правительству приходилось наряду с борьбой против бессмысленной иностранной интервенции преодолевать ужасающий внутренний развал. И до сих пор

Россия прилагает все силы, чтобы превозмочь этот хаос.

Искусство, литература, наука — все изысканное и утонченное, что связано для нас с «цивилизацией», было охвачено этим ураганом бедствий. На время театр оказался самой устойчивой частью русской культуры. Театры стояли, как прежде, и никто не пытался их ограбить или разрушить; актеры, привыкшие приходить туда на репетиции и спектакли, продолжают работать; традиционные государственные субсидии были сохранены. Поистине это поразительно, но русская драма и опера выжили среди жестоких бурь и живы до сих пор. Как выяснилось, в Петрограде каждый вечер ставится более сорока спектаклей; в Москве — примерно столько же. Мы слышали Шаляпина, этого величайшего певца и актера, в «Севильском цирюльнике» и в «Хованщине»; музыканты изумительного оркестра были одеты очень пестро, но дирижер не уронил своего достоинства, представ перед зрителями во фраке и при белом галстуке; мы побывали на «Садко», видели Монахова в «Царевиче Алексее» и в роли Яго в «Отелло» (Дездемону играла супруга Горького, госпожа Андреева¹). Когда смотришь на сцену,

---

¹ Андреева М. Ф. (1872—1953) — известная актриса и общественная деятельница, член Коммунистической партии с 1914 г.

кажется, будто ничто не переменялось в России; но вот занавес падает, оборачиваешься к публике и сразу чувствуешь, что совершилась революция. В ложах и в партере не видно больше ни блестящих мундиров, ни вечерних туалетов. Куда ни глянь, везде та же публика, всегда одинаковая, внимательная, дружелюбная, сдержанная и плохо одетая. Как и в Лондонском театральном обществе, места в театрах разыгрываются по жребию. Билеты по большей части бесплатные. На один спектакль они распределяются, скажем, среди членов профсоюзов, на другой — среди красноармейцев и их семей, на третий — среди школьников и так далее. Иногда билеты все-таки поступают в продажу, но в целом это не принято.

Я слышал Шаляпина в Лондоне, но не имел тогда случая с ним познакомиться. Теперь же, в Петрограде, наше знакомство состоялось, и мы отобедали в кругу его милого семейства. У него двое почти взрослых приемных детей и две маленькие дочки, обе очень недурно разговаривают на несколько манерном, безусловно правильном английском языке, а младшая превосходно танцует.

В сегодняшней России Шаляпин воистину представляется чудом из чудес. Это подлинный талант, дерзкий и ослепительный. В жизни он пленяет тем же воодушевлением и неиссякаемым юмором, благодаря которым были так чудесны встречи с Бирбмом

Три¹. Говорят, он наотрез отказывается петь бесплатно и требует за выступление гонорар в 200 000 рублей — около 15 фунтов на наши деньги, — а когда с продуктами бывает особенно туго, настаивает, чтобы ему заплатили мукой, яйцами или чем-нибудь еще. И он никогда не встречает отказа, ведь если бы Шаляпин объявил забастовку, это нанесло бы невосполнимый ущерб театральной жизни Петрограда. Поэтому в его доме, быть может единственном в России, ощущается относительное благополучие. На супругу Шаляпина до такой степени не повлияла революция, что она спросила у нас, какие сейчас моды в Лондоне. Из-за блокады самые свежие журналы мод, которые она видела, были за январь или февраль 1918 года.

Но театр занимает в русском искусстве особое положение. Остальным видам искусства, литературе и науке катастрофа 1917—1918 годов нанесла сокрушительный удар. Некому стало покупать книги и картины, ученые получают жалованье в рублях, покупательная способность которых за короткое время упала в пятьсот раз. Для них не нашлось места в новом, еще не сформировавшемся обществе, которое борется против грабежей, убийств и всеобщей разрухи; о них забыли.

---

¹ Бирбом, Герберт (1853—1917) — известный английский актер и театральный деятель, сводный брат писателя-сатирика и художника-карикатуриста Макса Бирбома.

На первых порах советское правительство уделяло ученым так же мало внимания, как первая французская революция, у которой «не было нужды в химиках». Таким образом, все эти люди, без которых немислимо существование цивилизованного общества, оказались в самой отчаянной нужде. Усилия Горького были направлены в первую очередь на то, чтобы поддержать и спасти их. Главным образом благодаря ему и наиболее прозорливым деятелям в большевистском правительстве была создана спасательная служба — настоящие «островки спасения», причем самая лучшая и самая действенная из таких организаций — это Петроградский Дом ученых, помещающийся в старинном дворце великой княгини Марии Павловны. Здесь мы увидели подлинный центр распределения особых пайков, где делается все возможное для удовлетворения нужд четырех тысяч ученых и их семей — в общей сложности приблизительно десяти тысяч человек. В Доме ученых не только выдаются пайки, там есть ванные, парикмахерская, портняжная и сапожная мастерские, целая сеть бытового обслуживания. Есть даже небольшой фонд обуви и одежды. Есть спальни и нечто вроде лечебницы для больных и ослабевших от голода.

Из всех впечатлений от поездки в Россию это было, пожалуй, одно из самых необычайных — там, среди страдавших, изможденных людей, я встретил неко-

торых выдающихся представителей русской науки. Я увидел востоковеда Ольденбурга¹, геолога Карпинского², нобелевского лауреата Павлова³, а также Радлова⁴, Белопольского⁵ и других ученых с мировым именем. Они буквально засыпали меня вопросами о новейших достижениях науки за пределами России, и я устыдился своего полнейшего невежества. Если бы я мог это предвидеть, то привез бы с собой соответствующие материалы. Из-за нашей блокады мировая научная литература для этих людей недосыгаема. Нет новых приборов, не хватает писчей бумаги, работать приходится в холодных лабораториях. Просто поразительно, как они вообще могут работать. И тем не менее работа

---

¹ Ольденбург С. Ф. (1863—1934) — видный русский ученый-востоковед, академик. Специалист по истории литературы, искусства, археологии, этнографии и лингвистики Индии и Ирана. В 1904—1929 гг. — неперемный секретарь Петербургской Академии, затем Академии наук СССР.

² Карпинский А. П. (1847—1936) — крупнейший советский геолог. В 1917—1936 гг. президент Российской Академии, затем Академии наук СССР.

³ Павлов И. П. (1849—1936) — великий русский ученый, физиолог, создатель материалистического учения о высшей нервной деятельности животных и человека; академик.

⁴ Радлов Э. Л. (1854—1928) — известный русский философ, автор ряда работ по истории философии.

⁵ Белопольский А. А. (1854—1934) — выдающийся русский астроном, академик.

успешно продвигается; Павлов проводит удивительные по своей широте и тонкости исследования высшей нервной деятельности у животных; Манухин утверждает, что нашел эффективный метод лечения туберкулеза даже в поздней стадии и т. д. Я привез реферат научного отчета Манухина, который уже переводится на английский язык и вскоре будет опубликован. Дух науки воистину поразителен. В эту зиму Петрограду грозит жестокий голод, и Дом ученых — если только мы не сделаем все возможное, чтобы это предотвратить, — разделит общую участь, но почти никто из ученых не обмолвился о продовольственной помощи. В Доме искусств заходила речь о нужде и лишениях, ученые же об этом даже не заговаривали. Они жаждут получить лишь научную литературу; знания для них превыше хлеба. Надеюсь, что в этом я смогу им помочь. Я предложил им образовать комиссию и составить список необходимых книг и статей, этот список я привез с собой и вручил секретарю Лондонского Королевского Научного Общества, который уже начал действовать. Предстоит создать денежный фонд, вероятно, в три или четыре тысячи фунтов стерлингов (адрес секретаря Королевского Общества — Лондон, Запад, Берлингтон Хаус), но согласно большевистского правительства и правительства Англии на такую духовную поддержку уже получено, и я надеюсь, что вскоре первый комплект книг будет выслан этим лю-

дям, которые вот уже столько времени оторваны от духовной жизни всего мира.

Если бы даже поездка в Россию не принесла мне никакого иного удовлетворения, я был бы вполне вознагражден уже тем, что наше присутствие, безусловно, обнадежило и ободрило этих замечательных людей в Доме ученых и в Доме искусств. Многие из них, видимо, уже отчаялись получить какие-либо вести из-за рубежа. Целых три года, три долгих, беспросветных года они прожили в мире, который на глазах все глубже погружался в бездну лишений, в непроницаемый мрак. Возможно, у них были короткие встречи с какими-нибудь политическими делегациями, приезжавшими в Россию,— этого я не знаю; но вне сомнения, они даже не надеялись увидеть вновь свободного и независимого человека, который неофициальным порядком приехал из Лондона, и не только приехал, но мог беспрепятственно вернуться назад, в потерянный для них западный мир. Впечатление было такое, словно посетитель вдруг зашел в неурочный час в тюремную камеру*.

Все любители музыки в Англии знают творчество Глазунова¹; он дирижировал в Лондоне оркестрами

---

¹ Глазунов А. К. (1865—1936) — русский композитор и дирижер, народный артист республики, профессор Петербургской, а затем Ленинградской консерватории, ее директор в 1905—1928 гг.

и был избран почетным доктором Оксфордского и Кембриджского университетов. Встреча с ним глубоко взволновала меня. Некогда это был крупный, пышущий здоровьем человек, теперь же он бледен и до того исхудал, что одежда буквально висит на нем. Он пришел расспросить меня о своих друзьях — сэре Хьюберте Пэрри и сэре Чарльзе Вильерсе Стэнфорде¹. Он сказал, что продолжает сочинять музыку, но последние остатки нотной бумаги уже на исходе. «И больше не предвидится», — сказал он. Я возразил, что предвидится, причем в достаточном количестве и очень скоро. Он отнесся к этому с недоверием. Он вспоминал Лондон и Оксфорд; чувствовалось, что его снедает тоска по большому городу, где жизнь бьет ключом, по городу, где всего вдоволь и царит веселое оживление, где в теплых, ярко освещенных залах ему внимала бы восторженная публика. И мое присутствие было для него живым свидетельством того, что все это еще существует. Он повернулся спиной к окну, за которым, в тоскливых сумерках, катила свои холодные, серые воды Нева и вырисовывались низкие тюремные стены Петропавловской крепости. «Скажите, ведь в Англии не будет революции — как, по-вашему? Там, в Англии, у меня много добрых друзей, очень много добрых дру-

---

¹ Пэрри Х. Х. (1848—1918) и Стэнфорд, Ч. В. (1852—1924) — английские композиторы.

зей...» Мне было нелегко с ним расстаться, а ему — еще тяжелей проститься со мной.

Глядя на этих выдающихся людей, которые живут, словно беженцы, среди развалин рухнувшего империализма, я понял, как неотвратно зависит человек редкостного таланта от прочности цивилизованного строя. Заурядный человек может сменить профессию; он может стать матросом, фабричным рабочим, землекопом — кем угодно. Так или иначе, ему приходится работать, но он не одержим демоном, который вынуждает его следовать единственному своему призванию, быть только тем, что он есть, или умереть. Шаляпин должен быть только Шаляпиным, и ничем иным, Павлов должен быть Павловым, а Глазунов — Глазуновым. И пока такие люди имеют возможность следовать своему единственному призванию, они живут полноценной жизнью. Шаляпин все так же великолепно поет и играет на сцене — совершенно не считаясь с коммунистическими принципами; Павлов все так же поглощен своими замечательными исследованиями — он ходит в старом пальто, и кабинет его завален картофелем и морковью, которые он выращивает на досуге; Глазунов будет сочинять музыку, пока не израсходует последний листок нотной бумаги. Но многим другим, по-видимому, приходится гораздо хуже. Смертность среди выдающихся представителей русской интеллигенции ужасающе высока. Без сомнения, во многом это объясняется общи-

ми жизненными лишениями, но, как мне кажется, нередко решающую роль здесь играет отчаяние, порожденное ненужностью большого таланта*. В России 1919 года им так же невозможно жить, как в краале¹ у кафров.

Наука, искусство и литература — это тепличные растения, которые необходимо оберегать от холода, хранить и лелеять. Как ни парадоксально, но наука, преобразующая весь мир, создается гениями, нуждающимися в защите и помощи больше, чем кто бы то ни было. В России вместе с империалистическим строем рухнули все прибежища науки и искусства. Прimitивная марксистская философия, которая разделяет все человечество на буржуазию и пролетариат, а все общественное бытие до нелепости упрощенно рассматривает лишь как «классовую борьбу», игнорирует условия, необходимые для коллективной духовной жизни**. Но, к чести большевистского правительства, оно теперь осознало опасность полной гибели русской интеллигенции и, невзирая на блокаду и непрестанную борьбу против наемных мятежников и интервенции, которые, по милости нашей страны и Франции, причиняют Рос-

---

¹ Крааль — тип поселения у скотоводческих народов Юго-Восточной Африки; кафры — устаревшее наименование ряда негритянских племен, обитающих в восточной части Южно-Африканской республики.

сии множество бедствий, позволило создать эту спасательную службу и оказывает ей поддержку. Наряду с Домом ученых существует Дом искусств. Сейчас в России никто, кроме нескольких поэтов, не пишет книг, никто не рисует картин *. Но большинство писателей и художников нашли себе применение в подготовке грандиозного издания русской энциклопедии всемирной литературы. В этой удивительной России, измученной войной, холодом, голодом и тяжкими невзгодами, всерьез делается большое литературное дело, которое немислимо сейчас ни в богатой Англии, ни в богатой Америке. В Англии и в Америке практически перестали выпускать хорошие книги в общедоступных изданиях «ввиду дороговизны бумаги». Духовная пища английских и американских народных масс оскудевает, становится все низкопробнее, и никому из власть имущих нет до этого дела. Здесь большевистское правительство по сравнению с ними оказалось на высоте. В голодающей России сотни людей работают над переводами, их переводы набираются и печатаются, и, быть может, благодаря этому новая Россия так глубоко ознакомится с сокровищницей мировой мысли, что оставит позади все другие народы. Я видел некоторые из этих книг, а также работу переводчиков. Я написал «быть может», так как у меня нет полной уверенности. Ведь среди царящей здесь разрухи эта творческая работа, как и всякая другая, ведется неорганизованно и бес-

системно. Я не представляю себе, как можно донести мировую литературу до русского народа. Книжные магазины закрыты, книготорговля, как и вся остальная торговля, под запретом. Вероятно, книги станут распространять по школам и различным организациям.

Большевицкие власти сами, очевидно, плохо знают, как будет осуществляться распространение книг. Так же плохо они знают и многое другое. Выясняется, что у коммунистов марксистского толка нет никаких планов и идей, касающихся духовной жизни общества. Марксистский коммунизм всегда был революционной теорией, которая не только не содержала каких-либо творческих, созидательных идей, но была враждебна этим идеям*. Все коммунистические витии воспитаны в презрении к «утопизму», то есть в презрении к разумному планированию. Даже старые британские дельцы не веровали так истово, что все наладится и «образуется» само собой, как эти марксисты. Теперь же перед русским коммунистическим правительством наряду со множеством других созидательных проблем встала проблема, как сохранить науку, критическую мысль, как стимулировать развитие художественного творчества. Пророк Маркс и его Откровение не указывают никакого пути к этому. Поэтому большевики, не имея определенной программы, вынуждены действовать наугад, и действия их сводятся к этим неловким, трогательным попыткам спасти обломки, уцелевшие от кру-

шения старой духовной жизни. Жизнь эта едва теплится, угасает и, кажется, вот-вот оборвется.

Максим Горький пытается спасти не только ученых и литераторов. С его деятельностью связана третья, еще более своеобразная спасательная организация. Это — Экспертная комиссия, разместившаяся в здании бывшего британского посольства. Когда терпит крах общественный строй, основанный на частной собственности, и все права на частную собственность внезапно отменяются целиком и полностью, невозможно отменить и ликвидировать само имущество, находившееся прежде в частной собственности. Дома вместе со всей обстановкой стоят, как прежде, в них живут их бывшие хозяева, если только они не сбежали из России. Когда большевистские власти реквизируют дом или занимают пустующий дворец, им приходится решать, как поступить с этим имуществом. Всякому, кто знает человеческую психологию, ясно, что в иных случаях простодушные должностные лица, а также их жены, пожалуй менее простодушные, не могли устоять перед соблазном и кое-что тайком присвоили. Однако общий дух большевизма — это дух честности, решительно чуждый грабежей и личной наживы. Со времени катастрофы в Петрограде и в Москве было, насколько я знаю, сравнительно немного грабежей. В Москве с бандитизмом покончили весной 1918 года, поставив его к стенке. Мы заметили, что в особняках для правительствен-

ных гостей и в других подобных местах все строго инвентаризовано. Изредка нам приходилось видеть на столе разрозненные вещи — хрустальную посуду или фамильное серебро — в доме, где они выглядели не на своем месте, однако по большей части их продали хозяева, чтобы купить еду или самое необходимое. У матроса, которому было поручено сопровождать нас в Москву и обратно, был изящный серебряный чайничек, некогда украшавший, вероятно, чей-то очаровательный салон. Но этот чайничек явно покинул высший свет самым законным путем.

Чтобы надежнее обеспечить сохранность ценностей, Экспертная комиссия собрала и взяла на учет все, что может считаться произведением искусства. Дворец, где прежде помещалось британское посольство, напоминает переполненную старинными вещами антикварную лавку на Бромптон-роуд. Мы ходили по залам, в которых свалены прекраснейшие обломки старого общества. Просторные покои заставлены скульптурами; нигде, даже в Неаполитанском музее, мне еще не доводилось видеть сразу столько беломраморных Венер и сильфид. Всевозможные картины сложены штабелями, а в коридорах до самого потолка висят одна на другой инкрустированные этажерки; одна зала заставлена ящиками со старинными кружевами, другая — роскошной мебелью. Все это нагромождение ценностей описано и взято на учет. Но и только. Я обнаружил, что никто

и понятия не имеет, как быть дальше с этим никчемным великолепием. Если русские коммунисты действительно создают новый мир, то в их новом мире все это как будто оказывается неуместным. И они даже не предполагали, что им придется иметь с этим дело. Точно так же они всерьез не задумывались о том, как быть с магазинами и рынками, когда запретили торговлю в магазинах и на рынках. Точно так же не продумали они и проблему, как превратить город, состоящий из частных особняков, в коммунистическое общежитие. Марксистская теория привела их к идее «диктатуры классово-сознательного пролетариата», а далее подразумевалось — теперь мы видим, до какой степени туманно, — что возникнет новое небо и новая земля. Если бы это осуществилось, произошла бы подлинная революция в жизни человечества. Но мы убедились, что небо в России все то же и земля все та же, покрытая руинами, усеянная брошенной собственностью и обломками старой, разрушенной государственной машины, и все тот же непокорный, упрямый крестьянин цепко держится за свое хозяйство — и коммунизм, мужественно и честно правящий в городах, все же очень часто напоминает фокусника, который забыл принести с собой голубя и кролика, а потому не может ровно ничего извлечь из шляпы.

Крах — вот главное, что определяет сейчас положение России. Революция и правление коммунистов,

о чем я расскажу в следующей главе, — лишь следствие краха. Это совершилось во время краха и обусловлено им. В высшей степени важно, чтобы на Западе это поняли. Если бы мировая война длилась еще год или несколько дольше, Германию, а вслед за ней и другие западные державы постигла бы та же катастрофа — с некоторыми национальными особенностями, — что и Россию. Обстановка, которую мы наблюдали в России, — это обостренная и достигшая своего завершения обстановка, которая назревала в Англии в 1918 году. Здесь та же нехватка, какую испытывали мы, только принявшая чудовищные масштабы; здесь та же карточная система, только менее упорядоченная и действенная; в России спекулянтов не штрафуют, а расстреливают, и вместо ЗЗГМ¹ действует Чрезвычайная комиссия. То, что в Англии ощущалось лишь как затруднение, в России выросло до размеров бедствия. Вот и вся разница. Насколько я могу судить, в Западной Европе и сейчас еще зреет подобная катастрофа. Я далеко не уверен, что опасность уже позади. Война, потворство своим прихотям, спекуляция, существующая за чужой счет, вероятно, до сих пор расточают больше, чем производит западный мир; в таком случае нас неминуемо постигнет крах — расстройство финансов, всеобщая нужда, развал общественной и политической

---

¹ Закон о защите государственных мероприятий.

системы и все прочее, — это лишь вопрос времени. Магазины на Риджент-стрит ожидает та же участь, что и магазины на Невском проспекте, а мистеру Голсуорси¹ и мистеру Беннету² придется делать все возможное, дабы спасти художественные сокровища Мэйфера³. Лишь совершенно искажая международную обстановку и толкая людей на ошибочные политические действия, можно утверждать, что те ужасающие бедствия, которые сегодня испытывает Россия, в сколько-нибудь серьезной степени вытекают из деятельности коммунистов; что злодеи-коммунисты довели Россию до таких бедствий и стоит лишь свергнуть коммунистов, как вся Россия тотчас вновь обретет полнейшее благоденствие. В бедственное положение Россию ввергла мировая война, а также нравственное и духовное оскудение ее правящих и имущих кругов. (Подобно тому как и наша британская держава — а впоследствии даже и Америка — могут быть ввергнуты в такие же бедствия.) У них не достало ни ума, ни совести положить конец

---

¹ Голсуорси, Джон (1867—1933) — известный английский писатель реалистического направления, автор многотомных «Саги о Форсайтах» и «Современной комедии».

² Беннет, Арнольд (1867—1931) — писатель-натуралист, одна из крупнейших фигур в английской литературе конца XIX века.

³ Мэйфер — аристократический квартал Лондона, во многих особняках которого собраны ценнейшие частные коллекции живописи и скульптуры.

войне, положить конец всяческому разорению, они присваивали все блага, обрекая остальных на несчастья и порождая опасное недовольство, а потом было уже поздно. Они правили, разоряли страну и грызлись между собой, словно слепые, не видя неотвратимой катастрофы, покуда она не свершилась. И тогда пришли коммунисты, о чем я расскажу в следующей главе...

III

СУЩНОСТЬ БОЛЬШЕВИЗМА

В двух предыдущих главах я пытался донести до читателя свои впечатления о жизни России, приобретенные в Петрограде и в Москве, пытался нарисовать картину гибели политической, общественной и экономической системы, которая была сродни нашей, но оказалась менее прочной и глубже прогнила, системы, рухнувшей под бременем шестилетней войны и преступного управления. Главная катастрофа свершилась в 1917 году, когда существование тупого и бездарного царизма стало совершенно невозможным. Он окончательно разорил страну, армия вышла у него из повиновения, народ ему не верил. Полицейская государственная система выродилась в грабительский режим, державшийся лишь насилем. И его падение оказалось неминуемым.

Другого правительства в России не было. Из поко-

ления в поколении царизм всеми силами старался не допустить даже малейшей возможности возникновения другого правительства. Этот режим только тем и держался, что при всех его пороках ему не находилось замены. Поэтому после первой русской революции общество раскололось, началась политическая грызня. Либеральные силы страны, не привыкшие к действую и безответственные, затеяли трескучие споры о том, быть ли России конституционной монархией, либеральной республикой, социалистической республикой, — чего только не предлагалось. Над всей этой шумихой театрално возвышался Керенский в позе благородного либерала. Повсюду маячили всякие сомнительные авантюристы, «сильные личности», лжесильные личности, русские праведники и русские бонапарты. Исчезли последние остатки общественного порядка. В конце 1917 года грабежи и убийства на улицах Петрограда и Москвы стали так же обычны, как автомобильные катастрофы в Лондоне, на них обращали даже меньше внимания. Вместе со мной на пароходе плыл из Ревеля один американец, бывший представитель «Америкен харвестер компани» в России. В это время полнейшей дезорганизации он был в Москве. Он рассказывал, как людей среди бела дня грабили прямо на улице, как трупы часами валялись в канавах — подобнодохлым котяткам в западноевропейском городе, — а мимо, по тротуарам, проходила безучастная толпа.

По стране, охваченной этим лихорадочным смятением, разъезжали представители Англии и Франции, не замечая разыгрывающейся вокруг чудовищной и жестокой трагедии, и на уме у них была война, только война, они домогались, чтобы русские не прекращали военных действий и предприняли новое наступление против Германии. Но когда немцы рвались к Петрограду через Прибалтику и с моря, британское адмиралтейство, то ли попросту из трусости, то ли вследствие интриг роялистов, не оказало России сколько-нибудь действенной помощи. Об этом недвусмысленно свидетельствуют высказывания покойного лорда Фишера *. И эта несчастная, безнадежно больная страна сделала, словно в бреду, еще один шаг по пути к гибели.

В России и во всем мире, среди русских эмигрантов, была лишь одна организация, которая имела единую программу действий, единую веру, единую волю, — коммунистическая партия. В то время как остальная Россия либо сохраняла безразличие, подобно крестьянству **, либо погрязала в нескончаемых словопрениях, либо грабила и убивала, либо же тряслась от страха, коммунисты, исполненные твердой веры, были готовы действовать. Численно они тогда, как и теперь, составляли лишь незначительную часть населения страны. В настоящее время менее одного процента граждан России принадлежит к коммунистической партии; эта партия объединяет около 600 000 человек, среди кото-

рых немногим более 150 000 активных членов. Но только эта партия могла в те ужасные дни предложить народу единую программу действий, единые теоретические установки и взаимное доверие, благодаря чему она сумела взять и удержать власть над поверженной империей. Только такое сплоченное правительство было и остается единственно возможным в России. Сомнительные авантюристы, которые при поддержке западных держав до сих пор причиняют России немало вреда,— Деникин *, Колчак **, Врангель *** и им подобные — не руководствуются никакими принципами и не в состоянии предложить твердой основы для сплочения народа. В сущности, это самые обыкновенные бандиты. Коммунистическая партия, как бы мы к ней ни относились, безусловно, воодушевлена общей идеей и неуклонно эту идею отстаивает. Эта партия всегда обладала моральным превосходством над всеми своими противниками. Она сразу же заручилась молчаливой поддержкой крестьянских масс, позволив им отобрать помещичьи земли и заключив мир с Германией. Она восстановила порядок в больших городах ценой многочисленных и беспощадных расстрелов. Было время, когда расстреливали всякого, кто, не имея на то права, носил оружие. Это была крутая и кровавая мера, но она возымела действие. Чтобы удержать власть, коммунистическое правительство учредило чрезвычайные комиссии с неограниченными, по сути дела, полномо-

чиями и путем красного террора подавило всяческое сопротивление. Красный террор привел ко многим ужасающим жестокостям, его осуществляли большей частью люди недалёковидные, нередко одержимые классовой ненавистью и страхом перед контрреволюцией, но при всем своем фанатизме они всегда оставались честными. За исключением отдельных случаев, жестокость имела под собой разумные основания и преследовала определенную цель. Это кровопролитие невозможно сравнить с дикой и бессмысленной резней, учиняемой Деникиным, который, как я слышал, не признает даже большевистского Красного Креста. И я убежден, что сейчас большевистское правительство утвердилось в Москве не менее прочно, чем любое из правительств в Европе, а ходить по улицам русских городов так же безопасно, как и по улицам любого европейского города.

Это правительство не только прочно утвердилось и восстановило порядок, но к тому же — в значительной степени благодаря выдающимся способностям бывшего пацифиста Троцкого * — возродило боеспособность русской армии **. Нельзя не признать, что это — выдающееся достижение. Сам я не познакомился обстоятельно с русской армией, это не входило в мои планы, но в Москве я встретил предприимчивого американского финансиста мистера Вандерлипа ***, который вел с советским правительством какие-то тайственные пере-

говору и был приглашен на военный смотр с участием нескольких тысяч бойцов, чей воинский дух и оснащение привели его в восторг. Мы с сыном не раз видели отряды, отправляющиеся на фронт, а также части, сформированные из новобранцев, и нам представляется, что по своему боевому духу они не уступают английским новобранцам, из которых в 1917—1918 годах формировались части в Лондоне.

Кто же такие эти большевики, столь решительно взявшие власть в России? Если верить самым истеричным из английских газет, это заговорщики, агенты некоей загадочной расистской организации, тайного общества, в котором самым чудовищным образом смешались евреи, иезуиты, франкмасоны и немцы. В действительности же свет не видел ничего более явного, чем идеи, цели и методы большевиков, и организация их меньше всего походит на тайное общество. Но у нас, в Англии, насаждается особый образ мышления, до такой степени чуждый всяческой широты, что самые простые человеческие побуждения непременно заставляют нас подозревать заговор. Если, скажем, поденщик в Эссексе выражает недовольство тем, что цены на детскую обувь растут неизмеримо быстрее, чем его недельный заработок, и заявляет, что его и других поденщиков обманывают и обирают, редакторы «Таймса» и «Морнинг пост» непременно усмотрят в его возмущении плоды злокозненной пропаганды какого-нибудь тайного обще-

ства с центром в Кенигсберге или в Пекине. Иначе они попросту неспособны объяснить, как подобные мысли пришли ему в голову. Этот навязчивый страх перед заговорами до того распространился, что я вынужден в свое оправдание объяснить, почему я его не разделяю. Я нахожу, что большевики действуют без всякой маски. Я не могу отказать им в честности и прямоте. Я не согласен ни с их взглядами, ни с методами, но это вопрос особый.

Большевики — сторонники марксистского социализма. Маркс умер в Лондоне около сорока лет назад; учение его пропагандируется уже более полустолетия. Оно распространилось по всему миру и почти в каждой стране имеет пусть немногочисленных, но стойких последователей. Оно непосредственно вытекает из общего состояния мировой экономики. Его ограниченные идеи повсюду те же и выражаются в тех же ясных словах. Это культ, всемирное, интернациональное братство. Для ознакомления с большевистскими идеями нет никакой нужды изучать русский язык. Они псчерпываются излагаются в лондонском «Плебсе» или нью-йоркском «Либерейторе» теми же самыми словами, что и в русской «Правде». Марксисты ничего не скрывают. Они все говорят прямо. И они стремятся осуществить именно то, о чем пишут и говорят.

Я предпочитаю писать о Марксе без лицемерного подобострастия. Мне он всегда казался невероятно скуч-

ным. Его огромный неоконченный труд «Капитал», утомительная череда томов, где толкуется о таких несуществующих, призрачных понятиях, как «пролетариат» и «буржуазия», где полным полно бессвязных, не имеющих прямого отношения к делу разглагольствований, представляется мне вершиной претенциозного педантизма *. Но до своей недавней поездки в Россию я не питал к Марксу активной враждебности. Я попросту избегал читать его сочинения, а при встречах с марксистами, чтобы отделаться от них, спрашивал, из кого именно состоит пролетариат. Никто из них не знал. Ни один марксист не знает этого. На квартире у Горького я внимательно слушал, как Бакаев с Шаляпиным обсуждали мудреный вопрос, существует ли вообще в России пролетариат как особый класс, отличающийся от крестьянства. Поскольку Бакаев прежде возглавлял петроградскую Чрезвычайную Комиссию, которая является орудием диктатуры пролетариата, любопытно было наблюдать за ухищрениями в этом споре. «Пролетариат» на языке марксистов означает то же, что «производитель» на языке некоторых политэкономов, причем подразумевается, что это нечто совершенно противоположное «потребителю». Тем самым «пролетарий» решительно противопоставляется понятию, именуемому «капитал». Недавно на первой странице «Плебса» крупными буквами было напечатано: «У рабочего класса нет ничего общего с классом на-

нимателей». Но представим себе, что фабричный мастер едет в поезде, который ведет машинист, взглянуть, как идут работы на постройке дома, сооружаемого для него строительной компанией. К какой из этих несовместимых категорий его отнести — к нанимателям или к нанимаемым? Получается совершенный вздор.

Не скрою, что в России мое пассивное неприятие Маркса превратилось в самую активную вражду. Где бы мы ни побывали, повсюду перед нами оказывались бюсты, портреты и статуи Маркса. Лицо Маркса почти на две трети скрыто бородой, широкой, величественной, густой, дремучей бородой, которая, вероятно, делала его жизнь несносной. Это не обычная человеческая борода — взлелеянная, выхоленная, она патриархально осеняет весь мир. Она так же нелепо громадна, как «Капитал», и не много человеческого остается в лице, с которого по-совиному смотрят глаза, словно допытываясь, какое впечатление производит на мир эта пышная растительность. Вездесущее изображение этой бороды выводило меня из терпения. Непреодолимо хотелось увидеть Карла Маркса обр~~итым~~. Когда-нибудь я, если буду жив, выйду против «Капитала» с ножницами и бритвой; я напишу «Сбр~~итие~~ бороды Карла Маркса».

Но для марксистов Маркс — лишь кумир и символ, и речь сейчас идет не о Марксе, а о марксистах. Немногие из них дочитали «Капитал» до конца. Маркси-

сты во всем мире мало отличаются друг от друга, и должен признаться, что в силу своего характера и жизненных обстоятельств я питаю к ним самое искреннее сочувствие. Они считают Маркса своим пророком лишь потому, что Маркс писал о классовой борьбе, беспощадной борьбе нанимаемых против нанимателей, и предсказал победу трудящихся и всемирную диктатуру вождей освобожденного класса нанимаемых (диктатуру пролетариата), диктатуру, благодаря которой воссияет коммунистический золотой век. Это учение и это пророчество неодолимо завладели душами молодежи всех стран и в особенности душами тех молодых людей, которые исполнены сил, наделены воображением и вступают в жизнь без достаточного образования, без средств, попадая в наемное рабство, неизбежное при существующем у нас экономическом строе. Они на себе испытывают общественную несправедливость, тупое бездушие, чудовищную бесчеловечность нашего строя; они сознают свое унижение, чувствуют, что их принесли в жертву; и они посвящают себя борьбе за разрушение этого строя, борьбе за свое освобождение. Эти бунтари появляются без всякой злокозненной пропаганды; коммунистическое движение рождено пороками самого строя, который дает таким людям лишь элементарное образование, а затем порабощает их всюду, где развивается промышленное производство. Даже если бы Маркса никогда не было на свете, марксисты появи-

лись бы все равно. В четырнадцать лет, задолго до того, как мне довелось услышать о Марксе, я и сам был марксистом в полном смысле этого слова. Мне пришлось внезапно бросить учение, поступить на работу в отвратительную лавку, и вся моя жизнь превратилась в тяжкий, изматывающий труд. Этот труд был так тяжок, а рабочий день так бесконечно долог, что не приходилось даже и помышлять о самообразовании. Я поджег бы ту лавку, если б не знал, что она выгодно застрахована. Во время беседы с Зориным *, одним из руководителей Северной коммуны, в памяти моей снова ожили те злосчастные дни. Зорин вернулся из Америки, где был разнорабочим, это обаятельный и остроумный молодой человек, депутат Петроградского совета и превосходный оратор. Мы с ним поделились воспоминаниями, и я почувствовал, что его душу особенно ранила бесчеловечная жестокость, с которой он столкнулся в Америке, когда пытался поступить упаковщиком в большой нью-йоркский промтоварный магазин. Мы наперебой приводили примеры того, как наш общественный строй уродует, калечит и доводит до крайности честных, трудолюбивых людей. Это возмущение объединило нас, словно членов тайного братства.

Именно это возмущение, бушевавшее молодых, исполненных сил людей, которым отрезают путь и не дают найти себе достойное применение, именно оно,

а не какие-то экономические теории, вдохновляет и сплачивает марксистское движение во всем мире. Дело не в глубочайшей мудрости Маркса, а в тупости, эгоистичности, расточительности и анархии нашего экономического строя. Партия коммунистов воплотила этот дух бунтарства и непокорности в призывах, которые звучат, как пароль: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и т. п. Она внушила своим сторонникам, что некие злодеи, именуемые капиталистами, вступили в чудовищный заговор против человеческого счастья. Ибо сегодня, в нашем духовно оскудевшем мире, страх перед заговорами, которым одержима одна сторона, неизбежно передается другой, и трудно убедить марксистов, что капиталисты в совокупности — не более чем горстка узколобых тупиц, грызущихся меж собой. Коммунистическая пропаганда объединила всех ожесточенных и обездоленных во всемирную организацию, движимую духом восстания и надежды, хотя при ближайшем рассмотрении надежда эта оказывается весьма призрачной. Они провозгласили Маркса своим пророком, а красный цвет — цветом своего знамени... И когда Россию постигла катастрофа, когда ничто в этой стране уже не объединяло людей, кроме самых низменных, эгоистических побуждений, из Америки и Западной Европы волной хлынули на помощь к своим товарищам горячие энтузиасты, молодые и постарше, которые в более деятельном западном мире отчасти

преодолели в себе русскую непрактичность и приобрели деловые навыки, мыслили одними и теми же категориями, черпали мужество в тех же идеях и все как один вдохновлялись мечтой о революции, открывающей в жизни человечества новую эпоху справедливости и счастья. Эти молодые люди и составляют жизненную силу большевизма. Среди них много евреев, потому что эмигранты из России в Америке в большинстве своем были евреи; но мало кто из них испытывает сколько-нибудь серьезные националистические чувства. Они борются не за еврейство, а за новый мир. Большевики столь далеки от намерения продолжать еврейские традиции, что арестовали почти всех вождей сионизма в России и запретили преподавание древнееврейского языка, объявив его «реакционным». Некоторые из самых выдающихся большевиков, с которыми я встречался, были отнюдь не евреи, а белокурые представители нордической расы. У Ленина, которого горячо любят все передовые силы в России, татарский тип лица, и он, безусловно, не еврей.

1. Большевистское правительство — самое бесстрашное и вместе с тем самое неопытное правительство в мире. Иногда оно поражает своей беспомощностью. И очень часто обнаруживает крайнюю ограниченность. Оно недоверчиво до смешного, везде подозревает дьявольские козни «капитализма», коварные происки реакции и порой, под влиянием страха, прибегает к жестокостям.

Но по сути своей оно честно. Это самое неискушенное правительство в современном мире.

О его неискушенности свидетельствует вопрос, который мне без конца задавали в России: «Когда в Англии совершится социалистическая революция?» Об этом меня спрашивал Ленин, и Зиновьев*, возглавляющий Северную коммуну, и Зорин, и многие другие.

Ибо тот факт, что социалистическая революция совершилась прежде всего в России, противоречит марксистской теории**. И это беспокоит всякого мыслящего ее сторонника. По марксистской теории социалистическая революция должна была прежде всего совершиться в стране с самым старым и развитым промышленным производством, где существует многочисленный, четко оформившийся, в основном не имеющий собственности и продающий свой труд рабочий класс (пролетариат). Она должна была начаться в Англии, распространиться на Францию и Германию, затем настала бы очередь Америки и так далее. Вместо этого коммунизм пришел к власти в России, где вообще нет никакого самостоятельного рабочего класса*** и на фабриках использовался труд крестьян, которые приходили в город на заработки и вновь возвращались в деревню, так что едва ли там есть «пролетариат», который мог бы соединиться с пролетариями всех стран и все прочее. От меня не укрылось, что у многих из

большевиков, с которыми я встречался, уже шевельнулось в душе тревожное подозрение об истинном положении дел, и они начинают понимать, что совершившееся в России — отнюдь не предсказанная Марксом социалистическая революция, и в действительности они не завоевали власть в государстве, а просто взобрались на борт потерпевшего крушение корабля. Я старался помочь им осознать это неожиданное и печальное обстоятельство. Я не устоял перед искушением прочесть им небольшую лекцию о том, что в странах Запада нет многочисленного «классово-сознательного пролетариата». Я объяснил, что в Англии по крайней мере две сотни различных классов и единственные «классово-сознательные пролетарии», каких я видел, — это ничтожная кучка рабочих, по большей части шотландцев, которых объединяет под своим решительным водительством некий Мак-Манус *. Но против моих искренних и ясных слов восставали их заветные убеждения. В отчаянии они заставляют себя верить в то, что в Англии сотни тысяч убежденных коммунистов, обстоятельно изучивших все евангелие от Маркса, и сплоченный пролетариат, который со дня на день должен захватить власть и провозгласить Британскую Советскую Республику. После трехлетнего ожидания они упорно цепляются за это — но постепенно их упорство ослабевает.

Этот странный образ мышления особенно забавно выражается в упреках, которые Москва то и дело бро-

сает по радио западным рабочим за то, что они не выполняют предначертаний Маркса. Они не красные, каковыми им должно быть. Они всего лишь желтые.

Весьма любопытна была моя беседа с Зиновьевым. Это человек, голосом и живостью своего облика похожий на Хилера Беллока¹, с густыми, вьющимися, черными как смоль волосами. «У вас в Ирландии идет гражданская война», — сказал он мне. «Да, по существу это так», — согласился я. «Как по-вашему, кто там представляет пролетариат — шинфейнеры или ольстерцы*» Довольно долго Зиновьев решал эту головоломку, пытаясь втиснуть ирландские события в формулу классовой борьбы. Решить ее ему так и не удалось, после чего мы перешли к Азии. Досадуя, что пролетариат на Западе так долго медлит и не заявляют о себе, Зиновьев вместе с Бела Куном**, нашим Томом Квелчем*** и еще несколькими видными коммунистическими руководителями совершил недавно паломничество в Баку с целью поднять на борьбу пролетариат Азии. Они отправились пробуждать классово-сознательных наемных рабов Ирана и Туркменистана. В юртах, среди степей, они искали фабричных рабочих и обитателей трущоб. Они созвали съезд в Баку — это было на редкость

---

¹ Беллок, Хилер (1870—1956) — английский писатель-романист. Наибольшую известность получила его книга философских путешествий «Дорога в Рим». Известны также его книги для детей.

пестрое стечение людей с белой, черной, смуглой и желтой кожей, в азиатских одеждах, с диковинным оружием: состоялся многолюдный митинг, на котором все провозгласили свою непримиримую ненависть к капитализму и британскому империализму; за этим последовало столь же многолюдное шествие, в котором, к величайшему сожалению, участвовали и английские пушки, брошенные в спешке кем-то из «строителей Британской империи»; были вырыты из могил и вновь погребены с почестями останки тринадцати человек, расстрелянных, как говорят, без суда этими же «строителями Британской империи», и преданы сожжению чучела Ллойд-Джорджа*, Мильерана** и президента Вильсона***. Побывав на заседании Петроградского совета, я не только видел фильм в пяти частях, посвященный этому необычайному торжеству, но благодаря содействию господина Зорина привез его с собой. Фильм этот следует показывать с разбором и не допускать на него детей. Там есть такие кадры, после которых мистера Гвинна из «Морнинг пост» и мистера Кипплинга¹ станут мучить кошмары. Если только они вообще не потеряют сон.

---

¹ Кипплинг, Редьярд (1865—1936) — английский прозаик и поэт, пользовавшийся в начале XX века всемирной известностью. Негативная сторона творчества Кипплинга — поддержка им в ряде произведений колониальной политики Британской империи.

Я долго выспрашивал у Зиновьева и Зорина, чего они хотели достичь, созвав Бакинский съезд. И откровенно говоря, мне кажется, они сами этого не знают. По-видимому, у них нет никаких определенных планов, ничего, кроме туманного намерения нанести британскому правительству удар через Месопотамию и Индию в ответ на удары, нанесенные им через Колчака, Врангеля и поляков. Это контрнападение почти так же нелепо и бессмысленно, как и те нападения, которыми оно спровоцировано. Невозможно представить себе, чтобы они могли надеяться на какую-либо классовую солидарность с разношерстным сборищем недовольных, явившихся на их съезд. В этом бакинском фильме есть художественные кадры — танец какого-то джентльмена из окрестностей Баку. И право же, его выступление принадлежит к лучшим кадрам этого необыкновенного фильма. На танцоре подбитая мехом куртка, высокие сапоги и высокая шляпа, он выделяет фигуры ловко и стремительно. Выхватив из ножен два кинжала, он зажимает их в зубах, потом ставит на них еще два и удерживает в равновесии у самого своего носа. Наконец, он устанавливает у себя на лбу пятый кинжал, продолжая танцевать в такт ритмичной восточной музыке. Подбоченившись, он сгибает колени и пляшет вприсядку, легко выбрасывая ноги, как делают казаки в русском балете. При этом он медленно движется по кругу и бьет в ладоши. Я бережно храню катушки с

пленкой, и танцор всегда готов снова пуститься в пляс. Я пытался выяснить, является ли он представителем азиатского пролетариата, или просил по крайней мере объяснить мне, что именно он в себе воплощает, но не получил вразумительного ответа. Тем не менее танец его заснят на многих ярдах пленки. Какая жалость, что я не могу воскресить Карла Маркса, дабы увидеть, как он стал бы с важностью взирать на этого танцора поверх своей бороды. И в фильме нет даже намека на то, как воспринял его мистер Том Квелч.

Надеюсь, товарищ Зорин, к которому я питаю искреннюю дружбу, не обидится на меня за откровенное признание, что я не могу принять его Бакинский съезд всерьез. Это было развлечение, маскарад, буффонада. Нелепо считать это съездом пролетариата Азии. Но если сам по себе он значил немного, тем не менее перед нами важное свидетельство перемены ориентации. Главное его значение я вижу в том, что он отражает новые устремления большевиков, которые попытался осуществить Зиновьев. Пока большевики непоколебимо придерживались марксистской концепции, взоры их были обращены на Запад, и они удивлялись, что «социалистическая революция» началась так далеко к востоку от предугазанного центра. Теперь, начиная осознавать, что к власти их привела вовсе не предсказанная Марксом социалистическая революция, а нечто

совершенно иное, они, естественно, ищут возможности установить новую систему связей. Идеалом русской республики по-прежнему остается гигантская фигура западного «Рабочего», сжимающего в руке молот или серп. Но если мы будем и впредь душить Россию в кольце блокады, лишая ее всякой возможности восстановить свою промышленность, этот идеал рано или поздно уступит место дикому кочевнику из Туркменистана, обвешанному кинжалами. Мы толкнем то, что останется от большевистской России, в степи, заставим ее взяться за кинжал. Если барон Врангель с нашей помощью свергнет правительство, еще не окончательно утвердившееся в Москве, призрачная надежда, что таким путем будет создана «система представительства» и «ограниченная монархия», едва ли оправдается. Я убежден, что всякий, кто разрушит законность и порядок в Москве, вообще уничтожит последние остатки законности и порядка по всей России. Разбойничье монархистское правительство снова зальет кровью русскую землю, покажет, на какой чудовищный погром и белый террор способны эти благородные господа, и после короткого зловещего торжества развалится и сгинет. Вновь воскреснет Азия. Как в древности, дикие и неотвратимые, двинутся через степи к Неману и Днестру конные орды, они будут разорять крестьян, а крестьяне — таиться и подстерегать их. Города обратятся

в руины среди пустыни, дороги придут в негодность, рельсовые пути изъест ржавчина; реки опустеют, суда сгниют...

Бакинский съезд произвел на Горького гнетущее впечатление. Его преследует кошмар — Россия, обращенная на Восток. Кажется, я и сам заразился от него этим гнетущим чувством.

IV

СОЗИДАТЕЛЬНАЯ РАБОТА В РОССИИ

В трех предыдущих главах я пытался обрисовать читателю ту картину, которая представилась мне в России, картину упадка современной цивилизации, подорванной и рухнувшей из-за бездарного управления, невежества и, наконец, опустошительной шестилетней войны. Я рассказал о том, как деятели науки и искусства влачат голодное существование, как исчезли многие жизненные блага и удобства. В Вене после переворота дела обстоят не лучше; там голодная смерть тоже уносит таких ученых, как покойный профессор Маргулес¹. Если бы Лондону довелось вынести еще четыре года войны, у нас произошло бы нечто подобное. В наших каминах не пылал бы уголь, по карточкам не выдавали бы продуктов, магазины на Бонд-

---

¹ Маргулес, Макс (1856—1920) — австрийский физик, химик и метеоролог.

стрит были бы так же пусты и заброшены, как на Невском проспекте. Большевицкое правительство не несет ответственности как за возникновение этих бедствий, так и за то, что они не прекращаются.

Я старался также по возможности объективно и справедливо оценить деятельность большевицкого правительства. Хотя большевики составляют менее пяти процентов населения России, они сумели взять и удержать власть, потому что среди всеобщего развала они были и остаются единственной организацией, объединенной общей верой и общим духом. Я не разделяю этой веры, мне смешон их пророк Маркс, но я понимаю и уважаю их дух. При всех своих многочисленных недостатках они составляют единственно возможный костяк воскресающей России. Первые шаги по пути возрождения цивилизации неизбежно должны быть сделаны под руководством советского правительства. Подавляющее большинство населения России — это крестьяне, безграмотные, грубо практичные и равнодушные к политике. Они суеверны, без конца крестятся и прикладываются к иконам — особенно часто это видишь в Москве, — но они не религиозны в подлинном смысле слова. В политике и общественной жизни их интересует лишь удовлетворение их непосредственных нужд. В целом они довольны большевицким правительством. Православный священник совершенно не похож на западного католического священника; он сам такой же

грязный и безграмотный крестьянин, не способный воздействовать на поступки и совесть своей паствы. Ни русское крестьянство, ни православие не несут в себе какого-либо созидательного начала. Остальные русские в самой России и за ее пределами — это более или менее образованные, разношерстные люди, не связанные ни едиными политическими идеями, ни единой волей. Они не способны ни на что, кроме пустых авантур и словопрений.

Политическое лицо русских эмигрантов в Англии заслуживает лишь презрения. Они без конца повторяют рассказы о «зверствах большевиков»: крестьяне жгут помещичьи усадьбы, распоясавшиеся солдаты грабят и убивают людей в городах, на глухих улицах творятся неслыханные преступления, — и все это, по их словам, дело рук большевистского правительства. Но спросите, каким правительством они желают его заменить, и вы услышите в ответ пошлейший вздор, причем почти всякий из них подделывается под те политические взгляды, к которым, по его разумению, вы привержены. Или же они до тошноты превозносят какого-нибудь очередного «сверхчеловека». Деникина или Врангеля, который всенепременно наведет полнейший порядок — бог весть каким образом. Они не заслуживают лучшего правителя, чем царь, и не способны даже решить, какого же царя им хочется. Лучшая часть русской интеллигенции, оставшаяся в России, мало-помалу начинает —

ради блага России — хоть и неохотно, но честно сотрудничать с большевистским правительством.

• Сами большевики — марксисты и коммунисты. Как я уже писал, они оказались у власти в России вопреки теориям Карла Маркса. Почти все силы им приходится отдавать патриотической борьбе против нападений, интервенции, блокады и всяких жестоких ударов, которые западные правительства немилосердно обрушивают на их страну, трагически потрясенную бедствиями. Остатки сил поглощают попытки спасти Россию от голодной смерти и навести хоть какой-то общественный порядок среди разрухи. Как я уже писал, большевики не имеют никакого опыта, это интеллигенты, в свое время эмигрировавшие в Женеву и Хэмпстед, или не слишком культурные рабочие из Соединенных Штатов. С тех пор как ранние мусульмане овладели Каиром, Дамаском и Месопотамией, мир не видел такого неумелого правительства.

Мне кажется, в душе многие из них растерялись, оказавшись перед лицом столь грандиозных задач. Но к счастью для них и для всей России, они воспитаны в духе коммунистических идей. Ведь и англичане убедились во время подводной войны, что в пору жестоких лишений городам и промышленным центрам приходится выбирать одно из двух: гибель или общественный контроль. Нам в Англии пришлось взять под контроль запасы продовольствия и ввести карточную систему,

пришлось подавлять спекуляцию суровыми законами. Коммунисты, придя к власти в России, тотчас же из принципиальных соображений принялись выполнять первоочередную задачу, неизбежную среди полнейшего общественного развала. Вопреки всем русским обычаям и традициям они ввели всеобъемлющий контроль и пайки. На бумаге теперешняя система пайков в России выглядит безупречно; и, по-видимому, она с успехом проводится в жизнь, насколько позволяет характер производства и потребления в стране. Легко выискивать промахи и недостатки, значительно трудней указать, как их избежать в истощенной, деморализованной России. Положение дел в этой стране таково, что, даже если, предположим, большевики были бы свергнуты и на смену им пришло бы любое другое правительство, оно все равно было бы вынуждено сохранить систему пайков, введенную большевиками, пресекать сомнительные политические действия, карать и расстреливать спекулянтов. В осажденной, голодающей стране большевики из принципа сделали то, что всякое другое правительство сделало бы по необходимости.

Перед лицом чудовищных трудностей они прилагают все усилия к тому, чтобы из развалин поднялась новая Россия. Мы можем отвергать их принципы и методы, можем называть их планы утопическими или какими угодно, можем смотреть на их действия с ужасом

или с насмешкой, но мы вынуждены признать, что в России сейчас совершается созидательная работа. Конечно, среди большевиков есть твердолобые, закоренелые доктринеры, фанатики, убежденные в том, что достаточно уничтожить капитализм, упразднить деньги и торговлю, ликвидировать общественное неравенство, и сам собою наступит некий безотрадный золотой век. Есть среди большевиков такие недалекие люди, которые готовы отменить преподавание химии в школе, если их не убедят, что это «пролетарская» химия, и запретить любой орнамент, если в него не вплетены буквы РСФСР (Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика), как реакционное искусство. Я уже говорил, что изучение еврейского языка запрещено ввиду его «реакционности»; а на квартире у Горького я слышал, как упорно он оспаривает крайние взгляды тех деятелей, которые считают ненужной всю литературу прошлого, кроме произведений, воплощающих в себе революционные идеи. Но есть в новой России и другие деятели с более широкими взглядами, они, если дать им возможность, будут строить и, вероятно, добьются успеха. Среди деятелей, обладающих творческими возможностями, я назвал бы таких людей, как сам Ленин, который поразительно вырос со времени эмиграции и недавно выступил в печати с резкой критикой крайних взглядов своих же единомышленников; Троцкого, который никогда не стремился к

крайностям и отличается замечательными организаторскими способностями; наркома просвещения Луначарского *; председателя Совета народного хозяйства Рыкова **; госпожу Лилину *** из Петроградского отдела просвещения; а также главу русской торговой делегации в Лондоне Красина ****. Я назвал фамилии, которые первыми пришли мне на память, но ими далеко не исчерпывается список большевиков, которые заслуженно могут называться государственными деятелями. Невзирая на блокаду, гражданскую войну и интервенцию, им уже удалось кое-что сделать. А ведь они не только вынуждены восстанавливать страну, до такой степени лишенную материальных ресурсов, что английский и американский читатель едва ли может это себе представить, но и работать с совершенно беспомощными сотрудниками. Сейчас Россия нуждается в техниках и хозяйственниках даже острее, чем в медикаментах или продовольствии. Простейшая работа в правительственных учреждениях ведется отвратительно, халатность и небрежность не поддаются описанию. Люди буквально погрязли в горах неразобранных бумаг и окурков. И это положение дел опять-таки не изменил бы никакой контрреволюционный переворот. Оно непосредственно вытекает из сегодняшней обстановки в России. Если бы по воле рокового случая кто-либо из военных авантюристов, вроде Юденича ***** или Деникина, захватил власть в России, он, в своем торжестве, лишь

усугубил бы и без того немалые трудности беспробудным пьянством, хищениями, тратами на развратных содержанок. А между тем, как бы ни старались мы опорочить большевиков, невозможно отрицать, что все они, за редчайшими исключениями, не только беззаветные труженики, но и подлинные пуритане.

Общая неорганизованность в России вызывает у меня тем более резкое осуждение, что из-за этого не состоялась моя встреча с Луначарским. Мне пришлось потратить более трех дней на разъезды, телефонные переговоры и ожидание, чтобы добиться полуторачасовой беседы с Лениным и короткой встречи с Чичериным*. При такой нерасторопности, если учесть, что пароходы из Ревеля в Стокгольм курсируют нерегулярно, мне пришлось бы ради встречи с Луначарским задержаться в России по меньшей мере еще на неделю. Вся моя поездка в Москву была испорчена самыми досадными недоразумениями. Сопровождавший нас матрос с серебряным чайничком совершенно не знал Москвы, и устраивать мои встречи там было поручено одному американцу, который плохо владел русским языком и едва мог объясниться по телефону. Хотя Горький при мне звонил из Петрограда в Москву и заблаговременно договорился о моей встрече с Лениным, в Москве заявили, что не были предупреждены о моем приезде. А когда пришло время возвращаться в Петроград, меня по ошибке посадили не в тот поезд,

и я провел в дороге не четырнадцать, а двадцать два часа. Может показаться, что все это мелочи, недостойные внимания, но, если вспомнить, что в России передо мной всячески хвастали усердием и образцовым порядком, подобные вещи представляются весьма знаменательными. Уже в дороге, когда обнаружилось, что мы едем почтовым поездом, а курьерский ушел три часа назад, в то самое время, когда все наши вещи были давно уложены и мы слонялись по вестибюлю особняка, дожидаясь, когда же за нами приедут, я взорвался и дал волю своему красноречию. Я высказал матросу на доступном ему языке свое мнение о русских порядках. Он смиренно выслушал мои язвительные речи. А когда я наконец смолк, он ответил мне опять-таки весьма знаменательной фразой, показывающей, как несуразно рассуждают сейчас в России. «Что поделаешь, — сказал он, — блокада...»

Но хотя мне и не удалось встретиться с Луначарским, я все же видел некоторые плоды его трудов. Деятель просвещения прежде всего имеет дело с людьми, а недостатка в людях Россия все еще не испытывает, и в этом смысле у Луначарского есть несомненное преимущество перед большинством его коллег. И хотя я был исполнен предубеждения и недоверия, теперь мне приходится признать, что в условиях величайших трудностей большевики сумели поднять дело просвещения на поразительную высоту.

Начало было самое неудачное. Приехав в Петроград, я сразу выразил желание побывать в какой-нибудь школе, и на другой же день мне показали школу, которая произвела на меня весьма невыгодное впечатление. Оборудована эта школа превосходно, гораздо лучше, чем большинство средних школ в Англии, ученики там, по-видимому, способные и сообразительные; но мы пришли уже после конца занятий. Я не мог побывать на уроках, а дисциплина, судя по поведению ребят, оставляла желать лучшего. Я заподозрил, что ко встрече со мной заранее приготовились, и такая школа — единственная на весь Петроград. Специально выделенный сопровождающий стал задавать ребятам вопросы об английской литературе и о любимых английских писателях. Одно имя затмевало все остальные. Мое собственное. Такие пигмеи, как Милтон¹, Диккенс и Шекспир, пресмыкались у ног этого гиганта литературы. Отвечая на дальнейшие вопросы, ребята перечислили названия доброго десятка моих книг. Тогда я сказал, что совершенно удовлетворен посещением и с меня вполне достаточно — в самом деле, мог ли я желать большего? — и ушел с принужденной улыбкой, негодуя на организаторов этого спектакля.

---

¹ Милтон, Джон (1608—1676) — великий английский поэт, крупный публицист и политический деятель английской буржуазной революции. Вершина его творчества — поэма «Потерянный рай».

Через три дня я неожиданно отказался от всех встреч, назначенных на утро, и настоял, чтобы мне показали наугад какую-нибудь из ближайших школ. Я не сомневался, что в прошлый раз меня обманули и уж теперь-то я не увижу ничего хорошего. Однако все оказалось гораздо лучше, чем в прошлый раз. Лучше было и само здание, и учебные пособия, и дисциплина, а побывав на уроках, я убедился, что преподавание поставлено прекрасно. Преподают там главным образом женщины, пожилые и, видимо, очень опытные,— я решил побывать на уроке геометрии, потому что язык чертежей не требует перевода. Кроме того, мне показали множество превосходных рисунков и макетов, сделанных руками самих ребят. Школа обеспечена достаточным количеством наглядных пособий. Особенно привлекла мое внимание удачно подобранная серия пейзажей для преподавания географии. Там же было много химических и физических приборов, которые, надо полагать, широко используются. Зайдя на кухню, где готовили еду для детей — в Советской России детей кормят в школе,— я убедился, что эта еда превосходна и отлично приготовлена, много лучше, чем на кухне для взрослых, где мы побывали. На сей раз я был гораздо более удовлетворен. Перед уходом мы с помощью наводящих вопросов подвергли проверке поразительное пристрастие русских ребят к Г. Дж. Уэллсу. Никто из учеников даже не слышал о таком писателе. В школь-

ной библиотеке не оказалось ни единой его книги. Тут уж я окончательно убедился, что попал в самую обычную школу. Теперь я понимаю, что первую школу выбрали не с коварным умыслом представить просвещение в России в ложном свете, как я решил сгоряча, — все это было подстроено с самыми благими намерениями моим собратом по перу, литературным критиком Чуковским, который хотел показать мне, какой любовью я пользуюсь в России, недооценив серьезности моей миссии.

Позднее, когда я собрал новые сведения, а также сравнил свои наблюдения с наблюдениями других людей, побывавших в России, и в особенности доктора Хейдена Геста, который тоже неожиданно посетил несколько московских школ, я убедился, что в Советской России, стоящей перед лицом величайших трудностей, не прекращается огромная работа, начатая в области просвещения, и невзирая на тяжелую общую обстановку, количество школ в городах, безусловно, выросло со времен царизма, а преподавание улучшилось. (Крестьянства все эти преобразования, как обычно, почти не коснулись, исключение составляют лишь несколько «показательных» районов.) Школы, которые я видел, не уступали английским школам, где учатся дети представителей средних классов. Эти школы общедоступны, предполагается ввести обязательное образование. Конечно, в России есть свои, особые трудности. Часто не

хватает учителей, нелегко заставить учеников посещать школу. Многие из них предпочитают занятиям уличную торговлю. Значительная часть подпольной торговли сосредоточена в руках у детей. Их гораздо трудней изловить, чем взрослых, и к тому же убеждения не позволяют коммунистам их преследовать. А русские дети развиваются необычайно рано для северян.

Совместное обучение подростков до пятнадцати-шестнадцати лет, введенное по всей России, при нынешнем падении нравственности повлекло за собой самые дурные последствия. Я обратил на это внимание, когда бывший председатель Петроградской Чрезвычайной комиссии Бакаев со своим коллегой Залуцким приехал за советом к Горькому. Они разговаривали с полнейшей откровенностью, и мне тут же переводили каждое их слово.

Кроме того, меня ужаснули и потрясли статистические данные о нравственности петроградской молодежи, собранные и опубликованные большевистскими властями. Не знаю, сопоставимы ли они с английскими данными — если таковые имеются, — отражающими положение там, где с молодежью особенно неблагополучно, например на восточной окраине Лондона или в таких промышленно отсталых городах, как Ридинг. (Могу предложить читателю взять для сравнения «Пути порока», отчет Фабианского общества о проституции.) Не знаю, что показало бы сравнение их с дан-

ными, относящимися ко временам царизма. Не могу судить также, в какой мере это обусловлено нуждой и тяжелыми, почти безысходными жилищными условиями в России. Но остается несомненным, что в русских городах, где неуклонно насаждается просвещение и ширится духовное развитие молодежи, вместе с тем растет и ее распущенность, особенно в половых отношениях, и это происходит в то самое время, когда старшие являют собой пример небывалой воздержанности и поистине пуританского целомудрия. Угарная нравственная лихорадка, сотрясающая молодежь, омрачает картину просвещения в России. В целом я склонен отнести это за счет разложения всего общества; ведь и во всех европейских странах во время войны наблюдалось подобное же падение нравов среди молодежи; однако сама революция, которая лишила школы многих старых, опытных учителей и поставила под вопрос все моральные нормы, бесспорно, способствовала, пока еще невозможно сказать в какой мере, разрушению нравственных устоев в России.

В тяжелых условиях голода, распада семьи и полнейшего хаоса в жизни общества большевистское государство берет городских детей на воспитание. Возникает все больше школ-интернатов. Дети в городах России, подобно детям английских привилегированных классов, поступают в закрытые учебные заведения. В Петрограде, неподалеку от второй школы, где я по-

бывал, есть два больших общежития, одно для мальчиков, другое для девочек. В этих условиях легче осуществлять правильное физическое и нравственное воспитание детей. Это опять-таки не только соответствует коммунистическим принципам, но продиктовано отчаянным положением в стране. Целые города превращаются в трущобы, и большевистское правительство, при невиданных масштабах своей деятельности, вынуждено идти по стопам доктора Барнардо.

Мы побывали в специальном приемнике, куда приводят своих детей родители, лишенные возможности при теперешних ужасающих условиях чисто одеть их, прилично воспитать и прокормить. Приемник размещен в бывшей Европейской гостинице, видевшей при старом режиме немало веселых кутежей. На крыше сохранился летний сад, где некогда выступал струнный квартет, а на лестничной площадке мы видели французскую вывеску золотыми буквами по матовому стеклу: «Coiffure des Dames»¹.

Тонкие позолоченные стрелки указали нам путь в ресторан — заведение, давно исчезнувшее из суровой петроградской жизни. Сюда и приводят детей; прежде всего их помещают в изолятор для санитарной обработки и выявления инфекционных болезней (девять новичков из десяти приносят на себе отвратительных на-

---

¹ Дамская парикмахерская (франц.).

секомах), затем переводят в другой изолятор, где подвергают своего рода нравственному карантину, обнаруживая дурные привычки и предосудительные наклонности. Здесь происходит отсев, и некоторых отправляют в специальные школы для трудновоспитуемых. Остальных государство берет на воспитание обычным порядком, и они поступают в интернаты.

Разумеется, здесь налицо полнейшее «разрушение семьи», причем широкая сеть, созданная большевиками, охватывает детей всех сословий. Днем родители сравнительно свободно могут видаться со своими детьми, но практически не имеют возможности влиять на их воспитание, выбирать для них одежду и т. д. Мы видели детей на различных стадиях этого воспитательного процесса, и всегда у них был здоровый, веселый и довольный вид. Но следует учесть, что у них превосходные воспитатели. Многие мужчины и женщины, втайне или открыто недовольные существующим политическим строем, но горячо стремящиеся служить России, нашли здесь работу, которой они могут отдаться искренне, с чистой совестью. Как оказалось, моя переводчица и та женщина, которая показывала нам детский приемник, были хорошо знакомы, обе они часто обедали и ужинали в Европейской гостинице в дни ее бывшего великолетия. Теперь эта женщина скромно одета, коротко подстрижена, держится со строгим достоинством; ее муж — белогвардеец и служит в польской армии; у нее

двое детей, которые воспитываются в интернате, а на ее попечении десятки чужих ребятишек. Она нескрываяемо гордится своей работой и сказала нам, что теперь — в этом сдавленном нуждой городе, на который уже легла злобная тень голода, — жизнь ее гораздо богаче и содержательней, чем в прошлые времена.

У меня не остается места, чтобы рассказать обо всей остальной работе в области просвещения, с которой мы ознакомились в России. Поэтому я в коротких словах расскажу лишь о доме отдыха для рабочих на Каменном острове. Там я увидел сочетание поразительного с нелепым. Рабочие получают возможность пожить две или три недели без забот, в изысканной роскоши. Это прекрасная усадьба с живописным парком, оранжереей и дворовыми службами. Столы покрыты белоснежными скатертями, украшены цветами, и прочее, и прочее. Рабочему поневоле приходится достойно держать себя среди такого изящества. Это составная часть воспитательного процесса. Мне рассказали, что, если кто-нибудь забудется и по доброй старой деревенской привычке, громогласно откашлявшись, сплюнет на пол, служащий обводит плевком мелом и заставляет нарушителя вытереть поруганный паркет. Аллея, ведущая к дому, изукрашена в духе футуризма, у ворот высится гипсовая статуя «рабочего», опершегося на молот, причем гипс, из которого она отлита, взят из хирургических отделений петроградских больниц... Но сама по себе мысль повы-

шать культуру рабочих, предоставляя им возможность окупиться в обстановку уюта, пожалуй, не плоха...

Многое из этой деятельности большевиков мне нелегко взвесить на весах справедливости. Но все же созидательная и воспитательная работа продолжается, и хотя в ней достойное восхищения соседствует с нелепым, среди жесточайшей нужды и всеобщего упадка уже расчистились хотя бы небольшие светлые островки, которые представляются мне островками надежды. Кто может измерить их прочность, их способность противостоять инерции, насколько они окрепнут и расширятся, если Россия добьется передышки в гражданской войне и на внешних фронтах, сможет оправиться от голода и лишений? Именно об этой возрожденной России, о России грядущей мне больше всего хотелось поговорить с Лениным, когда я отправился к нему в Кремль. О беседе с ним я расскажу в шестой главе.

V

ПЕТРОГРАДСКИЙ СОВЕТ

В четверг 7 октября мы побывали на заседании Петроградского совета. Нас предупредили, что этот законодательный орган совсем не похож на английскую палату общин, и это совершенно справедливо. Как почти все, что делается в Советской России, заседание поразило нас полнейшей неподготовленностью и сти-

хийным характером. Невозможно придумать организацию, менее подходящую для столь серьезных и ответственных функций.

Заседание состоялось в зимнем саду Таврического дворца, некогда принадлежавшего Потемкину, фавориту Екатерины II. При царизме здесь собиралась Государственная дума. Я побывал на одном из ее заседаний в 1914 году и наблюдал в действии эту ленивую говорильню. Вместе с мистером Морисом Барингом* и одним из родственников Бенкендорфа я поднялся на галерею для гостей, полукружьем охватывающую зал. Зал этот, приблизительно на тысячу мест, был почти пуст. Председатель с колокольчиком сидел на возвышении, за его спиной разместились в ряд стенографистки. Не помню уже, какой вопрос в тот день обсуждался; могу, однако, сказать с уверенностью, что он никого особенно не интересовал. Помнится, Баринг обратил внимание на то, как много священников в составе Третьей думы; их рясы и бороды сразу бросались в глаза среди редких, рассеянных по залу депутатов.

Теперь же мы оказались не сторонними наблюдателями, а непосредственными участниками заседания; нас усадили позади председателя, где были отведены места для членов правительства, официальных гостей и т. п. Председательский стол, возвышение, стенографистки — все было на прежних местах, но вместо скуки парламентской говорильни вокруг нас царили тол-

чая, шум и неповторимое воодушевление массового митинга. Позади председателя, на скамьях, тесным полукругом сидели человек двести или даже больше: моряки в военной форме, штатские, судя по одежде — служащие и рабочие, множество женщин с интеллигентными лицами, несколько представителей азиатских народностей и еще какие-то гости неведомо откуда, а в переполненном до отказа зале люди толпились в проходах и под галереей. Вероятно, собралось две, а то и три тысячи мужчин и женщин. Все это были члены Петроградского совета, работа которого, в сущности, представляет собой совместное заседание подчиненных ему районных советов. На галерее для гостей тоже теснились люди.

За столом, спиной к нам, сидели Зиновьев, его ближайший помощник Зорин и председатель. На обсуждение были поставлены условия мира с Польшей. Собравшиеся тяжело переживали поражение и склонны были отвергнуть требования поляков. Вскоре после нашего прихода Зиновьев выступил с длинной и, сколько я мог судить, очень удачной речью, подготавливая всю эту массу людей к мысли о необходимости уступить. Поляки ставят наглые условия, но в настоящее время Россия вынуждена их принять. Потом взял слово какой-то пожилой человек, который яростно обвинял русский народ и правительство в безбожии; Россию постигла кара за грехи, и, если она не раскается, не

вернется в лоно веры, бедствиям ее не будет конца. И хотя собравшиеся не разделяли этих взглядов, ему дали высказаться до конца. После этого открытым голосованием была принята резолюция о заключении мира с Польшей. Затем наступил и мой черед. Было объявлено, что я приехал из Англии для ознакомления с большевистским строем; далее последовали неумеренные похвалы в мой адрес; и наконец, меня призвали отнестись к этому строю справедливо и не следовать примеру тех иностранных гостей (подразумевались миссис Сноуден, Гест и Бертран Рассел), которые недавно воспользовались гостеприимством Советской Республики, а потом выступили с недружественными высказываниями. К этому призыву я отнесся сдержанно; ведь я приехал в Россию для того, чтобы составить собственное суждение о большевистском правительстве, а не для славословий. Теперь мне предстояло выйти на трибуну и обратиться к многолюдному собранию. Я знал, что некоторых иностранных гостей уже постигла на этой трибуне печальная судьба, так как впоследствии им нелегко было объяснить смысл тех речей, которые переводчики от их имени передали по радио на весь мир. К счастью, у меня было некое предчувствие, что мне придется выступить. Во избежание недоразумений я заранее написал по-английски короткую речь, которую по моей просьбе тщательно перевели на русский. Я начал с того, что сам я отнюдь не марксист и

не коммунист, а коллективист, и, по моему мнению, русские в это тяжкое для них время, стремясь обрести мир и поддержку, должны возлагать надежды не на социалистическую революцию в западных странах, а на общественное мнение умеренных, либерально настроенных людей Запада. Я сказал, что большинство людей на Западе решительно выступает за мир с Россией и за то, чтобы ей была предоставлена возможность свободно избрать собственный путь развития. Однако сами западные страны, возможно, выберут совсем иной путь. Окончив, я вручил русский текст Зорину, что не только облегчило ему переводческую задачу, но и не оставило никакой почвы для недоразумений. Впоследствии моя речь была полностью, без каких-либо искажений, напечатана в «Правде».

После этого Зорин предложил командировать Зиновьева в Берлин, на съезд Независимой социал-демократической партии. Зорин остроумен, обладает чувством юмора, и он сразу поднял настроение в зале. Его предложение было принято открытым голосованием, после чего заслушали и обсудили доклад о выращивании овощей в пригородах Петрограда. Вокруг этого практического вопроса разгорелись страсти. В зале вскакивали с мест, произносили короткие, длившиеся немногим более минуты речи и снова садились. Выступающих перебивали выкриками. Все это скорее походило на большой рабочий митинг в Куин Холле, чем

на заседание законодательного органа в том смысле, как принято понимать в Западной Европе.

Когда обсуждение кончилось, произошло нечто совсем уж невиданное. Все, сидевшие на возвышении, хлынули в зал, и без того переполненный, пристроились там кто как мог, а позади председательского стола опустился большой белый экран. На левом крыле галереи появился оркестр. Начался просмотр кинофильма в пяти частях, посвященного Бакинскому съезду, о котором я уже писал. Фильм смотрели с интересом, но без бурных оваций. После его окончания оркестр заиграл «Интернационал» и публика — или нет, прошу прощения! — Петроградский совет с пением этой знаменитой песни стал расходиться. В сущности, это был массовый митинг, решительно не способный ни на какую законодательную деятельность; он мог лишь одобрить или не одобрить программу правительства, но и только. По сравнению с английским парламентом, в нем не более слаженности, цельности и четкости, чем в груде разрозненных колесиков по сравнению со старомодными, неточными, но еще исправными часами.

VI

КРЕМЛЕВСКИЙ МЕЧТАТЕЛЬ

Я поехал из Петрограда в Москву главным образом для того, чтобы увидеться и поговорить с Лениным. Этой встречи я ждал с большим интересом и был зара-

нее предрешен против него. Но он оказался совсем не похожим на того человека, которого я предполагал увидеть.

Ленин не писатель; по его опубликованным сочинениям нельзя судить о его личности. Короткие, резкие брошюры и статьи, издаваемые в Москве под его именем, в которых нередко высказываются ошибочные представления о психологии западных рабочих и упорно отстаивается нелепый тезис, что в России произошла та самая социалистическая революция, которая была предсказана Марксом, не отражают, как я убедился при встрече с ним, и крупницы его интеллекта. Порой в этих работах блеснет вдохновенная прозорливость, в целом же они лишь повторяют готовые идеи и формулировки ортодоксального марксизма *. Быть может, это необходимо. По-видимому, только такой язык и понятен коммунистам; внезапный переход к новой терминологии породил бы недоумение и разброд. Левый коммунизм — это хребет нынешней России; к сожалению, хребет этот лишен гибкости, он лишь с величайшим трудом поддается на угодливую лесть.

Москва, залитая ярким октябрьским солнцем, в уборе золотистой, трепещущей листвы, по сравнению с Петроградом, выглядела привольней и оживленней. На улицах несравненно болеелюдно, свободней идет торговля, довольно много извозчиков. Рынки открыты. Улицы и дома не так разрушены. Правда, кровопро-

**«СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ НЕДЕЛЯ» В ОДНОЙ ИЗ ДЕРЕВЕНЬ
НОВО-ЛАДОЖСКОГО УЕЗДА ПЕТРОГРАДСКОЙ ГУБЕРНИИ.
ПОЧИНКА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОРУДИЙ У КУЗНИЦЫ.**

**ГОРЬКИЙ В ХРАНИЛИЩЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ
В ПЕТРОГРАДЕ. 1920 г.**

НА ЗАНЯТИЯХ РАБФАКА ИМ. М. Н. ПОКРОВСКОГО ПРИ МГУ. 1920 Г.

РАЗДАЧА ЛИТЕРАТУРЫ ИЗ АГИТПОЕЗДА НА ВОСТОЧНОМ
ФРОНТЕ. 1919 г. (г. СОРОЧИНСК).

литные уличные бои в начале 1918 года оставили довольно много следов*. Один из куполов нелепого собора Василия Блаженного, что стоит у самых ворот Кремля, разворочен снарядом и до сих пор не восстановлен. Мы заметили, что трамваи не перевозят пассажиров; их используют для доставки продовольствия и топлива. Говорят, что в этом смысле Петроград обеспечен лучше Москвы.

Десять тысяч крестов на московских церквях по-прежнему ярко сверкают при свете дня. На высоких кремлевских башнях простирают крылья имперские орлы; большевистское правительство слишком занято или безразлично к таким вещам, и орлов до сих пор не убрали. В церквях идут богослужения, верующие исто-во прикладываются к иконам, нищим на паперти уда-ется порой выклянчить подавание. Особенно много бо-гомольцев привлекает знаменитая часовня с чудотвор-ным образом Иверской божьей матери неподалеку от Воскресенских ворот. Толпы крестьянок, не имея воз-можности протиснуться в маленькую часовню, целуют камни у входа.

А напротив, на стене дома, висит мраморная доска со знаменитым ныне лозунгом, прибитая здесь вскоре после революции по распоряжению московских вла-стей: «Религия — опиум для народа». Воздействие это-го лозунга значительно ослабляется тем, что народ в России неграмотен.

По поводу этой надписи у меня вышел короткий, но довольно забавный спор с американским финансистом мистером Вандерлипом, который жил вместе с нами в особняке для гостей правительства. Он утверждал, что лозунг нужно убрать. Я возразил, что его следует сохранить для истории, и к тому же веротерпимость должна в равной мере распространяться и на атеистов. Однако мистер Вандерлип был слишком возмущен и не мог вникнуть в смысл моих слов.

Особняк, где мы жили вместе с мистером Вандерлипом и одним ловким английским скульптором, который как-то сумел пробраться в Москву и получить заказ на бюсты Ленина и Троцкого, просторный, богато обставленный, стоял на Софийской набережной (№ 17), прямо напротив высокой кремлевской стены, за которой теснят друг друга купола и башенки этой царской твердыни. Здесь мы чувствовали себя далеко не так свободно и непринужденно, как в Петрограде. Стража у ворот ограждала нас от случайных посетителей, тогда как в Петрограде самые разные люди приходили ко мне побеседовать частным порядком. Насколько я понял, мистер Вандерлип прожил в Москве уже несколько недель и предполагал пробыть еще примерно столько же. У него не было ни прислуги, ни секретаря, ни переводчика. Он не вел со мной разговоров о своих делах, лишь осторожно обронил раз-другой, что это чисто финансовые и торговые дела, совершенно не

связанные с политикой. Я слышал, что он привез Ленину письменные полномочия от сенатора Гардинга *, но, поскольку любопытство не в моем характере, я даже не пытался проверить это и вообще предпочел не вмешиваться. Я не спросил даже, каким образом в коммунистическом государстве можно заключать торговые или финансовые сделки с кем-либо, помимо правительства, а с правительством — иметь дело вне связи с политикой. Я молчаливо признал, что подобные тайны выше моего разума. Соблюдая полнейшую сдержанность, мы вместе садились за стол, ели, курили, пили кофе, беседовали. «Миссия» мистера Вандерлипа, окруженная глубоким молчанием, стала для нас чем-то вездесущим и многозначительным.

Моей встрече с Лениным предшествовала долгая и неприятная волокита, но вот наконец я отправился в Кремль, сопровождаемый господином Ротштейном **, игравшим прежде видную роль в коммунистических кругах Лондона, и одним американским товарищем с большим фотоаппаратом, — этот товарищ, как я понял, тоже был представителем русского комиссариата иностранных дел.

Помню, в 1914 году доступ в Кремль был совершенно свободный, совсем как в Виндзорский замок, и в его ворота тоненькой, но непрерывной струйкой вливались по двое и небольшими группками богомольцы и туристы. Теперь же туда нелегко попасть. Еще у во-

рот начались хлопоты из-за разрешений и пропусков. Прежде чем попасть в кабинет Ленина, нам пришлось пройти, словно через фильтры, через пять или шесть комнат, где охрана и сотрудники проверяли наши документы. Быть может, этого требует личная безопасность Ленина, но тем самым он оказался в отрыве от России и, что особенно важно для осуществления действительной диктатуры, Россия оказалась в отрыве от него. Если к нему все просачивается как бы через фильтры, то и все, исходящее от него, неизбежно должно просачиваться через те же фильтры и может при этом претерпеть серьезные искажения.

Наконец нас пропустили к Ленину, и мы увидели человека невысокого роста, который сидел за большим письменным столом в светлом кабинете с окнами, выходящими на площадь перед дворцом. На столе был полнейший беспорядок. Я сел сбоку подле стола, и этот невысокий человек — когда он сидит на краешке стула, ноги его едва касаются пола — повернулся ко мне, облокотившись о стол поверх вороха бумаг, и заговорил. Он прекрасно владеет английским языком, но я отметил про себя то весьма характерное для сегодняшней России обстоятельство, что господин Ротштейн неусыпно следил за разговором, иногда вставлял замечания или подсказки. Американец тем временем пристроил свой аппарат и потихоньку, но с большим усердием принялся нас фотографировать. Наша беседа была так инте-

ресна, что он нам ничуть не мешал. Вскоре все это щелканье и шевеление стали вовсе незаметны.

Я пришел, готовый к столкновению с марксистским догматиком. Но он оказался совсем не похож на догматика. Я слышал, будто Ленин любит поучать; однако в нашей беседе ничего подобного не было. Много писали о его смехе, который поначалу как будто приятен, но вскоре начинает казаться циничным. Такого смеха я не услышал ни разу. Формой своего лба он напоминал мне кого-то — я не мог припомнить, кого именно, и понял это лишь на днях, когда увидел мистера Артура Бальфура* при скупом свете лампы, затененной абажуром. Передо мной был точно такой же выпуклый череп не вполне правильной формы. У Ленина приятное, очень подвижное, смугловатое лицо, живая улыбка, и я заметил у него привычку (возможно, это объясняется каким-либо дефектом зрения) щурить один глаз, делая паузу в разговоре; он не очень похож на известные всем фотографии, так как принадлежит к людям, у которых мимолетное выражение лица гораздо важнее, чем сами черты; во время разговора он иногда жестикулировал над кипами бумаг и говорил быстро, вникая в самую суть дела, безо всякой позы, рисовки или недомолвок, как умеют говорить лишь подлинные ученые.

Всю нашу беседу определяли и пронизывали два — как бы их назвать? — два лейтмотива. Один исходил

от меня к нему: «Как представляется вам будущее России? Какое государство вы стремитесь создать?» Другой — от него ко мне: «Почему в Англии до сих пор не началась социалистическая революция? Почему вы не готовите социалистическую революцию? Почему не свергнете капитализм и не провозгласите коммунистическое государство?» Оба эти мотива сплетались, перекликались, дополняли друг друга. Второй возвращал нас к первому: «Но что дала вам социалистическая революция? Успешно ли она завершилась?» И тут мы снова переходили ко второму: «Для ее успешного завершения к нам должен примкнуть Западный мир. Почему это не делается?»

До 1918 года все марксисты считали революцию своей конечной целью. Пролетарии всех стран соединятся, свергнут капитализм и обретут вечное счастье. Но в 1918 году коммунисты неожиданно для себя очутились в России у власти, и нужно было явить миру обещанный золотой век. Этот новый, лучший общественный строй еще не появился, и на то у коммунистов есть весьма красноречивые оправдания — непрекращающиеся войны, блокада и все прочее, но тем не менее они явно начинают понимать, что марксистское мировоззрение не дало им никакой практической подготовки. Можно указать сотню проблем — некоторых — уже коснулся, — к которым они не могут даже подступить. Однако рядовой коммунист приходит в правед-

ное негодование, стоит вам хотя бы усомниться в том, что при новом строе все делается самым лучшим и самым мудрым образом. Он напоминает самолюбивую хозяйку, которая, когда ее выселяют из дома, требует похвал за идеальный порядок. Он напоминает позабытых суффражисток¹, которые сулили всем земной рай, стоит только освободиться от тирании «законов, установленных мужчинами». Но Ленин, от чьей откровенности, вероятно, захватывает дух у его последователей, окончательно отверг всякое лицемерие и заявил, что революция в России — это не что иное, как наступление эпохи беспредельных поисков. Он писал недавно, что люди, перед которыми стоит огромная задача ниспровержения капитализма, должны быть готовы к тому, что им придется испробовать один за другим множество методов, пока они не найдут метод, наиболее соответствующий их цели.

Наша беседа началась с обсуждения будущего больших городов при коммунизме. Мне хотелось услышать мнение Ленина о том, как далеко пойдет процесс отмирания городов в России. В разрушенном Петрограде я осознал то, чего не понимал раньше: облик и самую структуру города определяют магазины и рынки, стоит

---

¹ Суффражистки — участницы буржуазного женского движения в Англии начала XX в. за предоставление женщинам равных с мужчинами прав.

их упразднить, и девять из десяти зданий в обычном городе прямо или косвенно утратят свое назначение и смысл. «Города станут гораздо меньше,— согласился Ленин.— Они изменятся. Да, очень изменятся». Я заметил, что это потребует огромной работы. Придется снести прежние города и построить новые, на другом месте. Церкви и величественные дворцы Петрограда уподобятся историческим памятникам Новгорода Великого или храмам Пестума. Значительная часть современного города перестанет существовать. Ленин охотно согласился со мной. Мне кажется, он рад был встретиться с человеком, сознающим неизбежные последствия коллективизма, которых не могут постичь до конца даже многие из его единомышленников. Предстоит коренная перестройка всей России, полное ее обновление...

А промышленность — предстоят ли и здесь столь же коренные преобразования?

Известно ли мне о том, что уже сейчас делается в России? Знаю ли я об электрификации?

Оказывается, Ленин, который, как и положено ортодоксальному марксисту, осуждает всяческих «утопистов», в конечном счете сам увлекся утопией — утопией электрификации. Он употребляет все свое влияние, стремясь осуществить план строительства в России мощных электростанций, которые дадут целым губерниям свет и энергию для транспорта и промышленно-

оти. Он сказал, что в экспериментальном порядке уже электрифицированы два района. Можно ли вообразить более отважный план в этой стране лесистых равнин, населенной безграмотными крестьянами, в стране, где нет ни водных энергетических ресурсов, ни квалифицированных специалистов, где угасает торговля и промышленность? Подобный план осуществляется сейчас в Голландии, он рассматривался в Англии, и в этих густонаселенных странах с развитой промышленностью электрификация, вполне возможно, будет с успехом осуществлена, окажется выгодной и полезной во всех отношениях. Однако в России такой план превосходит самые пылкие технические фантазии. Сколько ни вглядываюсь я в будущее России, словно в темный кристалл, мне не ~~дано разглядеть то, что видит этот~~ невысокий человек, работающий в Кремле: он видит, как вместо разрушенных железных дорог возникают новые, электрифицированные магистрали, как по всей стране прокладываются новые шоссейные пути, как создается новое, счастливое коммунистическое государство с могучей промышленностью. И во время нашей беседы он почти заставил меня поверить в свое предвиденье.

— И вы намерены осуществить все это в крестьянством, приросшим корнями к земле?

— Но не только города будут перестроены: исчезнут все различия между городом и деревней.

— Уже сейчас,— сказал Ленин,— мы не всю сельскохозяйственную продукцию получаем от крестьянства. Кое-где создано крупное сельскохозяйственное производство. Правительство взяло в свои руки большие земельные владения там, где условия этому благоприятствуют, и землю обрабатывают не крестьяне, а рабочие. Возможно, это получит дальнейшее распространение. Сначала такой порядок установится в одной губернии, потом в другой. Крестьяне остальных губерний, эгоистичные и неграмотные, ничего не узнают, пока не наступит их черед...

Справиться сразу со всей массой крестьянства, пожалуй, нелегко; но порознь это можно сделать без всякого труда. Когда речь зашла о крестьянах, Ленин придвинулся ко мне поближе; он заговорил теперь конфиденциальным тоном. Как будто крестьяне и в самом деле могли подслушать наш разговор.

Я возражал, что нужно не только создать материальную основу общества, нужно преобразовать сознание всего народа. В силу своих обычаев и традиций русские — это нация индивидуалистов и торговцев; чтобы создать новый мир, нужно переделать самые их души. Ленин спросил, ознакомился ли я с той работой, которая ведется в области просвещения. Я рассказал о том, что видел, и кое-что похвалил. Он кивнул с довольной улыбкой. Вера его в свое дело поистине непоколебима.

— Но все это лишь наметки, самые первые шаги, — сказал я.

— Приезжайте через десять лет, и вы увидите, что мы сделаем за это время в России, — отвечал он.

Благодаря ему я понял, что коммунизм, несмотря на Маркса, все же таит в себе огромные созидательные возможности. После того как я перевидел среди коммунистов стольких унылых фанатиков, одержимых идеей классовой борьбы, стольких твердолобых, выхощенных доктринеров, после всех моих встреч с заурядными приверженцами марксизма, вымуштрованными и исполненными пустой самоуверенности, этот удивительный невысокий ростом человек, который откровенно признает, что строительство коммунизма — это грандиознейшая и сложнейшая задача, и скромно посвящает ее осуществлению все свои силы, буквально пролил бальзам на мою душу. Он по крайней мере видит преображенный, заново построенный мир, этот мир воплощенных замыслов.

Он попросил меня подробнее поделиться впечатлениями, почерпнутыми в России. Я сказал, что, на мой взгляд, коммунисты часто действуют слишком прямолинейно и поспешно, разрушают, когда они еще не готовы строить, и это особенно заметно в Петроградской коммуне. Они ликвидировали торговлю, когда не были еще готовы ввести пайки; уничтожили кооперативные объединения, вместо того чтобы их использовать, и т. д.

Тут мы подошли к нашему коренному разногласию, разногласию между коллективистами и марксистами, к вопросу, необходима ли такая крайность, как социалистическая революция, и есть ли необходимость полностью уничтожить старую общественно-экономическую систему, чтобы создать новую. Я считаю, что путем длительного, систематического воспитательного воздействия можно цивилизовать существующую капиталистическую систему и превратить ее в мировую систему коллективизма; однако Ленин уже много лет неразрывно связан с марксистскими догмами, провозглашающими неизбежность классовой борьбы и падение капиталистического строя в качестве непременных предпосылок для строительства нового общества, диктатуру пролетариата и т. п. Поэтому он вынужден был доказывать, что современный капитализм носит закоренелый хищнический характер, что он расточителен и неисправим никакими средствами, и, если его не уничтожить, он всегда будет тупо и бессмысленно эксплуатировать достояние человечества, всячески препятствовать использованию национальных богатств для общего блага и неизбежно породить войны.

Не скрою, что в этом споре мне пришлось туго. Неожиданно Ленин достал новую книгу Кьюцца Моне «Триумф национализации», которую он, как я понял, прочел очень внимательно.

— Вот видите, стоит только у вас появиться по-настоящему активной коллективистской организации, которая может сыграть какую-то роль в жизни общества, как капиталисты тотчас ее губят. Они погубили ваши национализированные верфи, они не дают вам экономично разрабатывать угольные шахты.— Он похлопал ладонью по книге.— Здесь обо всем этом сказано.

Когда я стал доказывать, что войны порождает не капиталистический строй, а националистический империализм, он вдруг спросил:

— А что вы думаете об этом новом республиканском империализме, исходящем из Америки?

Тут вмешался господин Ротштейн и что-то сказал по-русски, но Ленин оставил его слова без внимания.

И хотя господин Ротштейн взывал к дипломатической сдержанности, Ленин рассказал, что один американец вздумал своими планами поразить воображение Москвы. Он предлагает признать большевистское правительство и оказать России экономическую помощь. Предлагает заключить оборонительный союз, дабы обезопасить Сибирь от японской агрессии. Предлагает создать американскую военно-морскую базу на дальневосточном побережье и подписать долгосрочную концессию сроком на пятьдесят или шестьдесят лет для разработки природных богатств Камчатки, а также, возможно, и других крупных областей азиатской части России. Как мне кажется, есть ли здесь стремле-

ние к миру? Можно ли сомневаться в том, что это — начало новой всемирной грызни? Как на это посмотрят британские империалисты?

— Капитализм,— настоятельно утверждал Ленин,— это вечная конкуренция и грызня. Он прямо противоположен принципам коллективизма. Он не способен перерасти ни в общественное, ни во всемирное единство.

— Но должна же какая-нибудь промышленно развитая держава прийти России на помощь,— сказал я.— Без такой помощи невозможно никакое восстановление...

Наш многоплановый спор остался неоконченным. Мы тепло простились, и я вместе со своим сопровождающим пустился в обратный путь, от барьера к барьеру, через те же фильтры, которые мы уже один раз миновали.

— Это замечательный человек,— сказал господин Ротштейн.— Но все-таки он поступил неосмотрительно...

Мы возвращались в особняк мимо сверкающих золотом деревьев, что растут вдоль древнего рва у подножия кремлевской стены, и я не был расположен разговаривать. Мне хотелось поразмыслить о Ленине, пока его образ свеж в моей памяти, и разглагольствования сопровождающего мне мешали. Но господин Ротштейн говорил не закрывая рта.

Он все убеждал меня не рассказывать мистеру Вандерлипу о возможных перспективах русско-американских взаимоотношений, хотя я заверил его с самого начала, что слишком уважаю ту сдержанность, которой окружил себя мистер Вандерлип, чтобы посягнуть на нее хоть единым опрометчивым словом.

Наконец я вернулся в дом № 17 по Софийской набережной, где сел за стол вместе с мистером Вандерлипом и молодым лондонским скульптором. Нам прислуживал старый лакей, который был удручен скудостью трапезы и вспоминал дни минувшего великолепия, когда в этом особняке гостил Карузо и пел наверху, в большой зале, перед сливками московского общества. Мистер Вандерлип предложил посмотреть один из больших рынков, а вечером побывать на балете, но мы с сыном собирались вернуться в Петроград ночным поездом, чтобы вовремя успеть в Ревель, на стокгольмский пароход.

VII

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предыдущие главы этой книги я писал от первого лица, как бы беседуя с читателем, и тем самым постоянно напоминал ему, какой короткой была наша поездка в Россию и какими ограниченными возможностями я располагаю. Теперь же, если у читателя еще не иссякло терпение, я хотел бы в коротких заключитель-

ных строках изложить по возможности беспристрастно и недвусмысленно свои основные взгляды на положение в России. Я глубоко убежден в правоте этих взглядов, и они касаются не только России, но и судеб всей нашей цивилизации. Разумеется, я буду высказывать лишь свое личное мнение, но вопрос представляется мне настолько животрепещущим, что я не стану сглаживать его остроту какими-либо оговорками.

Итак, прежде всего, если Россия в недавнем прошлом была современной цивилизацией западного типа, наименее организованной и самой непрочной из всех великих держав, то теперь это — современная цивилизация *in extremis*¹. Непосредственной причиной ее крушения явилась мировая война, которая повлекла за собой полное истощение жизненных сил. Лишь вследствие этого большевики могли прийти к власти. До сих пор такого крушения не знала история. Если так будет продолжаться еще год или несколько дольше, окончательная гибель неминуема. Прежняя Россия сгинет, в ней останется только крестьянство; опустевшие города обратятся в руины, заброшенные железные дороги изъест ржавчина. И вместе с железными дорогами исчезнут последние остатки централизованной власти. Крестьянство совершенно безграмотно, это бессмысленная масса, способная воспротивиться посягательствам

---

¹ При смерти (*лат.*).

на свои собственные интересы, но решительно неспособная видеть дальше своего носа и действовать организовано. Оно обратится в человеческое болото, которое могут всколыхнуть лишь распри, мелкие гражданские войны, грязные политические страсти, и всякий недород будет влечь за собой голод; эпидемии распространятся отсюда по всей остальной Европе. Русское крестьянство будет поглощено Азией. Гибель цивилизации в России, ее вырождение в крестьянское варварство на долгие годы закроют Европе доступ ко всем богатствам русских недр, прекратится вывоз сырья, зерна, льна и всего прочего. Трудно сказать, смогут ли западные державы обойтись без этих товаров. Во всяком случае, прекращение поставок повлечет за собой обнищание всей Западной Европы.

Единственное правительство, способное в данный момент спасти Россию от окончательной гибели,— это теперешнее большевистское правительство, если только Америка и западные державы окажут ему помощь. Никакого другого правительства там в настоящее время нет и быть не может. Разумеется, многочисленные претенденты — всевозможные авантюристы и все прочие — готовы с помощью Европы попытаться свергнуть большевистское правительство, однако они не могут предложить взамен никакой общей цели и морального единства. Более того, время для новой революции в России уже упущено. Еще год гражданской войны, и Россия

окончательно отпадет от мировой цивилизации. Поэтому мы должны сделать все возможное для сотрудничества с большевистским правительством, независимо от нашего отношения к нему.

Это правительство крайне неопытно и беспомощно; порой оно прибегало к насилию и жестокостям; но в целом оно неизменно остается честным. В нем есть люди незаурядного ума и подлинных творческих возможностей, которые способны при благоприятных условиях и дружественной поддержке совершить в своей стране величайшие преобразования. Большевистское правительство в целом старается не отступать от своих взглядов, которые его сторонники превратили почти в религиозный культ. Если бескорыстно прийти к нему на помощь, оно способно создать в России новый цивилизованный общественный строй, приемлемый для всего остального мира. Вероятно, это будет умеренный коммунизм, который сосредоточит в своих руках управление транспортом, промышленностью, а также — впоследствии — и сельским хозяйством.

Если западные народы действительно хотят оказать России гуманитарную поддержку, мы должны с пониманием и уважением относиться к взглядам и принципам большевиков. До сих пор западные правительства с крайней нетерпимостью отвергали эти взгляды и принципы. Большевистское правительство — коммунистическое правительство не только на словах, но и на деле.

Оно не утверждает это голословно, а определяет этим, всю свою деятельность. Ликвидация частной собственности и торговли в России была не вынужденной мерой, а законодательным актом во имя справедливости; в России не осталось частных предпринимателей или торговых компаний, с которыми мы могли бы вести дело при соблюдении обычаев и правил, сложившихся в западной торговле. Нам необходимо понять, что большевистское правительство по самой своей сущности непримиримо к частному предпринимательству; оно не будет оказывать предпринимателям того уважения, которого они, по их понятиям, заслуживают; оно не будет им доверять и сделает все возможное, чтобы поставить их в невыгодное положение. В его глазах они пираты или, в лучшем случае, каперы¹. Поэтому частным лицам и компаниям придется оставить всякую мысль о торговле с Россией. Западный мир может иметь дело в России лишь непосредственно с большевистским правительством, а осуществить это на прочных и плодотворных началах мыслимо лишь через какой-либо национальный или, еще лучше, международный трест. Этот трест, который представлял бы одно или несколько государств или даже имел бы какое-то формальное

---

¹ Капер — принадлежащее частному лицу морское судно, которое во время войны с разрешения своего правительства нападает на коммерческий флот неприятельского государства; обычно — морской разбойник.

отношение к Лиге наций, мог бы вести дело с большевистским правительством на условиях полного равенства. Он должен будет признать большевистское правительство и в сотрудничестве с ним осуществлять неотложную задачу воссоздания материальных предпосылок для цивилизованного общества в европейской и азиатской России. Он должен быть учрежден на тех же основах, что и крупные тресты, которые контролировали всю торговлю и оказались так необходимы для стран Европы во время мировой войны. Этот трест будет представлять интересы частных предпринимателей, а большевистское правительство — интересы своих граждан. Такой трест в скором времени стал бы незаменим для большевистского правительства. В сущности, это единственный путь для торговли между капиталистическим и коммунистическим государствами. Предпринятые в прошлом и в текущем году попытки изыскать какой-либо способ частной торговли, не признавая большевистское правительство, были заведомо обречены на неудачу, как поиски северо-западного пути из Англии в Индию. Проливы скованы льдом.

Если какая-либо развитая страна или группа стран признают большевистскую Россию и окажут ей помощь, всякая такая страна неизбежно станет опорой, правой рукой большевистского правительства, к ее советам оно будет прислушиваться. Влияние приобретает взаимный характер. Возможно, эти страны воспримут

некоторые методы коллективизма и, со своей стороны, будут немало способствовать смягчению тех крайностей, на которые идет порой коммунизм в России.

Единственное государство, способное самостоятельно прийти на помощь России в роковой для нее час, — это Соединенные Штаты Америки. Поэтому начинание, на которое отважился мистер Вандерлиц, человек предприимчивый и наделенный богатым воображением, представляется мне весьма важным. Я далеко не уверен, что его переговоры будут успешно завершены; вероятней всего, это лишь первые шаги к рассмотрению проблемы взаимоотношений с Россией на новой основе, но, быть может, в конечном счете эта проблема будет решаться широко, в международных масштабах. За исключением США, все прочие страны при нынешнем упадке мировой экономики могут оказать России действительную помощь лишь объединенными усилиями. Коммунизм отнюдь не отвергает крупного предпринимательства. Чем крупнее становятся масштабы предпринимательства, тем ближе оно к коллективизму. Это путь сверху, которым идут немногие, тогда как массы приходят к коллективизму снизу.

Если же не оказать большевистской России такой помощи извне, гибель остатков современной цивилизации во всей бывшей Российской империи представляется мне неминуемой. И вероятнее всего, катастрофа не ограничится ее пределами. В цивилизации образуется

огромная брешь, угрожая поглотить одну за другой обширные сопредельные территории к Востоку и к Западу. Не исключено, что она поглотит всю современную цивилизацию.

Мои предположения касаются не какого-то гипотетического будущего; это попытка обрисовать в том виде, как они мне представляются, реальные черты и вероятные последствия того, что сейчас происходит — и происходит стремительно — в России и во всем мире. Таков общий фон той картины, которую я старался развернуть перед читателем в своих очерках о России. Так истолковываю я пророческие письма на восточной стене Европы.

ПРИЛОЖЕНИЕ¹

ПОМЕТКИ В. И. ЛЕНИНА

НА КНИГЕ ГЕРБЕРТА УЭЛЛСА «РОССИЯ ВО МГЛЕ»

Стр. 18

Самое потрясающее из впечатлений, испытанных нами в России,— это впечатление величайшего и непоправимого краха. Огромная монархия, господствовавшая здесь в 1914 году, с ее системой управления, общественных институтов, финансов и экономики, пала и разрушилась до основания, не выдержав непрерывной шестилетней войны. История еще не видела столь чудовищной катастрофы... При этих чрезвычайных обстоятельствах, среди всеобщего развала, власть взяло правительство, которое опирается на сплоченную партию — партию коммунистов, насчитывающую около 150 000 активных членов. Ценой массовых расстрелов это правительство справилось с бандитизмом, установило относительный порядок и спокойствие в обескровленных городах, ввело предварительную систему пайков.

Должен сказать сразу, что в настоящее время это единственное правительство, возможное в России. Только оно одно воплощает в себе идею, только оно еще дает России основу для сплочения. Но главное не

---

¹ Материалы архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Впервые были опубликованы в журнале «Иностранная литература», № 11, 1957 г., в переводе С. Митиной.

в этом. Для западного читателя важнее всего тот печальный и грозный факт, что общественно-экономическая система, построенная по образу и подобию нашей, а также тесно с нею связанная, потерпела крах.

Стр. 24

Перед лицом нехватки почти всех товаров, нехватки, отчасти обусловленной бременем военных расходов — ибо Россия вот уже шесть лет непрерывно ведет войну, — отчасти же порожденной крушением всего общественного строя, а также блокадой, при совершенно неупорядоченном денежном обращении, спасти города от бесконтрольной торговли из-под полы, спекуляции, голода и, наконец, от самой примитивной грызни из-за остатков продовольствия и предметов первой необходимости можно было одним лишь опособом — введя какую-то форму общественного контроля и систему пайков.

Стр. 30—32

Когда мы покидали Россию, солнце еще ярко сияло. Но при мысли о близкой зиме у меня сжимается сердце. Советское правительство не пожалело никаких усилий, чтобы подготовить Северную коммуны к предстоящим трудностям. Дрова сложены штабелями на набережных, посреди главных улиц, во дворах, всюду, где только возможно. В прошлую зиму многие жили в домах при температуре ниже нуля; водопроводные трубы замерзли, канализация не работала. Читатель легко может представить себе последствия.

Люди ютились в едва освещенных комнатах, поддерживая силы чаем и разговорами. Придет время, и кто-нибудь из русских писателей расскажет нам, что это значило для ума и сердца русского человека. Возможно, в нынешнем году будет легче. Говорят, будто и продовольственное положение улучшится, но мне трудно в это поверить. Железные дороги пришли почти в полную негодность; паровозные котлы топят дровами, и локомотивы все более изнашиваются; когда составы, громыхая, ползут со скоростью не выше двадцати пяти миль в час, болты шатаются и рельсы дрожат под колесами. Но даже если бы железные дороги не были в столь безнадежном состоянии, все равно южные продовольственные районы захвачены Врангелем. Скоро холодные дожди обрушатся на 700 000 душ населения, оставшегося в Петрограде, а потом пойдут снега. Ночи становятся все длиннее, а дни убывают.

Вы скажете, что в этих бедствиях и всеобщем упадке повинна власть большевиков! Но я не верю в это. О большевистском правительстве я расскажу подробнее после того, как обрисую картину в целом. Но должен сказать сразу, что разоренная Россия отнюдь не подверглась нападению некоей разрушительной и зловещей силы. Прогнивший строй сам по себе пришел в упадок и рухнул. Не при коммунизме, а при капитализме построены нелепые громады этих городов. Не коммунизм вверг эту гигантскую, пошатнувшуюся, обанкротившуюся империю в опустошительную шестилетнюю войну. Это сделал европейский империализм. И не коммунизм подверг истерзанную и,

быть может, погибающую Россию непрерывным нападением платных наемников, интервенции и мятежам, не коммунизм стиснул ее в кольцо жестокой блокады. Мстительный французский кредитор, тупоголовый английский журналист гораздо более ответственны за ее смертные муки, чем любой из коммунистов.

Стр. 42—43

Все любители музыки в Англии знают творчество Глазунова; он дирижировал в Лондоне оркестрами и был избран почетным доктором Оксфордского и Кембриджского университетов. Встреча с ним глубоко взволновала меня. Некогда это был крупный, пышущий здоровьем человек, теперь же он бледен и до того исхудал, что одежда буквально висит на нем. Он пришел расспросить меня о своих друзьях — саре Хьюберте Пэрри и саре Чарльзе Вильерсе Стэнфорде. Он сказал, что продолжает сочинять музыку, но последние остатки нотной бумаги уже на исходе. «И больше не предвидится», — сказал он. Я возразил, что предвидится, причем в достаточном количестве и очень скоро. Он отнесся к этому с недоверием. Он вспоминал Лондон и Оксфорд; чувствовалось, что его снедает тоска по большому городу, где жизнь бьет ключом, по городу, где всего вдоволь и царит веселое оживление, где в теплых, ярко освещенных залах ему внимала бы восторженная публика. И мое присутствие было для него живым свидетельством того, что все это еще существует.

ВЗ!!

Наука, искусство и литература — это тепличные растения, которые необходимо оберегать от холода, хранить и лелеять. Как ни парадоксально, но наука, преобразующая весь мир, создается гениями, нуждающимися в защите и помощи больше, чем кто бы то ни было. В России вместе с империалистическим строем рухнули все прибежища науки и искусства. Примитивная марксистская философия, которая разделяет все человечество на буржуазию и пролетариат, а все общественное бытие до нелепости упрощенно рассматривает лишь как «классовую борьбу», игнорирует условия, необходимые для коллективной духовной жизни. Но к чести большевистского правительства, оно теперь осознало опасность полной гибели русской интеллигенции и, невзирая на блокаду и непрестанную борьбу против наемных мятежников и интервенции, которые, по милости нашей страны и Франции, причиняют России множество бедствий, позволило создать эту спасательную службу и оказывает ей поддержку. Наряду с Домом ученых существует Дом искусств. Сейчас в России никто, кроме нескольких поэтов, не пишет книг, никто не рисует картин. Но большинство писателей и художников нашли себе применение в подготовке грандиозного издания русской энциклопедии всемирной литературы. В этой удивительной России, измученной войной, холодом, голодом и тяжкими невзгодами, всерьез делается большое литературное дело, которое немислимо сейчас ни в богатой Англии, ни в богатой Америке. В Англии и в Америке практически перестали выпускать хорошие

книги в общедоступных изданиях — «ввиду дороговизны бумаги». Духовная пища английских и американских народных масс оскудевает, становится все низкопробнее, и никому из власть имущих нет до этого дела. Здесь большевистское правительство по сравнению с ними оказалось на высоте. В голодающей России сотни людей работают над переводами, их переводы набираются и печатаются, и, быть может, благодаря этому новая Россия так глубоко ознакомится с сокровищницей мировой мысли, что оставит позади все другие народы. Я видел некоторые из этих книг, а также работу переводчиков.

Стр. 50

Марксистская теория привела их к идее «диктатуры классово-сознательного пролетариата», а далее подразумевалось — теперь мы видим, до какой степени туманно, — что возникнет новое небо и новая земля. Если бы это осуществилось, произошла бы подлинная революция в жизни человечества. Но мы убедились, что небо в России все то же, и земля все та же...

Стр. 51—53

Если бы мировая война длилась еще год или несколько дольше, Германию, а вслед за ней и другие западные державы постигла бы та же катастрофа — с некоторыми национальными особенностями, — что и Россию. Обстановка, которую мы наблюдали в России, — это обостренная и достигшая своего завершения обстановка, которая назревала в Англии в 1918 г. Здесь та же нехватка, какую испытывали мы, только принявшая чудовищные масштабы; здесь та же карточная систе-

ма, только менее упорядоченная и действенная; в России спекулянтов не штрафуют, а расстреливают, и вместо «ЗЗГМ» действует Чрезвычайная комиссия. То, что в Англии ощущалось лишь как затруднение, в России выросло до размеров бедствия. Вот и вся разница. Насколько я могу судить, в Западной Европе и сейчас еще зреет подобная катастрофа. Я далеко не уверен, что опасность уже позади. Война, потворство своим прихотям, спекуляция, существующая за чужой счет, вероятно, до сих пор расточают больше, чем производит западный мир; в таком случае нас неминуемо постигнет крах — расстройство финансов, всеобщая нужда, развал общественной и политической системы и все прочее, — это лишь вопрос времени. Магазины на Риджент-стрит ожидает та же участь, что и магазины на Невском проспекте, а мистеру Голсуорси и мистеру Беннету придется делать все возможное, дабы спасти художественные сокровища Мэйфэра. Лишь совершенно искажая международную обстановку и толкая людей на ошибочные политические действия, можно утверждать, что те ужасающие бедствия, которые сегодня испытывает Россия, в скольконибудь серьезной степени вытекают из деятельности коммунистов; что злодеи-коммунисты довели Россию до таких бедствий, и стоит лишь свергнуть коммунистов, как вся Россия тотчас вновь обретет полнейшее благоденствие. В бедственное положение Россию ввергла мировая война, а также нравственное и духовное оскудение ее правящих и имущих кругов. (Подобно тому, как и наша британская держава — а впоследст-

вип даже и Америка — могут быть ввергнуты в такие же бедствия. У них не достало ни ума, ни совести положить конец войне, положить конец всяческому разорению, они присваивали все блага, обрекая остальных на несчастья и порождая опасное недовольство, а потом было уже поздно. Они правили, разоряли страну и грызлись между собой, словно слепые, не видя неотвратимой катастрофы, покуда она не свершилась. И тогда пришли коммунисты, о чем я расскажу в следующей главе...

Стр. 59—63

...учение его пропагандируется уже более полустолетия. Оно распространилось по всему миру и почти в каждой стране имеет пусть немногочисленных, но стойких последователей. Оно непосредственно вытекает из общего состояния мировой экономики. Его ограниченные идеи повсюду те же и выражаются в тех же ясных словах. Это культ, всемирное, интернациональное братство. Для ознакомления с большевистскими идеями нет никакой нужды изучать русский язык. Они исчерпывающе излагаются в лондонском «Плебсе» или нью-йоркском «Либерейторе» теми же самыми словами, что и в русской «Правде». Марксисты ничего не скрывают. Они все говорят прямо. И они стремятся осуществить именно то, о чем пишут и говорят.

Я предпочитаю писать о Марксе без лицемерного подобострастия. Мне он всегда казался невероятно скучным. Его огромный неоконченный труд «Капитал», утомительная череда томов, где толкуется о та-

ких несуществующих, призрачных понятиях, как «пролетариат» и «буржуазия», где полным-полно бес-
связных, не имеющих прямого отношения к делу раз-
глагольствований, представляется мне вершиной пре-
тенциозного педантизма. Но до своей недавней поездки
в Россию я не питал к Марксу активной враждебности.

Я попросту избегал читать его сочинения, а при встре-
чах с марксистами, чтобы отделаться от них, спраши-
вал, из кого именно состоит пролетариат. Никто из
них не знал. Ни один марксист не знает этого. На
квартире у Горького я внимательно слушал, как Ба-
каев с Шаяпиным обсуждали мудреный вопрос, суще-
ствует ли вообще в России пролетариат как особый
класс, отличающийся от крестьянства. Поскольку
Бакаев прежде возглавлял Петроградскую Чрезвычай-
ную комиссию, которая является орудием диктатуры
пролетариата, любопытно было наблюдать за ухищре-
ниями в этом споре. «Пролетариат» на языке маркси-
стов означает то же, что «производитель» на языке
некоторых политэкономов, причем подразумевается,
что это нечто совершенно противоположное «потре-
бителю». Тем самым пролетарий решительно противо-
поставляется понятию, именуемому капитал...

Не скрою, что в России мое пассивное неприятие
Маркса превратилось в самую активную вражду. Где
бы мы ни побывали, повсюду перед нами оказывались
бюсты, портреты и статуи Маркса. Лицо Маркса почти
на две трети скрыто бородой, широкой, величествен-
ной, густой, дремучей бородой, которая, вероятно, де-
лала его жизнь несносной. Это не обычная челове-
ческая борода — взлелеянная, выхоленная, она патриар-

хально осеняет весь мир. Она так же нелепо громадна, как «Капитал», и немного человеческого остается в лице, с которого по-совиному смотрят глаза, словно допытываясь, какое впечатление производит на мир эта пышная растительность. Вездесущее изображение этой бороды выводило меня из терпения. Непреодолимо хотелось увидеть Карла Маркса обритым. Когда-нибудь я, если буду жив, выйду против «Капитала» с ножницами и бритвой; я напишу «Сбритие бороды Карла Маркса».

Но для марксистов Маркс — лишь кумир и символ, и речь сейчас идет не о Марксе, а о марксистах. Немногие из них дочитали «Капитал» до конца. Марксисты во всем мире мало отличаются друг от друга, и должен признаться, что в силу своего характера и жизненных обстоятельств, я питаю к ним самое искреннее сочувствие. Они считают Маркса своим пророком лишь потому, что Маркс писал о классовой борьбе, беспощадной борьбе нанимаемых против нанимателей, и предсказал победу трудящихся и всемирную диктатуру вождей освобожденного класса нанимаемых (диктатуру пролетариата), диктатуру, благодаря которой воссияет коммунистический золотой век. Это учение и это пророчество неодолимо завладели душами молодежи всех стран и в особенности — душами тех молодых людей, которые исполнены сил, наделены воображением и вступают в жизнь без достаточного образования, без средств, попадая в наемное рабство, неизбежное при существующем у нас экономическом строе. Они на себе испытывают общественную несправедливость, тупое бездушие, чудовищную бесчеловечность нашего строя; они сознают свое уни-

женне, чувствуют, что их принесли в жертву; и они посвящают себя борьбе за разрушение этого строя, борьбе за свое освобождение. Эти бунтари появляются без всякой злокозненной пропаганды; коммунистическое движение рождено пороками самого строя, который дает таким людям лишь элементарное образование, а затем порабощает их всюду, где развивается промышленное производство. Даже если бы Маркса никогда не было на свете, марксисты появились бы все равно...

Стр. 65—66

Большевицское правительство — самое бесстрашное и вместе с тем самое неопытное правительство в мире. Иногда оно поражает своей беспомощностью. И очень часто обнаруживает крайнюю ограниченность. Оно недоверчиво до смешного, везде подозревает дьявольские козни «капитализма», коварные прописки реакции и порой, под влиянием страха, прибегает к жестокостям. Но по сути своей оно честно. Это самое неискушенное правительство в современном мире.

Стр. 75—76

Политическое лицо русских эмигрантов в Англии заслуживает лишь презрения. Они без конца повторяют рассказы о «зверствах большевиков»: крестьяне жгут помещичьи усадьбы, распоясавшиеся солдаты грабят и убивают людей в городах, на глухих улицах

творяются неслыханные преступления,— и все это, по их словам, дело рук большевистского правительства. Но спросите, каким правительством они желают его заменить, и вы услышите в ответ пошлейший вздор, причем почти всякий из них подделывается под те политические взгляды, к которым, по его разумению, вы привержены. Или же они до тошноты превозносят какого-нибудь очередного «сверхчеловека»: Деникина или Врангеля, который всецело наведет полнейший порядок — бог весть, каким образом. Они не заслуживают лучшего правителя, чем царь, и не способны даже решить, какого же царя им хочется. Лучшая часть русской интеллигенции, оставшаяся в России, мало-помалу начинает — ради блага России — хоть и неохотно, но честно сотрудничать с большевистским правительством.

Сами большевики — марксисты и коммунисты. Как я уже писал, они оказались у власти в России вопреки теориям Карла Маркса. Почти все силы им приходится отдавать патриотической борьбе против нападений, интервенции, блокады и всяких жестоких ударов, которые западные правительства обрушивают на их страну, трагически потрясенную бедствиями. Остатки сил поглощают попытки спасти Россию от голодной смерти и навести хоть какой-то общественный порядок среди разрухи.

Стр. 77—78

Перед лицом чудовищных трудностей они прилагают все усилия к тому, чтобы из развалин поднялась новая Россия. Мы можем отвергать их принципы и методы, можем называть их планы утопическими или

какими угодно, можем смотреть на их действия с ужасом или с насмешкой, но мы вынуждены признать, что в России сейчас совершается созидательная работа. Конечно, среди большевиков есть твердолобые, закоренелые доктринеры, фанатики, убежденные в том, что достаточно уничтожить капитализм, упразднить деньги и торговлю, ликвидировать общественное неравенство, и сам собою наступит некий безотрадный золотой век. Есть среди большевиков такие недалекие люди, которые готовы отменить преподавание химии в школе, если их не убедят, что это «пролетарская» химия, и запретить любой орнамент, если в него не вплетены буквы РСФСР (Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика), как реакционное искусство. Я уже говорил, что изучение еврейского языка запрещено ввиду его «реакционности»; а на квартире у Горького я слышал, как упорно он оспаривает крайние взгляды тех деятелей, которые считают ненужной всю литературу прошлого, кроме произведений, воплощающих в себе революционные идеи. Но есть в новой России и другие деятели с более широкими взглядами, они, если дать им возможность, будут строить и, вероятно, добьются успеха. Среди деятелей, обладающих творческими возможностями, я называл бы таких людей, как сам Ленин, который поразительно вырос со времени эмиграции и недавно выступил в печати с резкой критикой крайних взглядов своих же единомышленников...

Стр. 111—114

Предыдущие главы этой книги я писал от первого лица, как бы беседуя с читателем, и тем самым посто-

янно напоминал ему, какой короткой была наша поездка в Россию и какими ограниченными возможностями я располагаю. Теперь же, если у читателя еще не иссякло терпение, я хотел бы в коротких заключительных строках изложить по возможности беспристрастно и недвусмысленно свои основные взгляды на положение в России. Я глубоко убежден в правоте этих взглядов, и они касаются не только России, но и судеб всей нашей цивилизации. Разумеется, я буду высказывать лишь свое личное мнение, но вопрос представляется мне настолько животрепещущим, что я не стану сглаживать его остроту какими-либо оговорками.

Итак, прежде всего, если Россия в недавнем прошлом была современной цивилизацией западного типа, наименее организованной и самой непрочной из всех великих держав, то теперь это — современная цивилизация *in extremis*. Непосредственной причиной ее крушения явилась мировая война, которая повлекла за собой полное истощение жизненных сил. Лишь вследствие этого большевики могли прийти к власти. До сих пор такого крушения не знала история. Если так будет продолжаться еще год или несколько дольше, окончательная гибель неминуема. Прежняя Россия сгинет, в ней останется только крестьянство; опустевшие города обратятся в руины, заброшенные железные дороги изъест ржавчина. И вместе с железными дорогами исчезнут последние остатки централизованной власти. Крестьянство совершенно безграмотно, это бессмысленная масса, способная воспротивиться посягательствам на свои собственные интересы, но решительно неспособная видеть дальше своего носа и дей-

ствовать организовано. Оно обратится в человеческое болото, которое могут всколыхнуть лишь распри, мелкие гражданские войны, грязные политические страсти, и всякий недород будет влечь за собой голод; эпидемии распространятся оттуда по всей остальной Европе. Русское крестьянство будет поглощено Азией. Гибель цивилизации в России, ее вырождение в крестьянское варварство на долгие годы закроют Европе доступ ко всем богатствам русских недр, прекратится вывоз сырья, зерна, льна и всего прочего. Трудно сказать, смогут ли западные державы обойтись без этих товаров. Во всяком случае, прекращение поставок повлечет за собой обнищание всей Западной Европы.

Единственное правительство, способное в данный момент спасти Россию от окончательной гибели, — это теперешнее большевистское правительство, если только Америка и западные державы окажут ему помощь. Никакого другого правительства там в настоящее время нет и быть не может. Разумеется, многочисленные претенденты — всевозможные авантюристы и все прочие — готовы с помощью Европы попытаться свергнуть большевистское правительство, однако они не могут предложить взамен никакой общей цели и морального единства. Более того, время для новой революции в России уже упущено. Еще год гражданской войны, и Россия окончательно отпадет от мировой цивилизации. Поэтому мы должны сделать все возможное для сотрудничества с большевистским правительством, независимо от нашего отношения к нему.

Это правительство крайне неопытно и беспомощно;

порой оно прибегало к насилию и жестокостям; но в целом оно неизменно остается честным. В нем есть люди незаурядного ума и подлинных творческих возможностей, которые способны, при благоприятных условиях и дружественной поддержке, совершить в своей стране величайшие преобразования.

Стр. 117—118

NB

||| Единственное государство, способное самостоятельно прийти на помощь России в роковой для нее час,— это Соединенные Штаты Америки. Поэтому начинание, на которое отважился мистер Вандерлип, человек предприимчивый и наделенный богатым воображением, представляется мне весьма важным. Я далеко не уверен, что его переговоры будут успешно завершены; вероятней всего, это лишь первые шаги к рассмотрению проблемы взаимоотношений с Россией на новой основе, но, быть может, в конечном счете эта проблема будет решаться широко, в международных масштабах. За исключением США, все прочие страны, при нынешнем упадке мировой экономики, могут оказать России действительную помощь лишь объединенными усилиями. Коммунизм отнюдь не отвергает крупного предпринимательства. Чем крупнее становятся масштабы предпринимательства, тем ближе оно к коллективизму. Это путь сверху, которым идут немногие, тогда как массы приходят к коллективизму снизу.

||| Если же не оказать большевистской России такую помощь извне, гибель остатков современной цивилизации во всей бывшей Российской империи представ-

ляется мне неминуемой. И вероятнее всего, катастрофа не ограничится ее пределами. В цивилизации образуется огромная брешь, угрожая поглотить одну за другой обширные сопредельные территории к Востоку и к Западу. Не исключено, что она поглотит всю современную цивилизацию.

Мои предположения касаются не какого-то гипотетического будущего; это попытка обрисовать в том виде, как они мне представляются, реальные черты и вероятные последствия того, что сейчас происходит — и происходит стремительно — в России и во всем мире. Таков общий фон той картины, которую я старался развернуть перед читателем в своих очерках о России. Так истолковываю я пророческие письма на восточной стене Европы.

СТАТЪИ И ПИСЬМА

ОТВЕТ УИНСТОНУ ЧЕРЧИЛЛЮ

АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

Прочитав статью нашего уважаемого Черчилля*, опубликованную им в ответ на мои очерки о виденном в Советской России и о людях, там встреченных, я сперва решил было не вступать с ним в полемику. Ведь «ответом» статью Черчилля никак не назовешь. Мои скромные наблюдения попросту не приняты им в расчет. Мистер Черчилль даже не заметил, что я отнюдь не приписываю блокаде нынешнее состояние России. Вместо ответа мы слышим все те же темпераментные речи о России и о мире в целом, которые мистер Черчилль, не привыкший считаться с реальностью и не способный учиться у жизни, повторяет уже два года подряд.

Впрочем, в некотором смысле это все же ответ. И хотя я старше мистера Черчилля и большую часть своей жизни наблюдал мир и размышлял о нем, тогда как Черчилль лишь с увлечением бросался от одного дела к другому, у него хватает наглости обвинять меня в недостаточной основательности.

Черчилль прибегает к обычному в дискуссионных клубах приему, осуждая меня за то, что я выпустил очерк по всеобщей истории. Но это звучит столь же глупо, как если бы кто-нибудь обвинил в самомнении художника за то, что он пишет пейзаж, а не букет цветов. Особенно смешно это слышать от человека, который без минутного колебания принял на себя сначала руководство Адмиралтейством, потом Министерством внутренних дел, потом Военным министерством и занимал поочередно множество других важных постов.

Однако мистер Черчилль критикует меня от чистого сердца. Он просто считает, что я не смею судить об истории общества. Он искренне убежден, что принадлежит к тому избранному и одаренному классу, который по праву распоряжается судьбами простых людей и видит в них лишь материал для осуществления своих карьеристских замыслов. Ему кажется дерзостью, когда простой человек, вроде меня, берется судить о государственных делах да еще осмеливается утверждать, будто его, Черчилля, озверелая антирусская политика не сулит нам и нашим детям ничего, кроме гибели и краха надежд. К тому же, каково это слышать от человека, который знает о происходящем в России не больше самого Черчилля! Читатели «Санди экспресс» должны быть возмущены этой безобразной выходкой.

Расправясь со мной таким образом, мистер Черчилль тут же забывает про меня и принимается вновь излагать свои раз и навсегда установившиеся взгляды на современность. Будь это взгляды частного лица, они лишь вызвали бы улыбку. Но Черчилль не просто изображает из себя государственного деятеля — его и признают таковым. Он сидит в правительстве, и ему оно обязано постоянными своими неудачами. И мы сами наделили его властью. Его идеи обогрены кровью, и мы причастны к его делам. Он не один в ответе. И пусть его идеи нелепы и лживы, они заслуживают не больше презрения, чем какой-нибудь почитаемый всем племенем безобразный идол, которому мы, того и гляди, принесем в жертву своих детей.

Перед нами возникает радужная картина мира до 1917 года. То был золотой век, уверяет нас Черчилль, век неустанного подъема, когда развивалась частная инициатива и крепло национальное сознание. Под сим благотворным влиянием в течение ста с лишним лет множились богатства, знания и счастье людей. Жестокая конкуренция, свободная от всяких препон, создала в индустриальном мире подобающее равновесие между периодами перепроизводства и периодами депрессии и безработицы, а милая неуверенность в завтрашнем дне заставляла людей, живущих в этом мире изобилия, держаться даже за самые скромные должности. Образова-

ние насаждалось с разумной осмотрительностью, религия больше не страшила людей, напротив, просвещенная набожность (у мистера Черчилля, как у Боттомли, легко уловить религиозные нотки) сулила благоразумной частной инициативе всемерное воздаяние в этом мире и лучшие надежды на будущее.

У многих из нас достаточно хорошая память, и мы помним этот золотой век вплоть до самого 1917 года. В те дни люди уже воевали при помощи вполне современного оружия, а к 1917 году враждующие империалисты уже более двух лет не на жизнь, а на смерть сражались друг с другом. Отравляющие газы, танки и еще более смертоносные подводные лодки служили доказательством невиданного взлета человеческой мысли. А мистер Черчилль как раз тогда — кажется, после неких блистательных просчетов в Дарданеллах — на время отошел от дел и проявил многообразие своих талантов, создав несколько ярких живописных полотен.

Затем, как объясняет нам Черчилль, на этот блаженный мир пала тень. В наш Эдем вторглись изверги, алчущие человеческой крови. Большевики — мне все-таки не избежать этого страшного слова, — по-видимому, отравили сознание солдат, которые взяли и учредили эту ужасную советскую власть. Они лишили честных ребят светлой радости идти с голыми руками

в бой впереди своих дворян-офицеров. Большевики были организаторами двух русских революций и в результате второй захватили власть.

СПИСОК ПОТЕРЬ

Хотя большевики — люди без роду и племени, они тут же начали крушить и резать с легкостью, свойственной дотоле лишь правящим классам. Сколько народу они убили, пока неизвестно. Мистер Черчилль охотно приписал бы им не меньше жертв, чем в Галлиполи*. Они в 1917 году погубили Россию, эту, по уверению Черчилля, счастливую страну порядка и изобилия, и принялись отравлять мир своей злостной пропагандой, которая, без сомнения, подорвет нашу славную нынешнюю демократию, если только мы все не поднимемся против них. Что же касается большевиков, то они — вопреки свидетельству предприимчивой племянницы Черчилля, миссис Шеридан¹, — ничуть не похожи на обычных людей. Это фанатики с диким взглядом, и они поклялись уничтожить игру коммерческих интересов, социальное неравенство, мечты Черчилля о бессмертии и все то, что делает жизнь милой и приятной в нашем счастливом мире. Словом, у нас один

---

¹ Шеридан, Клэр — английский скульптор. В 1920 г. побывала в России, где лепила бюст Ленина.

только выбор: идти с большевиками или против них, и тогда отказаться от всех наших планов в области здравоохранения, просвещения, жилищного строительства и прочего, пока большевизм и все, что можно подвести под это определение, не будут побеждены, разбиты, раздавлены, разгромлены и стерты с лица земли.

Все вышеизложенное кажется бредом. Однако загляните в последний номер «Санди экспресс» и вы убедитесь, что именно таковы взгляды мистера Черчилля, и если даже они изложены мной чуть-чуть иронически, то, право, от этого было нелегко удержаться. Но больше всего нас, думающих о судьбах мира и будущем наших детей, должен встревожить призыв Черчилля использовать все возможные политические пути и общественные силы для решительной борьбы с большевизмом, а также с теми, кто не видит в этом крестовом походе современности своего долга перед человечеством. Ибо в данном вопросе мистер Черчилль отнюдь не одинок. Так, недавно мы с сожалением услышали от маститого писателя Мережковского*, который успел выказать незаурядную силу воображения, призыв к тому, чтобы каждый избрал свое место по ту или эту сторону баррикады. Но ему по крайней мере служат оправданием жизненные невзгоды, душевное ожесточение и то, что он писал это из Варшавы, где его окружали всегда ненавидевшие его родину поляки и он был лишен правдивой информации.

На первый взгляд, мистер Черчилль расхваливает нашу великую цивилизацию, в действительности же он доказывает, что она вовсе не заслуживает этого названия.

Если бы речь шла о настоящей цивилизации, в ней, несомненно, было бы заложено куда более совершенное будущее. В ней существовали бы стимулы к развитию знаний и улучшению общества, она была бы менее подвластна всевозможным заблуждениям и страстям. Она могла бы мирно разрешать свои конфликты и по-хозяйски использовать полезные ископаемые и энергетические ресурсы. Она с таким же презрением взирала бы на кучку нищих фанатиков, с трудом удерживающих власть в чужой разоренной стране, как лев на мышонка. Именно потому, что Черчилль на деле не верит в силы цивилизации, а я в них верю, он и старается втянуть нас в этот антибольшевистский крестовый поход; я же за то, чтобы вести себя с этой партией, которая находится у власти в России и состоит из обычных, хотя и ограниченных людей, совершенно так же, как мы ведем себя с партией Черчилля или с любой другой, неумелой и неосторожной партией, а именно: терпеливо и настойчиво внушая ей здравые мысли.

В своей книге я хотел описать большевиков такими, какими их видел, — людьми, вроде нас с вами, равно способными на хорошее и дурное, но столкнувшимися с небывалыми трудностями. Я старался изобразить их в натуральную величину. Дневник миссис Шеридан, занимательный и искренний, тоже рассказывает нам о вполне обычных людях. Однако мистера Черчилля эта правда не устраивает. Он сгущает краски. Нарушает все пропорции. Превращает большевиков в каких-то великанов. Тем из них, кто грешит тщеславием, куда больше понравилось бы то, что пишет о них Черчилль, чем то, что написал я. Черчилль делает их главным фактором истории; он считает их людьми, которые в некоем отрицательном смысле определяют все наши действия; видит в них злокачественную опухоль, разъедающую мир. Вся наша жизнь ставится в зависимость от того, что говорят и делают большевики. Все должно подчиниться борьбе с ними. По этой схеме получается, что большевизм — своего рода мужское начало в жизни общества, а наша цивилизация, лишенная животворных планов и сил, должна, таким образом, уподобиться сварливой жене. Мы уже не можем сказать решительно, по-мужски: «Вот так!» Мы, вместе с Черчиллем, по-бабьи визжим: «Не позволю!..»

Из-за чего же Черчилль поднимает весь этот шум?

Любопытно было бы выслушать по этому поводу какого-нибудь психоаналитика и выяснить причины, заставляющие Черчилля стать вождем антибольшевизма в Европе, на что он претендует с полным правом. Впрочем, даже без помощи психологии можно кое о чем догадаться.

Мистер Черчилль прежде всего авантюрист. Он родственник этих блестящих сумасбродов, нью-йоркских Джеромов¹, а также московской героини — отважной миссис Шеридан. Им владеют мечты о подвигах, о государственных постах. В этом он удивительно похож на Д'Аннунцио². Живи Д'Аннунцио в Англии, он был бы Черчиллем; а Черчилль в Италии был бы Д'Аннунцио. Он с увлечением собирает и изучает литературу о Наполеоне I*, этом корифее авантюристов. Больше всего он мечтает о мире, где все драматично, где полно злодеев и один только герой. Пожалуй, если б у нас хватило терпения проанализировать все его речи и поступки, мы без труда убедились бы, что эта звериная ненависть к большевизму не что иное, как личина, за которой таится испуг перед все возрастающим в мире здравомыслием, тягой к справедливости и порядку:

---

¹ Джеромы — семья американских миллионеров. Родственники У. Черчилля по матери.

² Г. Д'Аннунцио (1863—1938) — итальянский писатель и политический деятель, один из «столпов» европейского декаданса в годы, предшествовавшие первой мировой войне.

авантюристы в таком обществе присмирят, иначе им прямая дорога в тюрьму. Цивилизация в своем неуклонном развитии, несомненно, покончит с авантюризмом, как с общественным злом,— будь то авантюризм в политике, в сфере имущественных и финансовых отношений, в делах и поступках людей. И когда мистер Черчилль говорит о свободе личности, он на деле ратует за свободу вредить обществу, подрывать экономику при помощи безудержной финансовой игры, затевать опасные политические авантюры, использовать частную собственность во вред обществу — вот каков смысл его заявлений. У мистера Черчилля недисциплинированный, но острый ум. Он борется с проблесками разума и возрастающим чувством ответственности в мире, где еще недавно царил авантюризм, однако понимает, что рассвет уже близок. В глубине души он сознает, что все его «подвиги» уже не поражают сознание людей и никогда больше не поразят, ибо кончилась эпоха романтических биографий. Но честолюбие не дает ему покоя. И вот Черчилль ополчается против большевиков, призывает к крестовому походу против них; он уже слышит лишь себя одного и вовсе не по наивности, не потому что он верит, будто это, победившее в России движение, у которого недостаточно опыта и традиций и весьма туманные цели, может захватить и подчинить себе весь мир, но потому, что он руководствуется не доводами рассудка, а только своим

собственным желанием. Большевики для него — только подставное лицо. Он воюет не против московского коммунизма и его неэффективной пропаганды, а против упорного и разумного движения Запада к коллективистскому обществу, тому обществу, которое потребует у богатых отчета в их деньгах и тратах, от привилегированных — в их правах и в конце концов будет оценивать каждого из нас в зависимости от того, насколько мы отвечаем высоким мерилам служения обществу.

Когда речь заходит о большевизме, мистер Черчилль не способен смотреть правде в лицо. Его запальчивость служит верным признаком переживаемой им внутренней борьбы. Стоит ему коснуться этой темы, как он начинает жестикулировать, кричать, взвинчивая самого себя. Правда должна быть скрыта любой ценой. Ему просто необходим этот большевизм, эта «злокачественная опухоль». В этой вымышленной борьбе таится для него единственный способ — избежать тяжелого созидательного труда, самоограничения и дисциплины, которые потребуются от всех нас. Если он будет вести войну с этим, придуманным им большевизмом, у нас не останется ни денег, ни сил для того, чтобы расширить образование, улучшить здравоохранение, добиться организации общества, хоть немного отличающейся от нынешней, где конкуренты хватают друг друга за глотку. В мире будут по-прежнему хозяйничать авантюристы. Но мистеру Черчиллю и дела нет до того,

что мир тогда придет в состояние упадка и разобщенности.

Что за жалкая и невеселая участь быть таким «отрицателем»! Не иметь своей веры, своих собственных планов и целей, ничего не строить, не развивать, всю жизнь только кого-то разоблачать, что-то разрушать и мешать усилиям других людей! Ну и программа! Ну и призвание, скажу я вам! Поистине, мистер Черчилль сулит нам нравственный и интеллектуальный крах! Так и видишь, как все более жалкие полчища оборванцев из разоренной Европы гибнут ни за что в опустошенной Азии! Все война и война до тех пор, пока не опустеют, не будут разрушены школы, не остановятся фабрики, не обезлюдеют города. Но ведь мы будем при этом спасать нашу замечательную свободу, вернее сказать, свободу мистера Черчилля — возможность для него пуститься на очередную авантюру.

За последние недели я имел возможность прочитать и выслушать множество антибольшевистских высказываний; ибо даже скромная попытка нарисовать их без всяких прикрас, не прибегая, впрочем, к обычной брани, привела в бешенство сторонников мистера Черчилля. Они засыпали меня письмами и открытками, опубликовали множество бредовых статей, адресовали мне какие-то бессвязные «открытые письма», начинавшиеся словами: «Мой дорогой Уэллс...», посылали мне всякие пропагандистские брошюры, надписанные на редкость

неразборчивым почерком и исчерканные красным и синим карандашом. Вся эта писанина в одном совпала со статьей мистера Черчилля: в ней не найти было намека на положительную программу или хотя бы тени надежды на то, что люди когда-нибудь будут жить лучше и чище. Это было только отрицание с начала и до конца.

ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ

Вы просматриваете всю эту писанину. И уже через минуту, на следующей странице или даже в следующем столбце, замечаете, что куда-то исчезли эти страшные, лютые большевики. Появилось нечто иное. Протест против народного образования, против широкого жилищного строительства, против всякой заботы о народном здравоохранении. Им прямо ненавистно общественное благополучие. Они не желают о нем думать. Необходимость заботиться о каждом члене общества часто попросту обижает их. Они вне себя, они не в силах сдерживать своего возмущения против тех, кто может помешать их финансовым спекуляциям, воспрепятствовать их игре на общественных нуждах или же усомниться в их праве бросать деньги на ветер. Они кричат: «Свобода! Свобода!», а нас от нее воротит: ведь многое из того, что они при этом имеют в виду, никак не вяжется с настоящей свободой. Прислушайтесь повниматель-

ней, и вы уловите в этом оглушительном антибольшевистском хоре голоса спекулянта, биржевика, карьериста, эксплуататора и жулика, любителя стричь купоны и богача-сибарита.

ОТРИЦАТЕЛИ

Я не хочу быть несправедливым к мистеру Черчиллю и утверждать, будто честный человек не может быть отрицателем. Но, признаться, я плохо представляю себе, как подобная позиция может вдохновить честного и просвещенного человека. В своем «Ответе» мистер Черчилль воспевал достижения нашей цивилизации и науки за последние полтора века. В этом я готов с ним согласиться. Минувшие полтора столетия были периодом огромного духовного расцвета и быстрого роста общественного богатства. Порожденные этим славные перспективы способны утешить нас среди нынешних тревог и потрясений.

Но неужто мистер Черчилль действительно верит, что люди, зародившие в нас эту надежду — терпеливые исследователи, изобретатели, писатели, педагоги, — трудились, чтобы возвеличить своих потомков или набить кошелек. Если это так, то их обманули. Пусть мистер Черчилль припомнит одно за другим все громкие имена, самые блестящие в области науки и мысли, социологии и политики, и выяснит, где же сейчас потомки

этих людей. Хватит ли у него смелости утверждать, будто те, кому принадлежат сегодня деньги и власть, не воспользовались трудами других людей, создавших все это для общества.

До недавнего времени авантюристы пожинали плоды того, что рождал творческий ум. Служить науке и обществу означало приносить себя в жертву, а быть авантюристом значило наживаться за их счет. По Черчиллю получается, что сделать вещь — это то же самое, что владеть ею. Он считает, что, пока не появится частный предприниматель, готовый присвоить себе созданное другими, люди ничего не могут создать. Но для нас, коллективистов, неприемлем такой взгляд на человеческую природу. Мы отнюдь не считаем, что великими достижениями последних лет в науке и экономике мы обязаны авантюристам и стяжателям. Мы считаем, что прогресс совершается вопреки им. И мы видим в подавлении авантюризма, будь то в политике, в экономике или сфере социальной жизни, необходимую сторону современного мирового прогресса.

Пройдет еще немало времени, немало будет положено сил и пролито крови, прежде чем в мире водворится новый порядок. Но способность человечества проникать в суть вещей и здраво о них судить неуклонно росла. История последних полутора столетий — это история крушения и гибели эгоцентриков: одного авантюриста мы отправили на остров Святой Елены, друго-

го — в Кэмден, третьего — в Амеронген. Мы научимся обуздывать авантюризм. Большевистские догмы и антибольшевистский вой их врагов — то и другое — помехи на нашем пути. В конце концов, классовая борьба — тоже не более как отрицание. Большевизм и антибольшевизм есть лишь две стороны — правая и левая — одного и того же, противоположные способы выражения нетерпеливого, непросвещенного, неорганизованного ума *. У людей, которые заглядывают далеко вперед, современный мир не вызывает отчаяния. Но умы нетерпеливые, эгоистичные, живут как в аду. И, к сожалению, ввергают в него других. Здравомыслящие люди принимают факты сегодняшнего дня трезво и спокойно и делают свое дело без спешки и промедления. Многого мы уже понимаем, и многое из того, что происходит, вселяет в нас надежду. В мире становится светлее.

ВЫВОДЫ

Я не склонен выступать по отношению к мистеру Черчиллю в качестве «отрицателя». Я знаю его, наверно, уже более двенадцати лет, и многое в нем мне нравится. Он обладает живостью воображения, необычной для политика, и, вообще, он человек весьма любопытный. Но признаться, меня огорчает, что сейчас он у власти. Мы живем в эпоху нехваток, а мистер Черчилль по натуре расточитель; впереди у нас опасные

повороты, а мистер Черчилль — как бы это поточнее выразиться? — уже два года как устроил себе забаву из нашей восточной политики. Я хотел бы, чтобы он ушел со всех постов, так или иначе связанных с ответственностью перед обществом. По-моему, все, мной здесь написанное о нем, совпадает с общим мнением и лишь изложено с большей откровенностью. Его присутствие в правительстве бросает тень на весь кабинет министров, включая самого премьера.

В широких кругах не считают, что нынешние министры верят в него настолько, чтобы это оправдывало необходимость его участия в кабинете. Без него правительство будет выглядеть куда серьезней и представительней. А для мистера Черчилля отставка не будет такой трагедией, какой она была для лорда Холдена. Черчилль — *весьма многогранная* личность. Он может, например, стать отличным художником.

21.XII.1920 г.

Дорогой Горький!

Я был очень рад получить Ваше письмо из Москвы от 3-го декабря, так как уже начинал бояться, что никогда не смогу опять вступить в прямую переписку с кем-либо из вас, дорогих мне людей. Я был, однако, очень опечален, узнав, что Вы болеете цингой и все еще живете в тревогах и волнениях. У нас, людей воображения, тонкая кожа, и мы слишком чувствительны. Мне хотелось бы, чтобы Вы могли отдохнуть.

Я кончил свою книжку о России. Я сделал все возможное, чтобы заставить общество понять, что Советское правительство — это правительство человеческое, а не какое-то исчадие ада, и мне кажется, что я много сделал, чтобы подготовить почву для культурных отношений между двумя половинами Европы. Книгу я Вам посылаю. Вы увидите, что я не польстил большевикам. Если бы я сделал это, результат был бы обратный тому, которого я добивался.

Книга, когда она еще печаталась в виде газетных статей, вызвала такой шум, что Черчилль счел необ-

ходимым на нее ответить. Я выступил с контрответом. И убил его. Посылаю Вам номера «Санди экспресс», содержавшие эту полемику.

Я не забыл о нуждах Дома ученых. Уже организован сильный комитет, и в ближайшие дни мы выпустим обращение по поводу сбора средств. После опубликования моих газетных статей я уже получил более 200 фунтов. Думаю, что у нас будет достаточно денег не только для того, чтобы послать книги, но и для того, чтобы оказать некоторую помощь небольшой группе ученых. *Очень важно, чтобы о получении всего посланного нас извещали не только официально, но чтобы извещения подписывали Вы и такие хорошо известные в Англии люди, как Ольденбург и Павлов.* Нам тут приходится бороться с глубоко укоренившимся недоверием к большевистским властям, и письма от этих всем известных лиц оказали бы огромное влияние на общественное мнение. Не важно, что именно они напишут, важно показать, что они не репрессированы.

Передайте привет мадам Андреевой и Муре¹ и всем Вашим домашним. Получил письмо от Анны Кочубей², в котором она спрашивает о своей сестре и передает ей привет.

---

¹ Мура — Мария Игнатьевна Будберг (урожд. Закревская) — переводчица, впоследствии жена Уэллса.

² Кочубей, Анна — сестра М. И. Будберг, жившая в Англии.

Теперь о моих новостях. Моя жена была тяжело больна и перенесла очень серьезную операцию. Теперь она поправляется. Я тоже сильно болел. У меня была гиперемия легких, и мне пришлось отказаться от лекционного турне по Америке, которое я намечал на первую половину 1921 года. Вместо этого я, кажется, поеду в Ваше старое убежище, на Капри, и месяца два бездельничаю, чтобы скорее поправиться. Джип¹ в Кембриджском университете, и, по-видимому, дела его идут вполне успешно.

С приветом великой и дорогой, незабываемой России.

Всегда Ваш

Г. Дж. Уэллс.

---

¹ Джип — Джордж Филипп Уэллс — старший сын Уэллса, в настоящее время профессор Лондонского университета, член Королевского общества.

ЛЕНИН: ЧАСТНО-СОБСТВЕННИЧЕСКИЙ КАПИТАЛИЗМ ПРОТИВ КОММУНИЗМА

И вот Ленин умер. Он умер как раз в то время, когда западные державы готовы признать советское правительство. В большинство практических вопросов Ленин не входил уже с конца 1919 года*. Если б он умер не сейчас, а несколько позже, это все равно не оказало бы существенного влияния на судьбу России.

Ведь Коммунистическая партия, которая продолжает стоять у власти в этой стране, основана на системе устойчивых представлений, на дисциплине, а с некоторых пор также на опыте и традициях, которые все вместе настолько сильнее отдельной личности, что последняя, хуже она служит партии или лучше, не способна ни подчинить ее себе, ни изменить ее курса. Никакая личность не может выйти за эти рамки. Установленный русскими коммунистами порядок прямо противоположен тому состоянию общества, которое порождает цезаризм. Это в романских республиках Европы, где возможны любые авантюры и всякий капиталист может беспрепятственно разорять страну, диктаторы плодятся как грибы. Ленин в отличие от Муссолини** никогда в жизни не был диктатором. Он производил впечатление человека, который находится во власти ка-

ких-то независимых от него сил, хотя и возникших при его участии. В коммунизме есть определенность, есть убедительность и побуждение к действию. Фашизм бес-содержателен и театрален; в нем чувствуется какая-то незрелость, излишняя прыть и отсутствие целей, и он, по-моему, похож на молодого осла, которого ловкий и дерзкий ездок может направить куда пожелает.

Я видел Ленина в Кремле в 1920 году. Он был совсем лысый. Я только сейчас, к удивлению своему, узнал, что он был моложе меня. Когда он говорил, он наклонял голову чуть набок, и его оригинальное монгольское лицо приобретало такое выражение, будто перед вами ждущий выпада фехтовальщик. Увидев, что я пришел не с тем, чтобы скрестить с ним шпаги по поводу коммунизма, а просто хочу знать, что они собираются дальше делать, в особенности со своими крестьянами, он утратил вид спорщика и откровенно изложил мне свои взгляды и свою программу.

Его планы переустройства России показались мне правильными, разумными, хотя и очень наивными. Он создал план «Электрификации России», который произвел на меня, человека, не обделенного фантазией, впечатление чего-то абсолютно нереального. В нем не учтен был фактор расстояния, а ведь Россия, в основном, и состоит из одних расстояний.

Наверно, ни один игрок, который, поставивши все на карту, вдруг выиграл, не испытал изумления, рав-

ного тому, какое охватило большевиков, когда они в семнадцатом году пришли к власти. Они появились в России для того, чтобы, как положено честным революционерам, поднять ее и погибнуть. Вскоре, однако, они увидели, что обладают почти никем не оспариваемой властью в совершенно разоренной стране. Даже в 1920 году им самим еще казалось невероятным, что они по-прежнему остаются у власти. Трудно представить себе что-нибудь более глупое, чем, например, разглагольствования мистера Уинстона Черчилля о большевиках, которые захватили и разоряют Россию. Что касается захвата власти, то против них были лишь разные бандиты и бездарные авантюристы из царской армии, а разруха уже достигла к тому времени своего апогея. В этом хаосе большевики, как полагалось по катехизису революции, взяли власть в свои руки. Встреченное ими сопротивление свелось к саботажу. Им пришлось расстреливать. Без этого не обходилась ни одна революция. В этом право революции и ее опасность. Однако, по мнению многих, большевики стреляли слишком уж долго и много, и это почти вошло у них в привычку.

Это объясняется не их кровожадностью, а тем, что они не обладали ни должным опытом, ни должной подготовкой *. Они убивали, потому что у русских мало поддержки. А когда они укрепились у власти, отсутствие опыта и подготовки сказалось также и в делах управ-

ления. Они отстояли Россию от Польши и Франции, отбили ее у Черчилля, у Колчака, Юденича, Врангеля, Деникина, а также у всех вражеских полчищ, осадивших ее извне; но внутреннюю перестройку жизни они проводили медленно, методом проб и ошибок, с большими потерями. А тут еще, как на беду, два неурожайных года подряд.

И все же они встали на ноги. Они упорно идут вперед, и новый строй в России вырастет от красного корня коммунистической теории. Это, несомненно, будет могучее государство — Соединенные Штаты Старого Света, простирающиеся от Балтийского моря до Тихого океана.

Очень важно уяснить себе, что царская Россия была обречена социально и политически и разваливалась сама собой — факт, который никак не хотят понять западные авантюристы, защитники частнособственнической системы. Коммунизм — это не дракон, который заглатывает здоровые организмы; он пожирает то, что гибнет и разлагается. Так, к примеру, нельзя сказать, что коммунизм сейчас очень силен в Европе или что там быстро растет его революционное влияние. И все же может наступить день, когда он победит во многих европейских странах. Европа серьезно больна и при этом упорно не желает лечиться. Ее валютная система (без которой, как указывал мистер Кейнс *, частный капитализм совершенно бессилён) все больше и больше

разлаживается, и наше общество, проникнутое жадной наживы, лишенное полноценного чувства общественной пользы и одержимое узколобым индивидуализмом, фанатизмом, патриотизмом, не способно на какой-либо достаточно решительный и разумный шаг, который положил бы конец теперешнему упадку. Сейчас Европе не угрожает сколько-нибудь серьезная внешняя опасность, во всяком случае, со стороны коммунистов. Вся коммунистическая пропаганда в Западной Европе немногим превышает собой деятельность рекламного агентства по продаже пишущих машинок или какого-нибудь патентованного лекарства. Нашу систему подрывают изнутри наши же собственные дельцы и спекулянты, наши собственные тарифные системы и соглашения, призванные ограничивать и нарушать нормальный ход торговли. Капитализм воспитал в людях дух своекорыстия и соперничества и теперь гибнет от своего творческого бессилия.

Я не из тех, кто склонен умалять или порочить славные достижения прошлого века, и в глубине души я мечтаю о свободе, ничем совершенно не ограниченной. По складу своему я не приемлю коммунизм. Я не коммунист, я коллективист. Я считал и считаю, что лишенная порядка социально-экономическая система, в которой я вырос, может постепенно, без внезапной насильственной перестройки, превратиться в иную — благородную, надежную, научно организованную. Но

признаюсь, я все больше и больше начинаю сомневаться в том, что нынешняя Европа сама справится со своим кризисом. Слишком затянулся этот неприятный процесс. Малые народы сидят в своих странах и прикидывают, как бы что урвать, ничуть не заботясь об общем благе. Германия, та идет по стопам России. Ее внутренние враги и безмозглые собственные «боссы» готовят почву для новых коммунистических экспериментов. Судя по всему, кризис на берегах Рейна не скоро кончится. Западная валюта колеблется.

Возможно, что мои надежды и надежды всех, кто думает, как я, не оправдаются; возможно, что Европу уже не спасешь, подчинив и подлатав ее, и надвигаются перемены, более решительные и важные, чем нам бы хотелось. Может быть, основу нашего общества слишком подточила корысть. Может быть, коммунисты, при всех своих минусах, грубости методов и бесхозяйственности, сумеют научить мир чему-то полезному — ну хотя бы дисциплине и бескорыстному служению идее. Может быть, вся Европа, подобно России, в конце концов, нуждается в том, чтобы ее привили к молодому коммунистическому корню, и тогда она вступит в новую творческую фазу. Как все это будет, я не знаю. Очевидно одно: годы идут, а возрождение Европы не начинается.

О ЗНАЧЕНИИ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1.X.1932 г.

Я считаю Октябрьскую революцию одним из величайших событий в истории. Она кардинально изменила все мировоззрение человечества, и сейчас не найти такого романа, такой пьесы, такой исторической или социологической работы, на которой она не сказалась бы. Ее влияние даже глубже и сильнее влияния первой Французской революции (все прочие французские революции в счет не идут).

И все же Октябрьская революция не является конечной мировой революцией, творческим возрождением человечества. Это возрождение еще впереди. Оно произойдет на базе Атлантической цивилизации и потребует не руководства и контроля со стороны России, а понимания и сочувствия. Перед Россией стоят свои обширные проблемы, и, только разрешив их, она сумеет сыграть свою роль в окончательном объединении мира.

О ЛЕНИНЕ

(Из «Опыта автобиографии», 1934.)

Его влияние на людей проистекало из того огромного умения все предвидеть и дать нужный совет, которое он проявил в годы революционного кризиса. Он оказался тогда человеком, к которому всякий приходил со своими страхами и сомнениями. Сила его состояла в четкости и одновременно тонкости мышления. Путем незаметных сдвигов, общее значение которых удалось измерить и оценить только после его смерти, он превратил марксизм в ленинизм...

Он, как и всякий другой человек, принадлежал своему времени и своей эпохе. Тогда, во время нашей беседы, у каждого из нас были свои предубеждения. Мы говорили главным образом о необходимости заменить мелкое крестьянское хозяйство сельскохозяйственным производством совершенно иного масштаба — это было за восемь лет до первого пятилетнего плана — и о только еще задуманной им электрификации России. Относительно последней я высказал недоверие, потому что не знал тогда, какими колоссальными гидроэнергетическими ресурсами располагает Россия. «Приезжайте

снова и посмотрите на нас через десять лет», — сказал он в ответ на мои сомнения.

Когда я беседовал с Лениным, предмет нашего разговора интересовал меня куда больше, чем оба мы вместе взятые. Меня совершенно не занимало тогда, высокого мы роста или маленького, старые или молодые. Мне запомнились лишь его эмоциональность и удивительная четкость мысли. Но сейчас, когда, просматривая свою старую, четырнадцатилетней давности книгу, я снова вижу его перед собой и сравниваю его с другими известными мне государственными деятелями, я начинаю понимать, какой выдающейся исторической фигурой он был. Я решительно не согласен с мнением, будто все человеческие достижения следует приписывать тем или иным «великим людям», но если только допустить, что мы, смертные, способны подняться к величию, я должен признать, что во всяком случае Ленин был поистине великим человеком...

Ленин, когда я его видел, уже недомогал, ему приходилось часто отдыхать; в начале 1922 года врачи категорически запретили ему регулярно работать, и летом того же года он был частично парализован, а в начале 1924 года скончался. Таким образом, период его активной государственной деятельности охватывает, да и то не целиком, всего лишь пять заполненных событиями лет*. И все же за эти короткие годы он сумел внушить России тот неслыхаемый и все преодолеваю-

щий дух созидания, который не оскудел и сегодня. Если бы не он и не созданная им дисциплинированная Коммунистическая партия, русская революция наверняка скатилась бы к жесточайшей военной диктатуре и общество потерпело бы окончательный крах. Но его Коммунистическая партия выделила из своих рядов и поставила на государственные посты дисциплинированных и пусть неопытных, но преданных делу работников, без которых задачи революции сейчас абсолютно невыполнимы, и хотя это были люди мало подготовленные, самого факта их появления оказалось достаточно для того, чтобы революционная Россия сумела выжить. Его ум всегда сохранял гибкость, и он с удивительной легкостью перешел от революционной деятельности к перестройке общества. В 1920 году, когда я с ним встретился, он с юношеским увлечением изучал возможности предполагавшейся «электрификации России». Замысел Пятилетнего плана, который рисовался ему в виде отдельных, последовательно проводимых областных планов, русская система высоковольтных линий, новостройки Днепропетровска — все это уже складывалось в его мозгу. И еще долго после того, как он перестал непосредственно участвовать в этой работе, он по-прежнему вдохновлял тех, кто трудился. Он и сейчас, наверно, все с той же энергией работает рядом с ними.

Во время моей последней поездки в Москву в июле 1934 года я посетил его Мавзолей и снова увидел этого

невысокого человека. Он показался мне еще меньше, чем прежде, лицо его было бледно-восковым, борода более рыжей, чем мне запомнилось, всегда беспокойные руки неподвижны. В нем были достоинство и простота и что-то немного трогательное, какая-то детскость и мужество — великие свойства человеческой души. Он спит. Он уснул слишком рано для России.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

13 января 1914 года на перрон петербургского вокзала сошел прибывший из Берлина маленький, полноватый, но очень живой средних лет англичанин. Не было ни речей, ни любопытной толпы. Официально о его приезде не было объявлено, а личные знакомые насчитывались единицами. В Петербурге находился тогда английский поэт, романист и очеркист Морис Баринг, который провел в России в общей сложности семь-восемь лет и написал книги «Русский народ» (1911) и «Движущие силы России» (1914). Здесь же работал с 1912 года корреспондентом другой знакомый — Гарольд Вильямс. Срок недолгий, но Вильямс не был чужим в этом городе. Его жена была русская. Ее звали Ариадна Владимировна Тыркова, и она была видной публицисткой союза «Освобождение», преобразованного в 1905 году в кадетскую партию. В 1904 году Тыркова была арестована на финляндской границе с транспортом «Освобождения» — журнала, издававшегося союзом, — приговорена к двум с половиной годам тюрьмы, но бежала за границу, а потом была амнистирована. С Вильямсом она познакомилась в Париже.

К этим знакомым потом присоединились другие, но круг их не был слишком велик — особенно сразу по приезде.

Так Герберт Уэллс впервые ступил на русскую землю.

Скромность встречи отнюдь не объяснялась тем, что он не был известен в России. Скорее, наоборот. На русский его переводили с 1898 года, когда начали переводить и на другие европейские языки. С 1909 по 1911 год было издано двенадцатитомное собрание его сочинений — первое в мире. Петербург, Москва, Киев, Одесса и многие другие города, названия которых оставались ему неизвестны, были полны его поклонниками.

Им увлекалась не только читающая публика, но и писатели. Его называли «гордость и слава Англии». Но именно это и заставляло его скрывать свой приезд. Он приехал в Россию не для того, чтобы принять дань читательской благодарности и себя показать, а для того, чтобы как можно больше — насколько возможно за двенадцать дней — узнать об этой стране.

Что знал он о ней к тому времени?

Уэллс не был особым любителем русской литературы. На фоне всеобщего увлечения Толстым и Достоевским, характерного для английской интеллигенции девятисотых годов, его отношение к Толстому можно назвать прохладным, а к Достоевскому и прямо враждебным. Нет, не литература, а реальные исторические события заставили Уэллса заинтересоваться Россией (а потом и такими русскими писателями, как Чехов и Горький) — события 1905 года. Россия с самого начала была для него страной, где происходит открытая борьба между силами реакции и прогресса.

Вряд ли Уэллс достаточно глубоко понимал события в России. Всякий раз, когда речь заходит у него о первой русской революции и последовавших за ней годах реакции, мы видим перед собой не Россию борющуюся, а Россию страждущую. Первая русская революция не предвещает для него вторую. И все же какой-то инстинкт провидца заставляет его все чаще обращать свои мысли к этой стране.

В апреле 1906 года Уэллс встретился с Горьким.

Об этой встрече Уэллс рассказал в книге «Будущее Америки» (1906). Горький приехал в США на несколько дней позже Уэллса, и Уэллс наблюдал, как Америка готовилась торжественно встретить посланца русской свободы, какой энтузиазм охватил всех при его появлении и какой бешеной газетной травле он тут же подвергся. Не было такой лжи, которая не была бы произнесена о Горьком и М. Ф. Андреевой, их обли-

вали грязью, их выгоняли из гостиниц. Уэллс был возмущен до глубины души. В 1934 году в Москве он, по свидетельству Л. Никулина, сказал Горькому, что неприязнь к США, высказанная в книге «Будущее Америки», в значительной мере объясняется тем, как в Америке отнеслись к Горькому¹.

Это, разумеется, было преувеличением, 1906 год вообще был годом наибольшего политического радикализма у зрелого Уэллса, и это нашло свое выражение в статьях, написанных еще до его поездки в США (одна из них, кстати, и стала потом первой главой этой книги). Но с другой стороны, эпизод с Горьким, в цепи других событий, мог открыть глаза Уэллсу на природу американского общества, дать ему тот эмоциональный толчок, который так часто определял для Уэллса направление логического анализа. А этот анализ был в «Будущем Америки» поразительно четким. «Приехать в Америку из любой европейской страны — это все равно, что от сложности перейти к совершеннейшей ясности,— писал он.— Отношения между наемным работником и нанимателем, администратором и рабочим, трудом и капиталом, которые в Англии преобразованы, смягчены и запутаны сотнями застарелых привычек и традиционной системой соподчинения, выступают здесь во всей своей определенности, рационалистичности, пронизывающей холодности... Пересечь Атлантический океан, значит из переливчатого тумана выйти на яркое солнце... Долговязая Свобода, которая в своей утыканной шипами короне стоит в нью-йоркском порту и светит миру электрическим пламенем, это на самом деле свобода Собственности, и здесь она достигла своего апогея»².

---

¹ См. Л. Никулин, Две встречи с Гербертом Уэллсом, «Наши достижения», № 11, 1934, стр. 74.

² H. G. Wells, The Future in America, B. Tauchnitz, Leipzig, 1907, pp. 84—85, 88.

Но если Горький невольно помог Уэллсу определить его отношение к Америке, в заметно большей мере он, как легко догадаться, повлиял на его суждения о России. Когда разразилась газетная буря, Уэллс, успевший познакомиться с Горьким, немедленно кинулся его разыскивать. Это удалось не без труда. В гостиницах, одной за другой, Уэллсу отвечали, что подобных людей сюда не пускают. Наконец он нашел Горького в одном частном доме, и они провели вечер вместе, в разговорах о России. Горький произвел на Уэллса огромное впечатление. «Горький — не только большой мастер в том виде искусства, которым я тоже занимаюсь, но и блестящий человек»¹ — писал он в книге «Будущее Америки». Год спустя Горький и Уэллс встретились в Лондоне, куда Горький приезжал для участия в работе V съезда РСДРП. Последние два раза Уэллс и Горький виделись в Петрограде (где Уэллс жил у А. М. Горького) и в Москве — в 1920 и 1934 годах. И хотя отношения между ними менялись, Уэллс всегда считал Горького человеком «со многими элементами гениальности», тогда как себе в заслугу ставил только «хорошо организованный ум». Горький был одним из людей, через которых Уэллсу открывалась Россия. И его интерес к этой стране год от году все возрастал.

При этом представления его о нашей стране не слишком точны. «Когда я думаю о России, я представляю себе то, что я читал у Тургенева и моего друга Мориса Баринга,— пишет он в предисловии к русскому собранию сочинений 1909 года.— Я представляю себе страну, где зимы так долги, а лето знойно и ярко; где тянутся вширь и вдаль пространства небрежно возделанных полей; где деревенские улицы широки и грязны, а деревянные дома раскрашены пестрыми красками, где много мужиков, беззаботных и набожных, веселых и терпеливых, где

---

¹ Там же, стр. 194.

много икон и бородатых попов, где плохие пустынные дороги тянутся по бесконечным равнинам и по темным сосновым лесам. Не знаю, может быть, все это и не так; хотел бы я знать, так ли это»¹.

Вряд ли уместно было говорить о русских мужиках, «беззаботных и набожных, веселых и терпеливых», после революции 1905 года, еще более удивительно было слышать это от человека, непосредственно общавшегося с Горьким, а потом и с другими русскими, бывавшими или жившими в Англии, например с К. И. Чуковским или известным переводчиком Ликиардопуло, но это представление о «веселом русском мужике» стало у Уэллса предрассудком, а со своими предрассудками он не любил расставаться. З. А. Венгерова, известный литературовед и переводчица, встречавшаяся с Уэллсом во время его первого пребывания в России, писала в заметке, появившейся в те дни, что по дороге из Петербурга в Москву Уэллс намерен захватить в русскую деревню «и что там он увидит счастливую жизнь, в этом нашего гостя из Англии никак нельзя было разубедить»².

Личный опыт, по-видимому, оказался убедительней слов. После поездки в деревню Вергежа Новгородской губернии Уэллс больше никогда не говорил о «веселом русском мужике, терпеливом и набожном».

Когда Уэллс выразил желание побывать в русской деревне, Ариадна Тыркова направила его к своему брату Аркадию Вла-

---

¹ Г. Д. Уэллс, Собр. соч., изд-во «Шиповник», СПб., 1909, т. 1, стр. 7—8.

² Цит. по статье И. М. Левидовой «Первый приезд Г. Д. Уэллса в Россию». В кн.: И. М. Левидова и Б. М. Парчевская, Г. Д. Уэллс, Библиография, изд-во «Книга», М., 1966, стр. 127.

димировичу Тыркову, у которого было имение в Вергеже. Уэллс и Тырков вместе ходили в дома к бедным крестьянам и расспрашивали их о жизни. Тырков, следует полагать, оказался хорошим провожатым Уэллсу — это был народоволец, участник покушения на Александра II, успевший отбыть двадцать лет на каторге и в ссылке. В ссылке он познакомился с В. И. Лениным. Трудно сказать, что почерпнул Уэллс из общения с Тырковым и из двухдневного пребывания в деревне. Он сам не оставил никаких свидетельств на этот счет, но, во всяком случае, старое представление о русской деревне раз и навсегда исчезает с этой поры из его произведений. На смену ему приходит другое, куда менее радужное. Уэллс осознает всю важность крестьянского вопроса для России. В разговоре с Лениным Уэллс выразил мнение, что психология русского крестьянина может оказаться главным препятствием в строительстве нового общества. Из всех планов большевиков его, как заметил он вскользь в своей заметке о Ленине, опубликованной в 1924 году, в первую очередь интересовали их планы по крестьянскому вопросу.

Сейчас трудно восстановить многие (и, возможно, существенные) детали пребывания Уэллса в Петербурге и в Москве в 1914 году. Попытки подобного рода были предприняты только в последние годы¹, и многие свидетельства, надо думать, безвозвратно утеряны. Но и то, что известно, представляет интерес. В Москве он побывал на вечере одноактных балетов в

---

¹ См. И. М. Левинова, цит. соч.; Г. Менделевич, Герберт Уэллс и Нина Кокорина, «Учительская газета» от 22 IX 1966 г.; Г. Менделевич, Три приезда в Москву, «Театральная жизнь», № 18, 1966, М., стр. 6; Ю. Ковалев, Уэллс в Петербурге и Петрограде. В сб.: «Вторжение в Персей», Лениздат, 1968.

Большом театре (танцевала Гельцер), в Третьяковской галерее и, наконец, на «Трех сестрах» и «Гамлете» в Художественном театре. Эти два спектакля привели его в совершенный восторг. После «Трех сестер» он зашел за кулисы и начал уговаривать Станиславского, Книппер-Чехову и Немировича-Данченко привезти чеховские спектакли в Лондон. Свое восхищение Художественным театром — а заодно и публикой этого театра — он выразил потом в романе «Джоанна и Питер». Побывал Уэллс и в театре миниатюр Балиева.

Старина не привлекала его. День в Троице-Сергиевской лавре (23 января) — вот и вся дань, отданная ей Уэллсом. Все другие предложения осмотреть памятники старины он категорически отклонил. Зато его интересовали люди. Весь первый день в Москве он провел на улицах, потом ездил на Хитров рынок, ходил в ночные чайные.

Инкогнито, разумеется, долго соблюдать не удалось. Уже через два дня после его приезда в Петербург, 15 января, в либеральной газете «Речь» появилась беседа Уэллса с В. Д. Набоковым, в то время известным журналистом. После этого он все время был на виду. Его тепло приветствовали, от него требовали интервью. «Всероссийское литературное общество» преподнесло ему адрес, лежавший потом на видном месте в его кабинете, он каждый день чуть ли не до утра беседовал и спорил с людьми. Но в любых обстоятельствах он пытался как можно больше увидеть, запомнить, узнать.

Все это по-своему очень важно. Когда Уэллс снова появился в Москве и Петрограде в 1920 году, он уже не смотрел на эти города глазами иностранца, ищущего «русской экзотики». Экзотика вообще мало интересовала Уэллса, в России тем более — ведь в этой стране он особенно хотел докопаться до сути происходящих процессов. Из своей первой поездки он вынес впечатление о самых разных областях русской жизни, и, читая

в «России во мгле» о положении театра в годы революции, мы должны помнить, что эти замечания сделаны человеком, который хоть мельком, но успел все же познакомиться с русским театром до революции; когда мы читаем описание московских и петроградских улиц 1920 года, мы не можем не заметить, что оно сделано человеком, не впервые их увидевшим, а весь очерк жизни России времен интервенции и блокады принадлежит перу писателя, для которого открылась не новая страна, а новый облик пусть поверхностно, но знакомой и давно уже притягивавшей его внимание страны.

Шесть лет, которые пролегли между первой и второй поездками Уэллса в Россию, были заполнены крупнейшими мировыми потрясениями. Поколение, к которому принадлежал Уэллс, ждало их, и он лучше других выразил это смутное предчувствие своей «Войной миров» (1898). Двадцатый век чреват грандиозными переменами, и Уэллс, человек, приучивший читателя прислушиваться к себе как к своеобразному пророку, еще на пороге и в самом начале века заявил твердо и определенно — единственный выход для человечества, если оно хочет избежать ловушек, расставленных перед ним историей, — это социализм. К такому выводу он подводил читателя в уже упоминавшемся «Будущем Америки», это он говорил в написанной тогда же книге «Новые миры вместо старых». Уэллс никогда не был «социалистом по Марксу». Скорее он принадлежал к числу «домарксовских социалистов, живших после Маркса», как он сам называл некоторых представителей социализма в Англии, но, во всяком случае, он говорил в этот период о Марксе с большим уважением. Маркс первый поставил социализм на историческую основу, писал он в «Новых мирах против старых». Маркс доказал, что современное буржуазное общество имело начало и неизбежно будет иметь конец. Он первый соединил демократию и социализм. «Его интеллектуальная сила была

так велика, что он озарил светом своей концепции всю современную историю человечества... И сколько бы софизмов ни удалось найти, отрицая величие Маркса (можно ведь найти софизмы и для того, чтобы заставить усомниться в величии Дарвина), — он остается великим основоположником»¹, — писал тогда Уэллс. Однако, считает Уэллс, Маркс был неправ, настаивая на неизбежности классовой борьбы и революции. При современных условиях, заявляет он, «агитация социалистов и усилия разумных людей» могут привести к социализму без каких-либо классовых конфликтов.

Впрочем, Уэллс был достаточно трезвым наблюдателем жизни для того, чтобы понимать, насколько шаткой является надежда достичь социализма без каких-либо общественных потрясений, и, поскольку классовая борьба для него исключена, ему остается ждать какого-либо рода общенациональных и мировых катаклизмов.

Надвигающаяся война наполнила его предчувствием гибели буржуазной цивилизации и надеждой на то, что на развалинах старого общества будет построено новое. Уэллс в 10-е годы уже не называет это общество социалистическим, слово «коллективистское» кажется ему более подходящим, но, во всяком случае, он понимает, насколько эта война по своим социальным последствиям будет непохожа на предыдущие. «Каждое современное европейское государство более или менее напоминает плохо построенный, с неверно найденным центром тяжести пароход, на котором какой-то идиот установил чудовищных размеров заряженную пушку без откатного механизма, — писал он в статье «Возможное крушение цивилизации». — Попадает эта

---

¹ H. G. Wells, *New Worlds for Old*, Ltd., Constable and Co, 1919, p. 240.

пушка в цель, когда выстрелит, или промахнется, в одном мы можем быть уверены — пароход свой она обязательно отправит на дно морское»¹.

Еще больше укрепились в Уэллсе эта точка зрения во время войны, особенно к 1916 году, когда он выпустил антивоенный роман «Мистер Бритлинг пьет чашу до дна». В феврале 1916 года в гостях у Уэллса побывали три члена приехавшей незадолго перед тем по приглашению английского правительства группы русских журналистов — А. Н. Толстой, К. И. Чуковский и В. Д. Набоков. Последнему удалось дольше других беседовать с Уэллсом. Говорили прежде всего о войне. «Он, конечно, не сомневается в ее колоссальных последствиях, которые отразятся на всех сторонах жизни, на индивидуальной и общественной психологии, на политическом и социальном строе. И он хочет угадать, какую форму примут грядущие изменения»², — рассказывал потом Набоков.

Революция в России, казалось Уэллсу, подтвердила его прогнозы. Ни он сам, ни его окружение в Англии, ни русские знакомые, к каким бы партиям они ни принадлежали, не испытывали к царизму ровно никакого уважения. Гибель этого «плохо построенного, с неверно найденным центром тяжести парохода» была только закономерна. Царская Россия, по мнению Уэллса, сама собой развалилась, не выдержав тяжести войны. Но за Февральской революцией последовала Октябрьская. Среди тех, кто приветствовал «зарю русской свободы», произошел раскол. Большая часть из них выступала против большевиков, «узур-

---

¹ H. G. Wells, *An Englishman Looks at the World*, Cassel and Co., Lnd., N. Y., Toronto, Melburn, 1914, p. 334.

² В. Д. Набоков, *Из воюющей Англии*. Пг., [1916], стр. 51.

пировавших власть». Многие знакомые Уэллса, такие, как Ариадна Тыркова и В. Д. Набоков, покинули свою страну и стали убежденными антисоветчиками. Какую позицию должен был занять в это время Уэллс?

Предсказать ее наверняка было непросто. С одной стороны, Уэллс никогда не ставил высоко буржуазную демократию, давно ждал кардинальных общественных и социальных перемен, которые должны были последовать за войной, и не был склонен оплакивать ни царизм, ни временное правительство. Но с другой стороны, его «коллективизм» в это время решительно противостоял марксизму. Если это и был социализм, то в крайней право-оппортунистической его интерпретации. Какой из этих двух Уэллсов победит?

Уэллсу, человеку, всю жизнь говорившему о будущем мира, надо было определить свою позицию. Потому-то (как рассказывает Уэллс) в сентябре 1920 года, когда Каменев, член советской торговой делегации в Лондоне, предложил ему снова посетить Россию, он «тотчас же принял приглашение и в конце сентября выехал туда». Результатом этой поездки и была книга «Россия во мгле», составляющая основу нашего сборника.

«Россия во мгле» написана не единомышленником большевиков. Уэллс 1920 года значительно дальше от них, чем Уэллс 1906 года. Вопрос об отношениях труда и капитала уже не стоит для него так прямо, как в «Будущем Америки». Напротив, подобные разговоры кажутся ему примитивными и догматическими, а отстаивая свои позиции «постепеновца», он не находит ничего лучшего, чем обливать Маркса грязью. Уэллс 1920 года был в чем-то органически несовместим с революцией. Это чувствовали все, кто с ним сталкивался. Он был чужой в Петрограде и Москве 1920 года — и по облику своему и по многим своим реакциям. «Каким сытым он нам показался, каким

щегольски одетым и, увы, каким буржуа!»¹ — рассказывала в 1946 году в «Стейтсмен энд нейшн» Дженни Хорстин, которая в 1920 году петроградской девочкой Женей Лунц видела Уэллса во время посещения им тенишевской гимназии. «Я выругал этого Уэллса с наслаждением в Доме искусств,— вспоминал В. Шкловский.— Алексей Максимович радостно сказал переводчице: «Вы это ему хорошо переведите»². Он казался слишком благополучным на фоне всеобщей нищеты, слишком рассудительным в одних случаях, слишком придирчивым в других. Он был эмоционально неприемлем для людей, привыкших к тяготам этих лет и видевших в них свою дань будущему. Мало даже сказать, что Уэллс не умел слушать музыку революции,— он просто не слышал ее.

И вместе с тем «Россия во мгле» — честная книга.

Чтобы увидеть и рассказать то, что увидел и рассказал Уэллс, не требовалось быть сторонником большевистской партии. В феврале 1919 года президент США Вильсон и английский премьер-министр Ллойд-Джордж направили атташе американской делегации на Парижской мирной конференции В. Буллита с секретной миссией в Советскую Россию. Буллит впоследствии показал себя настойчивым борцом против Советской власти, но многие строки из его официального отчета, целью которого было правдиво информировать свое правительство о положении в России, заслуживают внимания. Буллит, подобно Уэллсу, очень много пишет о трудностях, переживаемых населением Москвы и Петрограда, но тут же добавляет, что «разрушительная фаза революции закончилась и вся энер-

---

¹ Цит. по статье К. Чуковского «Фантасмагория Герберта Уэллса», «Литературная Россия» от 25 IX 1964 г., стр. 10.

² В. Шкловский, В снегах. В сб.: «Маяковский в воспоминаниях современников», М., Гослитиздат, 1963, стр. 185.

гия правительства обращена на созидательную работу», и «советское правительство, по-видимому, в полтора года сделало больше для просвещения народа, чем царизм за 50 лет». «Советская форма правления установилась твердо,— продолжает Буллит...— Население возлагает ответственность за свои несчастья всецело на блокаду и поддерживающие ее правительства. Советская форма правления стала, по-видимому, для русского народа символом его революции... В настоящий момент в России никакое правительство, кроме социалистического, не сможет утвердиться иначе, как с помощью иностранных штыков, и всякое правительство, установленное таким образом, падет в тот момент, когда эта поддержка прекратится». О Ленине, продолжает Буллит, уже создаются легенды. В личном общении он «замечательный человек, прямой и решительный, но вместе с тем веселый, с большим юмором и невозмутимый»¹.

Все это весьма близко к тому, что написал в своей книге Уэллс. И Уэллс и Буллит одинаково увидели заколоченные магазины, голод, разруху. Оба они поняли, насколько прочна советская власть и какой выдающийся деятель возглавляет коммунистическую партию. Но книга Уэллса написана не только объективным и честным наблюдателем. Она написана — при всем, что стояло между Уэллсом и революцией,— искренним доброжелателем нашей страны.

«Перед лицом величайших трудностей они стараются построить на обломках прошлого новую Россию,— писал он о большевиках.— Можно оспаривать их идеи и методы, называть их планы утопией, можно высмеивать то, что они делают, или бояться этого, но нельзя отрицать того, что в России сейчас идет

---

¹ «ЗаклЮчить мир с Россией». Материалы из отчета м-ра Буллита о положении в России в 1919 году. Публикация С. Бурдянского, «Неделя», № 196, 12 V 1962 г., стр. 16—17.

созидательная работа». Последнее для Уэллса было главным. В России строилось будущее. И он старался помочь этой России.

«Я все время думаю о России и обо всех нас,— пишет Уэллс Горькому 20 октября 1920 года, по приезде из Петрограда в Ревель.— Я нашел здесь книги по научным вопросам, присланные для Вас моим другом сэром Ричардом Грегори в Британское консульство... Я надеюсь, что это начало того потока книг и брошюр, который потечет теперь в Россию с Запада»¹. «Я проконсультировался в Лондонском Королевском обществе, и на следующем заседании Совета будет организован комитет по снабжению Дома ученых научной литературой,— пишет он Горькому 24 октября, немедленно по возвращении в Лондон.— Кроме того, я налаживаю связь Королевского общества с Британской Академией и с Обществом авторов, чтобы совместно разработать план снабжения книгами Дома ученых и Дома литературы и искусства в течение зимы. Я и дальше буду извещать Вас о том, как развиваются события»².

Но главная польза от поездки и книги Уэллса была, конечно, в том воздействии на общественное мнение Запада, которое они оказали. Это сразу же всеми было понято.

Известно, что «Россия во мгле» была внимательно прочитана В. И. Лениным. Соответствующая публикация по материалам Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Центрального партийного архива была сделана Б. В. Яковлевым в журнале «Иностранная литература» № 11 за 1957 год, а потом воспроизведена год спустя в новом издании «России во мгле». Воспроизводится она и в нашем сборнике. Пометки на полях,

---

¹ Сб. «Горький и наука», изд-во «Наука», М., 1964, стр. 203.

² Там же, стр. 204.

сделанные В. И. Лениным, показывают, как внимательно была проштудирована им эта книга. В. И. Ленин отметил все антимарксистские заявления Уэллса, но наибольший интерес проявил к тем его высказываниям, которые противостояли белогвардейской пропаганде. Обратил В. И. Ленин внимание и на те места, где Уэллс касается вопросов конкретной политики¹.

С Уэллсом немало спорили. В характере его взглядов никто не обманывался — да и сам Уэллс сделал все возможное, чтобы не породить в этом смысле никаких недоразумений. И вместе с тем, в целом, отклики советской прессы на «Россию во мгле» были благоприятными. «Мы, коммунисты, можем быть довольны результатами поездки Уэллса в Советскую Россию. Советская Россия, несмотря на всю разруху, завоевала Уэллса. Это совсем недурный результат»², — писал в апреле 1921 года А. Воронский в статье «Г. Д. Уэллс о Советской России».

Иной была реакция эмигрантской прессы. Она встретила книгу Уэллса в штыки. Н. С. Трубецкой, снабдивший опубликованный в 1921 году в Болгарии русский перевод этой книги своим предисловием, заявил: «Книга эта должна быть признана вредной». Он счел, что вся книга пропитана «безграничным презрением к русской душе и России, как нации. Помимо этого

---

¹ Последнее впервые отметил С. Дангулов в очерке «Зодчий из Бромли» («Иностранная литература», № 4, 1969). По мнению С. Дангулова, убедительно обоснованному, Ленина в этой связи заинтересовали прежде всего вопросы установления отношений с Антантой и Германией (ввиду намечавшейся конференции, созванной потом в Генуе, и советско-германского договора в Рапалло) и Соединенными Штатами, а также концессионной политики.

² А. Воронский. На стыке, Сб. ст., Гос. изд-во, М., Пг., 1923, стр. 226.

Уэллсу очень хочется торговать, и вот он с точки зрения интересов английского торговца и подходит к русской проблеме. Большевики — люди смелые, энергичные. Англия сможет извлечь из России при большевистской власти значительную пользу; нужно ей помочь извлечь из этой площади земли как можно больше сырья, в котором так нуждается Западная Европа»¹. Эта откровенная попытка скомпрометировать Уэллса была не сдипственной. По словам А. Воронского, «книга Уэллса вызвала бурю негодования в русских эмигрантских белогвардейских кругах. В бурцевском «Общем деле» Ив. Бунин поместил длинные злобные статьи; такие же статьи были помещены в «Руле» и в ряде других зарубежных белых газет. Можно сказать, что ни одна из книг о большевиках не возбудила столько шума за границей, как книга Уэллса о России»².

Сам Уэллс, впрочем, еще до этого недвусмысленно определил свое отношение к белогвардейской эмиграции. «Политическое лицо русских эмигрантов в Англии,— писал он в «России во мгле»,— заслуживает лишь презрения». Отношения разладились и со многими интеллигентами из тех, с кем Уэллс прежде был близок. Так, сын В. Набокова рассказывает о том, насколько была непохожа встреча его отца (теперь белого эмигранта) в конце 1920 или в начале 1921 года на их предшествующие две встречи: «На этот раз не было ни банкетов, ни речей; не было даже игры в мяч с Уэллсом, которого никак не удалось убедить, что большевики — это особая, жестокая и всеобъемлющая форма варварского угнетения, столь же древняя сама по себе, как пески пустыни, а вовсе не новый революционный

---

¹ А. Воронский. На стыке, Сб. ст., Гос. изд-во, М., Пг., 1923, стр. 220—221.

² Там же, стр. 215.

опыт, за который его принимали многие иностранные наблюдатели»¹.

Разумеется, от многих своих соотечественников автору «России во мгле» тоже трудно было ждать горячих похвал. По словам Уэллса, «Россия во мгле» привела противников большевизма в бешенство. «Они засыпали меня письмами и открытками,— рассказывал он,— выпустили множество бредовых статей, адресовали мне какие-то бессвязные «открытые письма». Но самое известное выступление против Уэллса принадлежит главному врагу Советской России — Уинстону Черчиллю.

Уэллс и Черчилль отнюдь не были прежде противниками. В 1908 году Уэллс решительно поддержал Черчилля во время парламентских выборов. Черчилль был кандидатом от либералов, ему противостояли кандидаты от консерваторов и лейбористов, и Уэллс, к возмущению многих своих друзей, опубликовал в печати письмо «Почему социалисты должны голосовать за мистера Черчилля». Он доказывал там, что лейбористский кандидат все равно не имеет шансов на избрание, тогда как Черчилль, победив с помощью лейбористов, окажется чрезвычайно полезен делу социализма. В молодом Черчилле он видел человека с широким, активным, быстро развивающимся умом. Он считал, что Черчилль «по духу своему» близок социализму. Черчилль действительно в эти годы выдавал себя за социального реформатора. К тому же из общения с Черчиллем во время первой мировой войны Уэллс вынес наилучшие впечатления. Здесь подтвердились слова Уэллса о нем как о человеке с умом широким и активным. Именно в бытность Черчилля министром

---

¹ Цит. по статье Ю. В. Ковалева «В гостях у Герберта Уэллса». В кн.: И. М. Левицова и Б. М. Парчевская, Г. Д. Уэллс, Библиография, изд-во «Книга», М., 1966, стр. 131.

военного снаряжения Уэллсу и другим сторонникам танка удалось добиться производства этого нового вида военной техники. Китченер отверг перед этим танки как «механические игрушки»¹.

С 20-х годов отношения их, однако, резко переменялись. С этих пор Черчилль стал для Уэллса почти что синонимом реакционера вообще. В такой роли он дважды появлялся в произведениях Уэллса. В утопии «Люди, как боги» (1923) он принял обличье Руперта Кетскила. Уэллс потом рассказывал, как в процессе создания этой утопии один из персонажей совершенно вышел из-под его контроля, все больше становился похожим на Черчилля и, не успев автор опомниться, уже начал войну против утопийцев². В романе «Самодержавие мистера Паргема» (1930) Черчилль выступил под прозрачным псевдонимом Бринстон Берчиль. Этот Бринстон Берчиль оказывается прямым пособником фашистов, совершающих переворот, а потом тесно сотрудничает с фашистским диктатором Паргемом.

Вторая мировая война на время сблизила их. Уэллс писал о Черчилле как о великом военном руководителе и о человеке, всю жизнь восстававшим против косных традиций. Но незадолго до окончания войны, в декабре 1944 года, Уэллс в «Дейли трибюн» потребовал отставки Черчилля, этого «будущего английского фюрера», человека невежественного, ограниченного, политического хамелеона. «Или мы покончим с Уинстоном, или Уинстон покончит с нами»³. Последняя статья Уэллса о Чер-

---

¹ См.: H. G. Wells, *An Experiment in Autobiography*, Victor Gollancz and Cresset Press, Ltd., 1934, pp. 683—684.

² См.: H. G. Wells, *Journalism and Prophecy*, The Bodley Head, Ltd., 1965, p. 248.

³ См.: H. G. Wells, *Journalism and Prophecy*, p. 239.

чилле по всем пунктам была полной противоположностью первой, и если в 1908 году Уэллс прилагал усилия для того, чтобы укрепить Черчилля в политической жизни, то теперь (как, впрочем, и в 1920 году), требовал раз и навсегда его из нее изгнать.

Переломом в отношениях Уэллса и Черчилля послужило столкновение из-за «России во мгле».

5 декабря 1920 года в том самом еженедельнике «Санди экспресс», где перед этим печаталась по главам «Россия во мгле», была опубликована статья Черчилля «Мистер Уэллс и большевизм». Она и послужила началом дальнейшей полемики.

Статья Черчилля открывалась небольшим вступлением, где комплименты самым затейливым образом перемежались с иронией. «Если такой писатель, как Уэллс, чьими философскими романами мы все зачитывались, решил столь беспрекословно разъяснить нам один из важнейших политических вопросов современности,— писал он,— мы обязаны отнестись к его словам со вниманием. Тем более, что Уэллс не только писатель, но и историк. Если человеку удалось за год написать историю мира от образования туманностей до Третьего Интернационала и от протоплазмы до лорда Беркенхеда *, не приходится сомневаться в том, что в России он за две недели сумел досконально во всем разобраться и стать специалистом по русским делам».

Этот насмешливый разговор об Уэллсе-историке (огромный успех его на этом поприще был уже несомненен) и писателе, «философскими романами которого мы все зачитывались», серьезнее, чем кажется. Черчилль не сомневается в огромном влиянии Уэллса на умы современников, и его статья написана для того, чтобы влияние это парализовать. Эту свою цель он провозглашает в конце статьи со всей откровенностью. Уэллс,

пишет он, ничего не понял в России. Поэтому «мы... должны позаботиться о том, чтобы народы Великобритании, Франции и Соединенных Штатов не пребывали в неведении и чтобы у них не оставалось сомнений в причинах и характере этой ужасной катастрофы».

Уэллс неправ, продолжает Черчилль, страдания русского населения объясняются отнюдь не блокадой, а тем, что коммунизм подорвал дух предприимчивости. Если коммунисты купят на ворованные деньги несколько паровозов, они у них все равно станут. Есть только один способ помочь России — освободить ее от большевиков. Тогда она сумеет использовать собственные ресурсы и не будет нуждаться в экономической и продовольственной помощи.

Надо сказать, что здесь Черчилль действительно нащупал слабый пункт в книге Уэллса, который утверждал, что без помощи Запада Россия никогда не возродится, и сумел неплохо его обыграть. Но единственная возможность возродить самостоятельность населения состоит, по Черчиллю, в уничтожении большевиков и реставрации капитализма.

Надежда Уэллса, что Черчилль окажется полезен для социализма, не оправдалась самым печальным образом.

Уэллс реагировал на статью Черчилля быстро и бурно. Неделю спустя в следующем же номере «Санди экспресс» он выступил с ответом и остался доволен результатами этой полемики.

«Книга, когда она еще печаталась в виде газетных статей, вызвала такой шум, что Черчилль счел необходимым на нее ответить. Я выступил с контрответом. И убил его», — писал Уэллс Горькому 21 декабря 1920 года. А два года спустя он вспоминал об этой полемике в таких выражениях: «Мы затеяли с ним основательную перебранку по поводу России несколько лет назад, и, если память мне не изменяет, мистер Черчилль

получил по заслугам. Я сохранил об этой истории наилучшие воспоминания. Он, конечно, мог вынести иные впечатления»¹.

Легко заметить, что книга Уэллса и полемика, разгоревшаяся вокруг нее, оказались чрезвычайно полезны для распространения правды о Советской России. Уэллс был одним из тех, кто помог покончить с ложью, распространявшейся Черчиллем и другими пропагандистами крестового похода против нашей страны.

Чем объяснить такую позицию Уэллса? Прежде всего ответственностью за судьбы прогресса. Уэллс мог многого не знать, многого не понять и не почувствовать, но он понял и почувствовал главное — в России потерпел крах один из реакционнейших режимов в мире. Россия вступила на путь огромных прогрессивных перемен, и от судьбы этой страны отныне все больше будут зависеть судьбы всего человечества. При всем своем несогласии с коммунистами Уэллс считал коммунистическое движение частью сил, противостоящих реакции.

И все же мера непонимания революции и марксизма у Уэллса достаточно велика. От различного рода заблуждений и предубеждений Уэллс не отказался ни в 1920 году, ни позже. Но он был честным наблюдателем, он был писателем, он умел видеть, и человек, встреча с которым была важнейшим итогом этой поездки, служил живым опровержением теоретических рассуждений Уэллса.

Записи этой беседы, к сожалению, не было сделано², и мы знаем о ее содержании только по рассказам о ней в книгах

---

¹ См.: H. G. Wells, *Journalism and Prophecy*, p. 248.

² Это, в частности, создало возможность появления фальшивой «записи» одного из моментов беседы, опубликованной в 1959 г. в «Пари-пресс энтрансижан», в номере от 15.IX. После многочисленных запросов газета была вынуждена со-

Уэллса «Россия во мгле», «Мир Вильяма Клиссольда», «Работа, благосостояние и счастье человечества», «Опыт автобиографии» и по многочисленным упоминаниям в других его книгах. Все эти рассказы и упоминания различаются между собой, впрочем, лишь деталями. Разговор с Лениным произвел на Уэллса такое большое впечатление, и он так старался сохранить в памяти каждую минуту этого разговора, что произвольные варианты изложения были для него исключены. Уже поэтому его рассказ вызывает большое доверие.

Даже дата этой встречи установлена совсем недавно. Это — 6 октября 1920 года¹.

В этот день великий фантаст встретился с великим преобразователем действительности. Ленин поразил Уэллса, и это восхищение Лениным с годами все укреплялось. В «Опыте автобиографии», написанном четырнадцать лет спустя после этой беседы, Уэллс писал, что Ленин был, пожалуй, единственный великий человек, которого он встретил в жизни, — а ведь Уэллс был знаком чуть ли не со всеми выдающимися своими современниками. Похвала, которую Уэллс делает Ленину в «России во мгле», — тоже самого высокого для Уэллса толка. Ленин, пишет Уэллс, говорит «быстро, с увлечением, совершенно от-

---

общить, что не может указать, откуда заимствован приведенный ею текст. Подробнее об этом рассказано в статье Г. А. Менделевича «Космическая фальшивка «Пари-пресс», «Журналист», № 1, М., 1969.

¹ См. об этом: Р. М. Савицкая. Как была установлена дата беседы В. И. Ленина с Г. Уэллсом, «Вопросы истории КПСС», № 4, 1965. Установление этой даты позволяет отметить одну существенную неточность в книге Уэллса «Россия во мгле». Как явствует из рассказа Уэллса, он немедленно после беседы с Лениным выехал в Петроград, чтобы успеть на паро-

кровенно и прямо, без всякой позы, как *разговаривают настоящие ученые*. (Курсив мой.— Ю. К.) В книге «Работа, благосостояние и счастье человечества» (1932) Уэллс назовет Ленина «человеком научного склада»¹. Ленин наглядно свидетельствовал для Уэллса о том, что коммунизм и является *научным социализмом*. Уэллс воспринял этот урок не целиком. «Разговаривая с Лениным, я понял, что коммунизм, *несмотря на Маркса*, все-таки может быть огромной творческой силой»,— писал он. (Курсив мой.— Ю. К.) Но он воспринял урок.

«Ленин, от чьей откровенности, вероятно, захватывает дух у его последователей, окончательно отверг всякое лицемерие и заявил, что революция в России — это не что иное, как наступление эпохи беспредельных поисков,— рассказывал Уэллс в главе, посвященной встрече с Лениным.— Он писал недавно, что люди, перед которыми стоит огромная задача ниспровержения капитализма, должны быть готовы к тому, что им придется испробовать один за другим множество методов, пока они не найдут метод, наиболее соответствующий их цели». Уэллс не понял, что эти слова Ленина и были словами подлинного марксиста. Но он оценил истину этих слов.

ход, «совершавший нерегулярные рейсы между Ревелем и Стокгольмом». Вероятно, однако, Уэллс задержался в Петрограде, и таким образом пребывание его в Петрограде, которое он описывает, простоты ради, как непрерывное, было разбито, в действительности, на два отрезка — до Москвы и после. Во всяком случае, 7 октября он выступает в Петрогубсовете, а его письмо Горькому, посланное вскоре после приезда в Ревель, датировано более поздним числом — 20 октября.

¹ H. G. Wells, *The Work, Wealth and Happiness of Mankind*, William Heinemann, Ltd., 1932, p. 590.

Один эпизод встречи Уэллса с Лениным неизменно привлекает внимание всех, кто пишет о ней. Уэллс считал утопией ленинский план электрификации России — план для того времени смелый, но совершенно реальный и с тех пор многократно превзойденный. Потом Уэллс несколько раз возвращался к этому эпизоду, объясняя свое недоверие либо тем, что он не знал тогда, какими гигантскими энергетическими ресурсами обладает Россия, либо тем, что подобный проект был бы слишком смелым даже для Англии, а тем более для России с ее огромными расстояниями и необходимостью строить большие линии энергопередач. Но подоснова недоверия Уэллса была иная. Уэллс, как уже говорилось, не верил в то, что большевики сумеют своими силами восстановить, не то что развить, хозяйство страны, а капиталисты (это он хорошо понимал) денег им не дадут. Кроме того, Уэллс не сумел до конца оценить метод мышления Ленина, человека, которому были одинаково чужды косность и прожектерство и который обладал способностью ставить совершенно конкретные, но далеко идущие по своим последствиям задачи. Уэллсу казалось, что Ленин, «который, как и положено ортодоксальному марксисту, осуждает всяческих «утопистов», в конечном счете сам увлекся утопией,— утопией электрификации». Но там, где Уэллс видел противоречие, была диалектика.

Разговор Уэллса с Лениным был, по словам самого Уэллса, разговором между «эволюционным коллективистом и марксистом», поэтому результат его неудивителен. «Наш многоплановый спор остался неоконченным», — пишет Уэллс. Но противник Ленина в этом споре не был его врагом. Он был целиком за ленинский кооперативный план («Работа, благосостояние и счастье человечества»), он видел в большевистской партии, созданной Лениным, инструмент плановой перестройки общества («Опыт автобиографии»), и, хотя Уэллс впоследствии говорил

о некоторых явлениях в жизни нашей страны и о некоторых периодах ее истории с большой резкостью, он всегда оставался истинным нашим доброжелателем.

На протяжении 20-х и 30-х годов Уэллс самым внимательным образом следил за всем, что происходит в нашей стране, и пользовался каждым случаем доставить английскому обществу как можно более обширную о ней информацию. В 1931 году британское радиовещание организовало серию из восьми передач под общим названием «Россия в плавильном котле». Перед микрофоном выступали инженеры, экономисты, педагоги, побывавшие в Советском Союзе. Беседы касались очень многих сторон жизни нашей страны. Речь шла о быте, сельском хозяйстве, транспорте, техническом образовании, промышленности, пятилетнем плане в целом. Итоги подводил Герберт Уэллс. Россия, говорил он, являет собой наиболее разительный пример перемен, идущих в мире. В России осуществляется то, что напрашивается повсюду. «Совершенно очевидно, что в мире назрела острая необходимость в какой-то форме верховного контроля, который покончит с застоем в нашей экономике и вычеркнет войну из числа возможных явлений,— заявил он.— Если наши руководители и государственные деятели не соберутся вместе и не сумеют добиться этого, мы еще потопчемся немного на краю того же плавильного котла и свалимся в него»¹.

На последних страницах «России во мгле» Уэллс высказывал надежду на то, что пример России и необходимость с ней торговать подтолкнет западные правительства на путь «коллективизма». Сейчас он снова пытается использовать пример нашей страны для того, чтобы доказать необходимость общего

---

¹ H. G. Wells, «The New Russia», Faber and Faber, Ltd., 1931, p. 111.

контроля над мировой экономикой и системы коллективной безопасности.

В 1932 году, продолжая пропагандировать коллективистские формы ведения хозяйства, Уэллс пишет о Советском Союзе в книге «Работа, благосостояние и счастье человечества»: «Его порыв в будущее не имеет прецедентов в истории»¹, а себя причисляет к «теплым его доброжелателям»². При всем, что удивляет и огорчает или даже отталкивает нас в сегодняшней России, мы не должны забывать, продолжает он, что Россия «высоко держит потрепанное в боях знамя мирового коллективизма, и она, когда охватываешь единым взглядом современное человечество, являет собой великолепное, внушающее надежду зрелище»³. Ведь «богачи не могут по-настоящему править миром, но за пределами Советской России невозможно править без них»⁴.

Главы этой книги, посвященные Советскому Союзу, поражают обилием материала. Мимо Уэллса не проходит ничто, касающееся нашей страны. Советские издания, впечатления иностранцев, посетивших Советский Союз, работы социологов и экономистов, посвященные «русскому эксперименту», политические обзоры, советские кинофильмы — все это нескончаемым потоком переливается на страницы книги Уэллса. Он словно готовится к новой поездке в Советский Союз.

В 1934 году эта поездка действительно состоялась. 22 июля, сойдя с самолета, он заявил звукооператорам «Союзкинохроники»: «Ленин во время нашей встречи в 1920 году сказал мне:

---

¹ H. G. Wells, *The Work. Wealth and Happiness of Mankind*, p. 506.

² Там же, стр. 184—185.

³ Там же, стр. 507.

⁴ Там же, стр. 513.

«Приезжайте через десять лет и тогда посмотрите нашу страну». Прошло четырнадцать лет, и я вторично приехал». Это была самая короткая из всех трех непродолжительных поездок Уэллса — в 1914 году он пробыл в нашей стране двенадцать дней, в 1920 — пятнадцать, на этот раз — только одиннадцать, — но Уэллс не мог не заметить огромных перемен, которые произошли в жизни страны. Изменились лица людей. В 1920 году, рассказывал Уэллс в «России во мгле», «почти все, с кем мы встречались, казались удрученными и не вполне здоровыми». На этот раз он увидел «счастливые лица здоровых людей». «Контраст по сравнению с 1920 годом поразительный», — заявил он.

Главной целью этой поездки была встреча со Сталиным. В беседе, состоявшейся 23 июля 1934 года, Уэллс упорно отстаивал свои реформистские идеи, доказывая, что понятие классовой борьбы устарело. В отказе от этого понятия Уэллс видел условие сближения Советского Союза с Западом. Это очередная попытка доказать свои идеи классового мира кончилась полной неудачей. Трудно, разумеется, было ожидать, что кто-то из собеседников переубедит другого, но Сталин говорил более убедительно, чем Уэллс, и опубликованный текст беседы вызвал комментарии, в большинстве своем неблагоприятные для Уэллса. В лондонском еженедельнике «Нью стейтсмен энд нейшн», где 27 октября был опубликован текст беседы, возникла дискуссия, из которой Уэллс вышел с большим уроном. Против Уэллса выступил Бернард Шоу¹. В защиту его — Дж. М. Кейнс. Однако других видных деятелей, пожелавших поддержать Уэллса, не нашлось. После выступления немецкого

---

¹ Шоу, Джордж Бернард (1856—1950) — выдающийся английский писатель-сатирик, драматург и публицист. Наиболее известны его пьесы «Пигмалион», «Профессия госпожи Уоррен» и др.

драматурга антифашиста Эрнста Толлера и нескольких читательских писем, опубликованных еженедельником, Уэллс, несколько раз еще скрещивавший в ходе дискуссии копыя с Шоу, молчаливо признал свое поражение — он отказался от дальнейшей полемики.

На этом можно закончить рассказ о трех поездках Уэллса в нашу страну. Самой важной из них, бесспорно, была поездка 1920 года. В этот год Уэллс встретился со страной, перевернувшей важнейшую страницу своей истории. В этот год он встретился с человеком, который оставил огромный след в судьбах всего человечества. И его впечатления о Ленине и о России 1920 года тоже стали документом истории.

Ю. Кагарлицкий

ПРИМЕЧАНИЯ

РОССИЯ ВО МГЛЕ

Впервые на русском языке эта книга вышла в 1922 году в Харькове в Государственном издательстве Украины. В 1958 и 1959 годах издавалась в Госполитиздате, Москва. В 1964 году была включена в полное собрание сочинений Г. Уэллса, т. 15, вышедшее в издательстве «Правда», Москва.

К стр. 17

* Каменев (Розенфельд) Л. Б. (1883—1936) — в большевистской партии состоял с 1901 года.

После Октябрьской социалистической революции — председатель Моссовета, заместитель председателя Совета Народных Комиссаров, был членом Политбюро ЦК. Неоднократно выступал против лепинской политики партии: после Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года выступал против ленинского курса партии на социалистическую революцию, в ноябре 1917 года был сторонником создания коалиционного правительства с участием меньшевиков и эсеров, в 1925 году — один из организаторов «новой оппозиции», в 1926 году — один из лидеров антипартийного троцкистско-зиновьевского блока. В 1927 году XV съездом ВКП(б) был исключен из партии как активный деятель троцкистской оппозиции. В 1928 году заявил о признании своих ошибок и был восстановлен в партии, однако антипартийной деятельности не прекратил и в 1932 году был снова исключен из ВКП(б). Вновь восстановлен в 1933 году. В 1934 году за антипартийную деятельность был в третий раз исключен из партии.

К стр. 19

* К IX съезду партии, состоявшемуся 29 марта — 5 апреля 1920 года, примерно за полгода до приезда Уэллса в Советскую Россию, в РКП(б) насчитывалось около 612 тысяч членов, а к X съезду партии (8—16 марта 1921 года) число коммунистов превышало 732 500.

К стр. 33

* Бакаев И. П. (1887—1936) — с 1917 г. член Петроградского Совета и губисполкома. На XIV съезде партии входил в Ленинградскую делегацию, ставшую в оппозицию к ЦК и съезду; после съезда примкнул к оппозиции, возглавлявшейся Зиновьевым, Каменевым и Троцким. За антипартийную деятельность исключен из партии.

** Залуцкий П. А. (1887—1937) — с 1905 года эсер. В большевистской партии состоял с 1907 года. До Октябрьской социалистической революции работал в партийных организациях Харбина, Владивостока и Петрограда. В 1918—1920 годах — на ответственных должностях в Красной Армии. В 1921 году — член и секретарь Президиума ВЦИК. С 1925 года — активный участник троцкистско-зиновьевской оппозиции. В 1927 году XV съездом исключен из партии. После восстановления в 1928 году вновь исключен из рядов ВКП(б) в 1934 году за антипартийную и антисоветскую деятельность.

К стр. 45

* Рассуждения Г. Уэллса о положении ученых и работников искусства в Петрограде в 1920 г. не всегда достаточно объективно отражают подлинную картину. В годы величайших социальных преобразований в революционном обновлении России активную роль играли многие выдающиеся ученые, писатели, художники. Известные писатели А. С. Серафимович, Д. А. Фурманов, молодой писатель А. А. Фадеев, видный уче-

ный астроном П. К. Штернберг и многие другие сражались на фронтах гражданской войны против белогвардейцев и иностранных интервентов. В. Г. Короленко был избран в мае 1918 г. почетным членом Академии наук. А. М. Горький стал в декабре 1918 г. членом президиума исполкома Петроградского Совета, он был назначен также комиссаром одной из петроградских типографий. А в марте 1920 г. великий пролетарский писатель был избран депутатом Моссовета. Значительная часть ученых продолжала даже в эти трудные годы вести активную научную деятельность, что отмечает кстати и сам Уэллс. Видные деятели науки и техники Г. О. Графтио, А. В. Винтер, Е. Я. Шульгин, А. А. Горев, И. Г. Александров, К. А. Круг, М. А. Шателен, Б. И. и А. И. Угримовы, Г. Д. Дубелир и другие были заняты разработкой плана ГОЭЛРО.

В эти же годы Советское правительство по инициативе В. И. Ленина делало все возможное, чтобы облегчить материальное положение ученых, литераторов и художников.

В марте 1920 г. была создана по указанию В. И. Ленина Комиссия по улучшению быта ученых, в деятельности которой большую роль играл А. М. Горький. Еще в 1918—1919 гг. отдельным группам ученых были выделены красноармейские продовольственные пайки. В декабре 1919 г. СНК принял декрет об улучшении положения научных специалистов, которым предусматривалось усиленное питание, создание необходимых жилищных условий. Были приняты специальные постановления СНК, подписанные В. И. Лениным, об обеспечении необходимых условий для успешной научной деятельности таких крупных ученых, как Н. Е. Жуковский и И. П. Павлов.

Известны многочисленные факты ленинской заботы о крупных ученых и писателях — Павлове, Тимирязеве, Горьком и многих других. А. В. Луначарский вспоминал, что В. И. Ленин не раз говорил ему: «Крупного ученого, большого специалиста

в той или иной области надо щадить до самой последней крайности, если даже он реакционер» («Революция и культура», 1927, № 1). Партия и правительство уделяли большое внимание организации науки и развитию высшего образования. Только за период с декабря 1917 по март 1919 г. было издано более 40 декретов по вопросам народного просвещения, высшей школы, науки, подготовки научно-педагогических кадров. В разгар гражданской войны, в 1919 г., была учреждена Академия наук Украины. За краткое время пребывания в России пораженный общим бедственным состоянием страны автор не сумел увидеть всех тех усилий правительства, которые были направлены на поддержание и дальнейшее развитие отечественной науки и культуры.

** В этом рассуждении, как и в ряде других, отчетливо видно, что Г. Уэллс не понимает и не приемлет теории классов и классовой борьбы.

К стр. 46

* Это неверное утверждение. В годы гражданской войны создали новые произведения А. М. Горький, А. С. Серафимович, Демьян Бедный, В. В. Маяковский, В. Я. Брюсов, А. А. Блок, С. А. Есенин, В. Билль-Белоцерковский, А. Безыменский и многие другие. Отдали свой талант служению революции художники И. Владимиров, Б. Кустодиев, И. Грабарь, А. Архипов, К. Юон, И. Бродский, Н. Касаткин, В. Мешков, В. Бакшеев. М. Греков уже в 1919 г. создал картины, отражавшие борьбу героической Красной Армии.

В области политического плаката активно работали М. М. Черемных, В. В. Маяковский, В. Н. Дени. Уэллс мог видеть расклеенные на улицах Москвы и Петрограда плакаты Д. С. Моора, в частности знаменитый плакат, написанный в 1920 г., «Ты записался добровольцем?»

Большую работу вели скульпторы: С. Алешин, Н. Андреев, С. Коненков, Л. Шервуд, С. Меркуров, А. Матвеев, И. Шадр, Б. Мухина. В 1918—1920 гг. только в Москве и Петрограде было открыто более 40 памятников выдающимся революционерам, деятелям науки, литературы и искусства.

К стр. 47

* Здесь Уэллс проявляет неосведомленность. Важнейшие положения Коммунистической партии в области социалистического преобразования духовной жизни общества раскрыты в Программе партии, принятой VIII съездом РКП(б) в марте 1919 г., в ряде других документов КПСС и Советского правительства, в многочисленных статьях и выступлениях В. И. Ленина. В этих материалах содержится великое множество «творческих, созидательных идей», наличия которых у коммунистов не видит английский гость страны Советов.

А. М. Горький еще в ноябре 1918 г. говорил, что «историки будущего... не могут не изумиться широте его (Советского правительства.— С. Х.) творчества в области культуры» (М. Горький. Собр. соч., т. 24, стр. 186—187).

К стр. 55

* Лорд Фишер (1841—1920) — адмирал британского флота, один из крупных военных деятелей Британской империи периода подготовки к первой мировой войне.

** Автору, по-видимому, не были известны конкретные данные о размахе революционного крестьянского движения. Лишь в сентябре — октябре 1917 г. произошло около 2 тысяч крестьянских выступлений. Только в европейской части России крестьянские восстания охватили 26 губерний. Составной частью крестьянского движения были выступления против буржуазного Временного правительства солдат, большая часть которых со-

стояла из крестьян. По преимуществу крестьянским по классовому составу было и национально-освободительное движение, развернувшееся в национальных районах страны. При «безразличии крестьян» Октябрьская социалистическая революция была бы невозможна.

К стр. 56

* Деникин А. И. (1872—1947) — генерал царской армии; в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920) — ставленник англо-французских и американских империалистов; главнокомандующий белогвардейскими вооруженными силами на юге России. После разгрома их советскими войсками (март 1920) эмигрировал за границу.

** Колчак А. В. (1873—1920) — адмирал царского флота, монархист. В 1918—1919 годах — один из главных руководителей российской контрреволюции, ставленник Антанты. При поддержке империалистов США, Англии и Франции объявил себя верховным правителем России и пытался возглавить военную буржуазно-помещичью диктатуру на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке. Частями Красной Армии был взят в плен и 7 февраля 1920 года, по постановлению Иркутского ревкома, расстрелян.

*** Врангель П. Н. (1878—1928) — генерал царской армии, барон, ярый монархист. В период иностранной военной интервенции и гражданской войны — ставленник англо-французских и американских империалистов. В апреле — ноябре 1920 года был главнокомандующим белогвардейскими «вооруженными силами юга России»; после разгрома их Красной Армией бежал за границу.

К стр. 57

* Троцкий (Бронштейн) Л. Д. (1879—1940) — член РСДРП с 1897 года, меньшевик. Вернувшись после Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года из эмиграции,

вошел в группу межрайонцев и вместе с ними на VI съезде РСДРП(б) был принят в большевистскую партию; однако Троцкий не перешел на позиции большевизма и вел скрытую и открытую борьбу против ленинизма, против политики партии.

После Октябрьской социалистической революции — нарком по иностранным делам, нарком по военным и морским делам, председатель Реввоенсовета Республики, был членом Политбюро ЦК и членом Исполкома Коминтерна. В 1918 году являлся противником заключения Брестского мира, в 1920—1921 годах возглавлял оппозицию в профсоюзной дискуссии, с 1923 года вел ожесточенную фракционную борьбу против генеральной линии партии, против ленинской программы построения социализма, отстаивал капитулянтскую теорию о невозможности победы социализма в СССР. В 1927 году Троцкий был исключен из партии, в 1929 году за антисоветскую деятельность выслан из СССР и в 1932 году лишен советского гражданства. Находясь за границей, Троцкий, будучи злейшим врагом ленинизма, продолжал борьбу против Советского государства и Коммунистической партии, против международного коммунистического движения.

** Автор проявляет неосведомленность, когда пишет, что боеспособность Красной Армии Советское правительство возродило в значительной степени благодаря Троцкому. Хорошо известно, что создание и укрепление Советских вооруженных сил были предметом особой заботы всей партии, ее Центрального Комитета, лично В. И. Ленина. Не менее известно и то, какую позицию занимал Троцкий по военному вопросу, что он неоднократно подвергался серьезной и справедливой критике на съездах партии, пленумах ЦК, в выступлениях В. И. Ленина и других партийных и государственных деятелей за извращения военной политики Коммунистической партии (см. об этом подробнее «Историю Коммунистической партии Советского Союза»,

том III, кн. 2 (март 1918—1920 гг.). Политиздат. М., 1968, стр. 275, 276, 278, 279, 297, 302, 304, 356, 357, 478, 500—502).

*** Вандерлип Ф. А. (1864—1937) — американский банкир, автор ряда книг по экономическим вопросам. В 1901—1909 гг. — вице-президент, в 1909—1919 гг. — президент «Нэшвел сити бэнк» в Нью-Йорке.

К стр. 60

* Рассуждения Уэллса о «скучном» Марксе, о «призрачных» понятиях класса капиталистов и класса рабочих и другие опять-таки подтверждают, насколько был далек их автор от понимания сущности марксизма, его значения для Великой Октябрьской революции и для строительства социализма и коммунизма в нашей стране.

К стр. 63

* Зорин (Гомберг) С. С. (1890—1937) — член партии с 1917 г. В 1911—1917 гг. жил в эмиграции. После Октябрьской революции — на советской и партийной работе. Один из участников «новой оппозиции» и троцкистско-зиновьевского блока. Был исключен из партии на XV съезде ВКП(б). В 1930 г. был восстановлен в партии. В 1935 г. снова исключен из партии.

К стр. 66

* Зиновьев (Радомысльский) Г. Е. (1883—1936) — в большевистской партии состоял с 1901 г. После Октябрьской социалистической революции — председатель Петроградского Совета, был членом Политбюро ЦК, председателем Исполкома Коминтерна. Неоднократно выступал против ленинской политики партии: в период подготовки и проведения Октябрьской социалистической революции проявлял колебания, выступил против вооруженного восстания, в ноябре 1917 года был сторонником создания коалиционного правительства с участием меньшевиков и эсеров. В 1925 году — один из организаторов «новой оппо-

зиции». В 1926 году — один из лидеров антипартийного троцкистско-зиновьевского блока. В ноябре 1927 года за фракционную деятельность был исключен из партии. В 1928 году заявил о признании своих ошибок и был восстановлен в партии, однако антипартийной деятельности не прекратил и в 1932 году был снова исключен из ВКП(б). Вновь восстановлен в 1933 году. В 1934 году за антипартийную деятельность был в третий раз исключен из партии.

** Утверждения автора о том, что факт победы социалистической революции прежде всего в России находится якобы в противоречии с марксистской теорией, что в России вообще нет никакого самостоятельного рабочего класса, являются аргументом критиков ленинской теории социалистической революции.

В порядке опровержения этого тезиса следует прежде всего сказать, что именно Маркс писал, что «в России неизбежна и близка грандиознейшая социальная революция...» (К. Маркс и Ф. Энгельс, изд. 2-е, т. 32, стр. 549). Он рассматривал революционное свержение военного режима в России как «предварительное условие для общего освобождения европейского пролетариата» (там же, т. 16, стр. 427). Энгельс выразил эту же мысль следующим образом: «А раз уж дело дойдет до революции в России, изменится лицо всей Европы» (там же, т. 19, стр. 124). Оптимистически оценивая революционные перспективы России, Энгельс писал: «В России дела идут великолепно. Там, пожалуй, развязка близка. ...Это будет ближайшим поворотным пунктом во всемирной истории» (там же, т. 34, стр. 344). В условиях империализма усилилось действие закона неравномерности экономического и политического развития капитализма. Анализ действия этого закона привел В. И. Ленина к выводу о возможности победы социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой стране. Все предпосылки для победы социализма были в России. Здесь возникла

революционная ситуация, переросшая в победоносную социалистическую революцию. То, что научно предсказали Маркс и Энгельс, стало историческим фактом.

*** Утверждение Уэллса лишено оснований. В нашей стране еще задолго до революции пролетариат сложился как самостоятельная организованная политическая сила, проявившая себя в качестве гегемона в ходе буржуазно-демократических революций 1905—1907 гг. и февраля 1917 г. Численность российского пролетариата в канун Октября достигала 15 млн. человек, в том числе более 3 млн. человек составлял фабрично-заводской пролетариат. Более двух третей рабочих (или более 10 млн. человек) не были связаны с деревней. И хотя в процентном отношении рабочий класс России составлял меньшинство населения страны (вместе со служащими — 17%), однако, как неоднократно отмечал В. И. Ленин, сила его состояла прежде всего в степени организованности, политической сознательности, его способности вести за собой остальные трудящиеся массы.

Важно также иметь в виду, что российский рабочий класс был сосредоточен на крупных предприятиях в отличие от пролетариата ряда стран Западной Европы и США. В Петрограде, например, явившемся колыбелью революции, в 1917 г. на предприятиях с числом рабочих свыше 500 человек было сосредоточено 82,1% общего количества рабочих столицы.

Таким образом, Октябрьская социалистическая революция явилась закономерным результатом экономического развития страны, неизбежным следствием обострившейся классовой борьбы и находилась в полном соответствии с марксистской теорией, творчески развитой В. И. Лениным.

К стр. 67

* Мак-Манус А. (1889—1927) — деятель английского рабочего движения. По профессии рабочий-металлист. Член Ком-

партии Великобритании с момента ее основания (1920). Был членом Политбюро ЦК Компартии Великобритании. С 1921 г. — член Исполкома Коминтерна.

К стр. 68

* Шинфейнеры — участники национального движения в Ирландии. Ульстерцы (ольстерцы) — жители Ольстера, провинции Ирландии. Войска Ольстера вместе с английскими участвовали в подавлении восстания ирландского народа.

** Кун, Бела (1886—1939) — журналист, выдающийся деятель венгерского и международного рабочего движения. Еще до первой мировой войны — активный работник Социал-демократической партии Венгрии. Во время первой мировой войны попал в качестве военнопленного в Россию; являлся одним из руководителей международного революционного движения среди военнопленных венгерской и других национальностей. В дни Великой Октябрьской социалистической революции — на партийной работе в Сибири. Осенью 1918 года возвращается на родину, принимает активное участие в создании Коммунистической партии Венгрии. Был народным комиссаром иностранных дел Венгерской Советской Республики. После поражения диктатуры пролетариата в Венгрии сначала интернирован в Австрии, а затем освобожден Советским Союзом. В дальнейшем — член ЦК Компартии Венгрии, член Президиума Исполкома Коминтерна.

*** Квелч, Томас (1886—1954) — английский социалист, затем коммунист, профсоюзный деятель и публицист. Представитель Британской социалистической партии на II конгрессе Коммунистического Интернационала. В 1920—1931 гг. входил в состав редакции журнала «Коммунистический интернационал».

* Ллойд-Джордж Д. (1863—1945) — английский государственный деятель и дипломат, лидер партии либералов. С 1890 года — член парламента. В 1916—1922 годах — премьер-министр; добивался укрепления позиций английского империализма на Ближнем и Среднем Востоке, на Балканах, жестоко подавлял национально-освободительное движение в колониях и зависимых странах.

** Мильеран А. Э. (1859—1943) — французский политический деятель; в 90-х годах примкнул к социалистам, возглавил оппортунистическое направление во французском социалистическом движении.

После исключения в 1904 году из социалистической партии Мильеран вместе с бывшими социалистами (Бриан, Вивьанн) образовал группу «независимых социалистов». В 1909—1915 годах занимал различные министерские посты. После Октябрьской социалистической революции был одним из организаторов антисоветской интервенции, в 1920—1924 годах — президент Французской республики. В июне 1924 года, после победы на выборах левых буржуазных партий, отказавшихся сотрудничать с ним, вынужден был уйти в отставку.

*** Вильсон, Вудро (1856—1924) — американский государственный деятель. В 1913—1921 гг. — президент США. В. И. Ленин писал о годах его правления: «...идеализированная республика Вильсона оказалась на деле формой самого бешеного империализма, самого бесстыдного угнетения и удушения слабых и малых народов». После Октябрьской революции был одним из организаторов военной интервенции США против Советской России.

* Луначарский А. В. (1875—1933) — видный советский государственный деятель, после II съезда РСДРП — большевик.

В годы реакции отходил от марксизма, участвовал в антипартийной группе «Вперед». В составе группы межрайонцев был принят в большевистскую партию на VI съезде РСДРП(б). После Октябрьской революции до 1929 г.— нарком просвещения. С 1930 г.— академик.

** Рыков А. И. (1881—1938) — в большевистской партии состоял с 1899 года.

После Октябрьской социалистической революции — нарком по внутренним делам, председатель ВСНХ, заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров и Совета Труда и Оборона, Председатель Совнаркома СССР и РСФСР, был членом Политбюро ЦК. Неоднократно выступал против ленинской политики партии: в ноябре 1917 года был сторонником создания коалиционного правительства с участием меньшевиков и эсеров и, заявив о несогласии с политикой партии, вышел из ЦК и из правительства. В 1928 году — один из лидеров правооппортунистического уклона в ВКП(б). В 1937 году за антипартийную деятельность был исключен из партии.

*** Лилина З. И. (1881—1929) — жена Г. Е. Зиновьева; как активная участница троцкистско-зиновьевского блока была исключена из партии на XV съезде ВКП(б).

**** Красин Л. Б. (1870—1926) — видный советский государственный деятель. В социал-демократическом движении принимал участие с 90-х гг., большевик.

После Октябрьской социалистической революции работал по организации снабжения Красной Армии, был членом президиума ВСНХ, наркомом торговли и промышленности, наркомом путей сообщения. С 1919 г. находился на дипломатической работе. С 1922 г.— нарком внешней торговли. С 1924 г.— полномочный представитель СССР во Франции. С 1925 г.— полпред в Англии.

***** Юденич Н. И. (1862—1933) — генерал царской армии.

После Октябрьской социалистической революции — член контрреволюционного «Северо-Западного правительства», главнокомандующий белогвардейской северо-западной армии. В 1919 году дважды безуспешно пытался взять Петроград. Разбитый Красной Армией, в ноябре 1919 года отступил в Эстонию, а затем уехал в Англию.

К стр. 80

* Чичерин Г. В. (1872—1936) — советский государственный деятель, выдающийся дипломат. С 1904 по 1917 год находился в эмиграции, где в 1905 году вступил в РСДРП. В период реакции — сторонник меньшевизма, в годы мировой империалистической войны — интернационалист; в конце 1917 года перешел на позиции большевизма и в 1918 году вступил в РКП(б). С 1918 по 1930 год — народный комиссар иностранных дел, возглавлял советские делегации на международных конференциях в Генуе и Лозанне. Был членом ВЦИК и ЦИК СССР. На XIV и XV съездах партии избирался в состав ЦК.

К стр. 91

* Баринг, Морис (1874—1945) — английский дипломат, журналист, писатель. Работал в посольствах Англии в Копенгагене, в Париже; был военным корреспондентом в Маньчжурии, России, Турции. Автор ряда книг о России.

К стр. 96

* Здесь Г. Уэллс обнаруживает непонимание существа ленинизма как нового этапа в творческом развитии марксизма. Нет, по существу, ни одного принципиального положения марксизма, которое не получило бы в новой исторической обстановке творческого развития в работах В. И. Ленина. Ограничимся перечислением лишь самых важных положений.

В. И. Ленин создал учение об империализме как последней стадии капитализма. Он развил дальше, обогатив новыми положениями марксистскую теорию социалистической революции. В. И. Ленин выдвинул и обосновал прежде всего тезис о невозможности в условиях империализма одновременной победы социализма во всех странах и возможности утверждения социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой стране.

Дальнейшее обоснование и развитие получило в трудах В. И. Ленина учение о диктатуре пролетариата, о путях и средствах ее завоевания и упрочения, о социалистической демократии, об исторической миссии рабочего класса — ведущей силы современности, вождя всех угнетенных и эксплуатируемых; о союзниках пролетариата и прежде всего о роли и значении союза рабочего класса и трудящегося крестьянства, как главного условия победы демократической и социалистической революции, как основы диктатуры пролетариата. В. И. Ленин развил применительно к новой обстановке марксистскую теорию национального и аграрного вопросов.

Ленин обстоятельно развил и конкретизировал положение Маркса и Энгельса о переходном периоде от капитализма к социализму, вскрыл его закономерности и главные черты, обосновал пути и методы социалистического строительства, разработал конкретный план построения социализма. Ленину принадлежит заслуга в дальнейшем развитии учения Маркса о коммунизме, двух фазах этого общества.

В. И. Ленин обобщил марксистские положения о партии рабочего класса, развил их в стройное учение о пролетарской партии, ее роли в классовой борьбе и революционном преобразовании общества, об основных организационных принципах ее построения и функционирования, нормах партийной жизни, разработал политические, идеологические, тео-

ретические и организационные основы марксистской партии.

В. И. Ленин разработал вопрос об основных движущих силах мирового революционного процесса: системы социализма, рабочего движения в развитых капиталистических странах и национально-освободительного движения, показал значение единства действий этих сил, обогатил новыми положениями и конкретизировал марксистское учение о пролетарском интернационализме и т. д. Надо сказать, что в «Опыте автобиографии» (1934) Уэллс пересмотрел свою точку зрения и признал, что «он (*Ленин*) превратил марксизм в ленинизм» (см. стр. 165).

К стр. 97

* В начале 1918 г. в Москве кровопролитных уличных боев не было. Возможно, автор имеет в виду бои, имевшие место во время подавления левоэсеровского мятежа 6 июля 1918 г.

К стр. 99

* Гардинг, Уоррен (1865—1923) — сенатор с 1914 г., президент США с 1921 г.

** Ротштейн Ф. А. (1871—1953) — советский историк и общественный деятель, академик. Член КПСС с 1901 г. Находясь в эмиграции в Англии (с 1890 г.), участвовал в 1920 г. в создании Коммунистической партии Великобритании. В августе 1920 г. вернулся на родину. В течение ряда лет был на дипломатической работе.

К стр. 101

* Бальфур А. Д. (1848—1930) — английский государственный и политический деятель, один из лидеров консервативной

партии. В 1902—1905 гг. — премьер-министр. После Великой Октябрьской социалистической революции явился одним из организаторов антисоветской интервенции.

АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

Статья была опубликована в еженедельнике «Санди экспресс» 12 декабря 1920 года, снабжена шапкой «Мистер Уэллс наносит ответный удар. По поводу критики мистера Черчилля». На русский язык переводится впервые.

К стр. 139

* Черчилль Уинстон (1874—1965) — английский государственный деятель; один из главных организаторов антисоветской интервенции в 1918—1920 гг. Один из руководителей антигитлеровской коалиции в период второй мировой войны. После войны — инициатор «холодной войны» против СССР. Неоднократно входил в состав правительства Великобритании и возглавлял его в 1940—1945 и в 1951—1955 гг.

К стр. 143

* Галлиполи — полуостров, город и порт в европейской части Турции у пролива Дарданеллы, место безуспешной наступательной операции англо-французского десанта во время первой мировой войны (в 1915—1916 гг.).

К стр. 144

* Мережковский Д. С. (1865—1941) — русский писатель. Автор исторических романов, стихов, литературно-критических работ. В 1920 г. эмигрировал, выступал против Советской власти.

К стр. 147

* Наполеон I, Наполеон Бонапарт (1769—1821) — французский государственный деятель и полководец, первый консул Французской республики (1799—1804), император Франции

(1804—1815), организатор бесславного похода французов на Россию в 1812 г.

К стр. 154

* Это заявление Уэллса, сделанное в пылу полемики, противоречит его же собственному утверждению о том, что большевики «такие же обыкновенные люди, вроде нас с вами, равно способные на хорошее и дурное, но столкнувшиеся с небывалыми трудностями» (стр. 146). Впрочем, подобное высказывание характерно для буржуазно-реформистской позиции Уэллса, мечтавшего о «нормальной эволюции» общества.

ПИСЬМО А. М. ГОРЬКОМУ

В русском переводе письмо впервые опубликовано в журнале «Иностранная литература» 1957 г., № 11. Подлинник письма хранится в отделе рукописей ИМЛИ АН СССР.

ЛЕНИН: ЧАСТНОСОБСТВЕННИЧЕСКИЙ КАПИТАЛИЗМ ПРОТИВ КОММУНИЗМА

Статья печатается по тексту сборника Н. G. Wells. A Year of Prophesying, T. Fisher Unwin, Ltd., 1924, pp. 110—114. Полный перевод публикуется впервые.

К стр. 159

* Это утверждение абсолютно не соответствует действительности. И конец 1919 и 1920 и последующие годы были периодом напряженнейшей работы В. И. Ленина. Он продолжал руководить партией и страной, направляя деятельность ЦК РКП(б), возглавляя Совет Народных Комиссаров и Совет труда и обороны. Не было ни одного вопроса внутренней и внешней политики советского государства, в разработку и практи-

ческое осуществление которого не внес своего решающего вклада в эти годы В. И. Ленин. Именно в эти годы Ленин обосновал необходимость и разработал основные положения новой экономической политики (нэпа), возглавил борьбу за их осуществление. Владимир Ильич разработал основные принципы, формы и условия объединения советских республик в единое многонациональное государство, руководил практической деятельностью партии по образованию СССР (декабрь 1922 г.). В. И. Ленин выступал докладчиком по основным вопросам повестки дня IX (1920 г.), X (1921 г.), XI (1922 г.) съездов РКП(б); II (1920 г.), III (1921 г.) и IV (1922 г.) конгрессов Коминтерна; VIII (декабрь 1919 г.), IX (1920 г.) и X (1921 г.) Всероссийских конференций РКП(б); VIII (1920 г.) и IX (1921 г.) Всероссийских съездов Советов, на съездах и конференциях профсоюзов и других общественных организаций, на заседаниях Моссовета. Даже в период болезни, продолжавшейся с перерывами в 1922—1923 гг., Ленин не прекращал практической деятельности по руководству Центральным Комитетом партии и Советским правительством. Менялись лишь формы руководства. На первый план выдвинулась переписка Ленина с партийными и государственными учреждениями и отдельными деятелями. Только, например, за январь — февраль 1922 г., когда Ленин в связи с болезнью вынужден был находиться в Горках (под Москвой), им было написано, по неполным данным, 156 проектов документов, деловых писем и статей. А в период со 2 октября до 16 декабря 1922 г., когда врачи разрешили Владимиру Ильичу вернуться к работе, но с сокращенным рабочим днем, он написал 224 деловых письма и записки, принял 171 человека, председательствовал на 32 заседаниях и совещаниях СНК, СТО, Политбюро ЦК и различных комиссий.

** Муссолини Б. (1883—1945) — фашистский диктатор Италии в 1922—1943 гг. Был захвачен партизанами и казнен по

приговору военного трибунала Комитета национального освобождения Северной Италии.

К стр. 161

* Здесь и ранее, упоминая о «многочисленных и беспощадных расстрелах», Уэллс сгущает краски, преувеличивая масштабы красного террора. Кроме того, он не указывает, что эта форма борьбы диктатуры пролетариата была вынужденной, навязанной классовым противником. Достаточно сказать, что на территории 22 губерний РСФСР лишь в июле 1918 г. было совершено 414 террористических актов против партийных и советских работников, в августе — 339, в сентябре — 6016 (см. «Власть Советов», 1918, № 25). Тысячи рабочих и крестьян были замучены и расстреляны в местностях, занятых белогвардейцами.

Напомним, что 30 августа 1918 г. был убит кандидат в члены ЦК РКП(б) председатель Петроградской Чрезвычайной комиссии М. С. Урицкий. В тот же день был тяжело ранен В. И. Ленин. Несколько раньше, в июне 1918 г., был убит видный партийный деятель В. Володарский. Лишь после многочисленных злодейских террористических актов 5 сентября 1918 г. Совет народных комиссаров принял постановление «О красном терроре». Причем это была временная, исключительная мера самообороны. Фактически уже в ноябре 1918 г. была прекращена практика массового красного террора. А 15 января 1920 г. было опубликовано постановление ВЧК, в котором местным чрезвычайным комиссиям предлагалось прекратить применение высшей меры наказания. 17 января 1920 г. председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский внес в Совнарком проект постановления об отмене смертной казни. 22 января 1920 г. декрет ВЦИК и СНК об отмене смертной казни был опубликован.

* Кейнс (или Кейнс) Д. М. (1883—1946) — английский буржуазный экономист, апологет государственно-монополистического капитализма. С 1915 года — чиновник министерства финансов Англии. В 1919 году участвовал в работе Парижской мирной конференции. Выйдя в отставку в июне 1919 года, подверг в ряде работ резкой критике экономическую несостоятельность версальской системы. С 1921 года был председателем крупной английской страховой компании. В 30-х годах явился основателем одного из апологетических направлений буржуазной политической экономии (названного по его имени «кейнсианством»), согласно которому буржуазное государство якобы способно «регулировать» капитализм и «обеспечить» в его рамках плановое хозяйство без кризисов и безработицы.

О ЗНАЧЕНИИ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Это письмо было отправлено Уэллсом секретарю английского издания журнала «Интернациональная литература». Подлинник хранится в отделе рукописей ИМЛИ АН СССР.

О ЛЕНИНЕ

Публикуемый отрывок взят из книги H. G. Wells, an Experiment in Autobiography, Victor Gollancz and Cresset Press, Ltd., 1934, pp. 776—777. Впервые на русском языке был опубликован в газете «Правда» от 27 марта 1960 г.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

* Лорд Беркенхед, Фредерик Эдвин Смит (1872—1930) — видный деятель английской консервативной партии, юрист, во время первой мировой войны генеральный прокурор армии.

СОДЕРЖАНИЕ

И. М. Майский. Слово к читателям	3
Россия во мгле. <i>Перевод В. Хинкиса</i>	15
Приложения. <i>Перевод В. Хинкиса</i>	119
Ответ Уинстону Черчиллю. <i>Перевод Р. Померанцевой</i> . . .	139
Письмо А. М. Горькому. <i>Перевод А. Саруханян</i>	156
Ленин: частно-собственнический капитализм против коммунизма. <i>Перевод Р. Померанцевой</i>	159
О значении Великой Октябрьской революции. <i>Перевод Р. Померанцевой</i>	165
О Ленине. <i>Перевод Р. Померанцевой</i>	166
Ю. И. Кагарлицкий. Послесловие	170
Примечания	199

Герберт Уэллс
РОССИЯ ВО МГЛЕ

Редактор *К. Федорова*
Художник *В. Еремин*
Художественный редактор *А. Купцов*
Технический редактор *И. Токер*
Корректор *В. Пестова*

Сдано в производство 26/XI 1969 г.
Подписано к печати 26/II 1970 г.
Бумага 70×108^{1/32} 3,5 бум. л., 9,8 печ. л. +
+0,18 п. л. вкл. Уч.-изд. л. 8,18.
Изд. № 12/11110. Цена 59 коп. Заказ № 579

Издательство «Прогресс»
Комитета по печати при Совете Министров СССР
Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 21

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова Главполиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров СССР
Москва, М-54, Валовая, 28

РОССІЯ ВО МГЛЕ

Герберт Уэллс